

84(2Рос.Руб)6
К 53

СОЛЁНЫЙ ПЁС

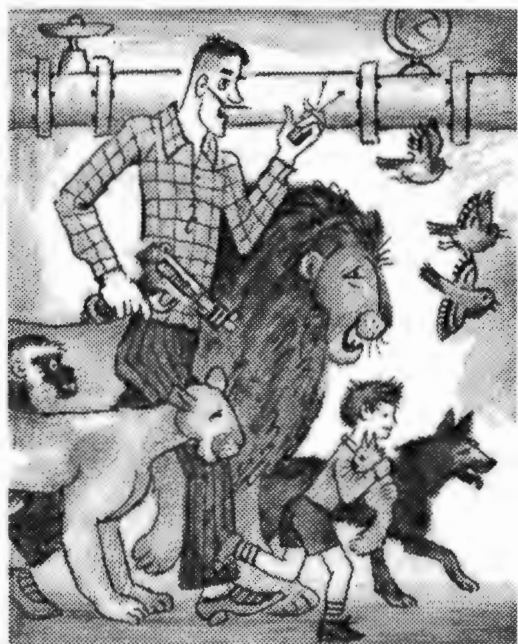
АСТ
АСТРЕЛЬ

ФЁДОР
КНОРРЕ

КНОРРЕ

АСТ
АСТРЕЛЬ

СЕРИЯ «ВНЕКЛАССНОЕ ЧТЕНИЕ»

Художник
В. Винокур

ФЁДОР КНОРРЕ

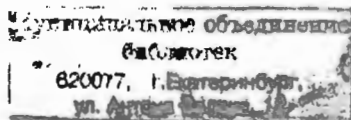
СОЛЁНЫЙ ПЁС

194842/1

АСТ
АСТРЕЛЬ

Москва
2006

УДК 821.161.1-31-053.2

ББК 84 (2Рос=Рус)6-44

К53

Художник В. Винокур
Серийное оформление А. ЛОГУТОВОЙ

Кнорре, Ф. Ф.

К53 Солёный пёс: [повесть-сказка и рассказ]/ Фёдор Кнорре;
ил. В. Винокура. — М.: Астрель: АСТ, 2006. — 430,[2] с.:
ил. — (Внеклассное чтение).

ISBN 5-17-033008-1 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 5-271-13555-1 (ООО «Издательство Астрель»)

В книгу замечательного детского писателя Фёдора Фёдоровича Кнорре
вошли повесть-сказка «Капитан Крокус» и рассказ «Солёный пёс».

УДК 821.161.1-31-053.2

ББК 84 (2Рос=Рус)6-44

Подписано в печать с готовых диапозитивов 23.11.2005.

Формат 84×108/32

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура Школьная

Усл. печ. л. 22,68. Тираж 7000 экз. Заказ № 2477

Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 2;
953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.24.953. Д.002132.04.05 от 21.04.2005 г.

ISBN 5-17-033008-1 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 5-271-13555-1 (ООО «Издательство Астрель»)

© Кнорре Ф. Ф., наследники, 2005

© Иллюстрации. Винокур В. И., 2005

© ООО «Издательство Астрель», 2005

КАПИТАН КРОКУС

Повесть-сказка

Глава 1

НЕВИННАЯ МЕЧТА ПОРОСЕНКА

Представление было в разгаре. Сияние люстр и плавная музыка лились из-под купола цирка на круглую арену, обведенную малиновым барьером.

Усатый дирижер в блестящем полуадмиральском мундире, встряхивая серебряной вермишелью эполет, нежно и грациозно взмахивал палочкой. Упитанные лошадки, подстриженные ежиком, протанцевали вальс, и маленькие розовые человечки один за другим пошли взлетать с подкидных досок и кувыряться в воздух, а при последних тактах целой оравой вскарабкались на

широко расставленные руки громадного силача с арбузными мускулами. Все время радостно улыбаясь, кланяясь и посылая в публику воздушные поцелуи, они облепили силача со всех сторон так, что тот стал похож на ствол дерева, усыпанного розовыми обезьянками какой-то очень веселой и вежливой породы.

А в это время в проходе, по которому обычно выпускали на арену тигров, клоунов и жирафов, за задернутым бархатным занавесом кипела суматоха.

— Зонтики морским свинкам выдали?.. Собачки оседланы? — в волнении кричал толстый человек, бегая назад и вперед по коридору, пытая и всплескивая руками. — Боже мой, сию минуту надо выходить к публике, а эти легкомысленные мартышки бегают до сих пор без штанов, в одних галстуках!.. Да где же, наконец, феска и халат для поросенка? Уморить меня сегодня решили, что ли?

На толстяке были необъятно широкие клетчатые штаны. Клетки на них были такие крупные, что, будь они не нарисованные, а настоящие птичьи клетки, в каждую можно было бы посадить по индюку. Щегольские лакированные ботинки при каждом шаге шелкали длинными носами по земле, точно мухобойки, прихлопнувшие муху.

Нос у толстого человека был похож на помидор, а рот правильным полукругом растянулся в веселой улыбке от одного уха до другого, что при-

давало лицу очень приветливый и жизнерадостный, хотя и несколько простодушный вид.

Это был знаменитый укротитель нехищных зверей клоун Коко, загримированный и одетый, готовый для выхода к публике.

Оркестр заиграл галоп, два служителя схватились за края раздвижного занавеса и разбежались в разные стороны, открывая проход.

Коко радостно захохотал и, шелкая своими мухобойками, вприпрыжку выбежал на арену, грациозно раскланиваясь направо и налево.

Публика обрадованно загалдела и захлопала. Коко повелительно шелкнул длинным бичом, на арену выскочила маленькая лошаденка, величинной с кошку, и с развевающейся гривой понеслась по кругу. Крошечный наездник в красном фраке пританцовывал у нее на спине, становился на руки и прыгал сквозь обручи, затянутые бумагой, как вдруг лошадка остановилась как вкопанная и отряхнулась, точно собака, выскочившая из воды. Наездник шлепнулся на песок, и маленькая лошадка, ухватив его зубами за штаны, потащила и отдала в руки Коко, который их обоих угостил сахаром, причем обнаружилось, что лошадка на самом деле собачонка, а наездник — мартышка. Их обоих служитель сунул себе под мышку и унес под хохот зрителей.

Затем служители вынесли и поставили посреди арены хижину с соломенной крышей и розовыми занавесочками на окошечках.

Притушенный было свет начал прибывать под звуки оркестра, исполнявшего музыкальную картинку «Рассвет». Из прожектора засиял солнечный луч, наступило утро, и в одном из окошечек появился Коко. Раздвинув занавеску, он зевнул и сладко потянулся, ясно показывая, что он только что встал ото сна.

В соседнем окошечке тоже приоткрылась занавеска, из-за нее выглянула поросычья морда и тоже зевнула.

Коко в красной феске и парчовом халате вышел на крылечко своей хижины и, наклонившись над цветочком, с наслаждением понюхал его, громко причмокивая, показывая, до чего он восхищен его ароматом.

Следом за ним, осторожно переступая на двух ножках, появился и поросенок в точно таком же парчовом халате и красной феске. Он тоже с видимым удовольствием понюхал цветочек, причмокнул и тут же украдкой, за спиной Коко, его с аппетитом схрюпал. Таким образом, оба обитателя домика, Коко и его поросенок, которого звали Персик, всем своим видом и поведением ясно показывали зрителю, что живут самой приятной жизнью, полной тихих радостей.

Потом клоун взял в руки скрипку и, вдохновенным жестом откинув со лба длинные волосы, которых у него почти не было, начал наигрывать песенку «Мечта поросенка», а поросенок в своем долгополом шлафроке, встряхивая кисточ-

кой фески, довольно музыкально (во всяком случае, для поросенка) стал напевать:

Хочу быть пастушком
С пастушеским рожком!..

Никто не мог понять, как это у них получалось, но всем очень нравилось и пение поросенка, и то, что мечта у него такая неприхотливая и простодушная. Во всяком случае, после того как поросенок, допев свой куплет, начинал дудеть в рожок, висевший у него на шее, и маршировать вокруг своего хозяина, надувая от натуги свое розовое брюшко и почти в такт переступая задними копытцами, публика вопила от удовольствия «браво» во все свои пять тысяч голосов, из которых по крайней мере три тысячи были детские голоса.

Клоун Коко надевал шляпу, брал в руки корзинку и, пояснив жестами, что отправляется на базар за провизией, весело напевая, уходил, трогательно попрощавшись с поросенком.

Едва он успевал скрыться в боковом проходе, как в оркестре возникали зловещие свисты и завывания, обычно предупреждающие зрителей, что сейчас начнут происходить какие-нибудь неприятности.

И действительно, на арене появлялась мрачная личность необыкновенно высокого роста, в долгополом, наглухо застегнутом пальто и черных очках. Как-то странно шурша и извиваясь,

точно она вовсе была лишена костей, она зигзагами все ближе подбиралась к беспечному поросенку, готовясь его схватить.

Чтобы ни у кого не оставалось сомнения, с какой целью она пытается завладеть поросенком, мрачная личность вытаскивала из кармана громадный нож и вилку, тарелку и банку с горчицей и, плотоядно облизываясь, раскладывала все это на салфетке.

Несчастный поросенок, видя эти ужасные приготовления, весь трясся, забившись в угол у крыльца, и, когда злодей пытался его схватить, кидался прятаться в свой домик.

Зрители с волнением следили за погоней: поросенок выскакивал через заднюю дверь, обегал вокруг домика и снова вскакивал через крыльцо, а преследователь, подвывая от злости, носился за ним, вытягивая длиннющие руки, и никак не мог его поймать.

Но тут на подмогу долговязому злодею являлось двое помощников — настоящих разбойников, в черных очках и с толстыми суковатыми дубинками в руках. Они потихоньку подкрадывались и становились у обоих выходов, заранее подняв свои ужасные дубины над головой.

Загнанный, затравленный поросенок сидел притаившись в домике. Долговязый злодей, потирая руки, неторопливо прокрадывался в дом и минуту спустя в бешенстве оттуда выскакивал. Поросенок исчез!

Все трое бросались внутрь, перерывали весь дом, вышвыривали мебель, телевизор, большой тюфяк Коко и его большую подушку с одеялом и маленький тюфячок поросенка с маленькой подушечкой и одеялом. Поросенка нигде не было!

Весело напевая, возвращался с базара Коко, помахивая корзинкой, откуда торчали морковка и лук, и застывал в ужасе, увидев разгром. Прежде чем он успевал опомниться, разбойники накидывались на него сзади, прикручивали веревкой к стулу, так что он не мог пошевелиться, и, угрожая дубинками, требовали, чтобы он указал, куда спрятался поросенок.

Коко горделивой и презрительной мимикой показывал, что он не боится угроз и презирает злодеев. Взбешенные разбойники приносили черную круглую бомбу, клали ее под стул, к которому был привязан беспомощный Коко, и, заранее ликуя, поджигали фитиль. После этого они с трусостью, характерной для всех злодеев, отбежали в сторону и, повернувшись спиной и заткнув уши, ждали взрыва.

Совершенно неожиданно освещался экран вытащенного из домика телевизора, и на нем возникало смутное изображение поросенка. Коко был удивлен и растроган: он грустно прощался с милым изображением, напоминающим ему о прежних счастливых днях. Но тут бумажный экран лопался, и сквозь него просовывалась

хитрая морда поросенка. Он боязливо осматривался и выпрыгивал из ящика телевизора, куда ловко спрятался во время разгрома.

Сразу оценив угрожающую другу опасность, он смело хватал зубами бомбу и мчался с ней к злодеям, ожидавшим взрыва. Мгновение, и бомба подложена под злодеев! Поросенок опрометью мчится обратно! Ба-бах! Бомба с треском и дымом взрывается! Злодеи высоко подпрыгивают и падают плашмя на землю, дрыгая ногами и руками. Морально подавленные неожиданным взрывом, они понимают, что им ничего не остается, как убежать за занавес, выражая свое отчаяние прыжками и визгливыми воплями.

Только один долговязый злодей вне себя от злобы, корчась от ненависти, зловеще шурша и даже как-то весь перекосившись набок, еще пытается схватить поросенка. Но тут Коко, ловко освободившись от веревок, подхватывает громадную спринцовку, и сильная струя воды ударяет прямо в нос злодею!

Тот бросается бежать, громко шурша, скрежеща зубами от бессильной злобы и извиваясь, точно его качает на сильном ветру.

Зрители в восторге: они уже догадались, что в этой борьбе самое главное — суметь облить врага водой, потому что желтоволосый тощий злодей просто трясется от одного вида спринцовки.

Следом за злодеем, бегающим по кругу, с отчаянной смелостью кидается поросенок! Он на-

стигает своего мучителя и вырывает у него из-под долгополого пальто... клок соломы! Под-не-смолкаемый хохот зрителей поросенок мчится за негодяем, стараясь отхватить побольше соломки из его туловища; победоносно хрюкает, солома клочьями летит во все стороны; поросенок трясет головой, отплевывается и снова норовит оттяпать соломки!..

Все кончалось тем, что укрощенное соломенное Чучелище под угрозой спринцовки послушно отплясывало, по-бабьи помахивая над головой платочком, время от времени злобно огрызаясь и скрежеща соломенными зубами, так что ребятишки в публике помирали от хохота.

А после того как посрамленный, поникший и раскисший злодей понуро удалялся, Коко снова брался за скрипку, а поросенок в восторге вскакивал на дыбки, маршировал и дудел в рожок мотив песенки своей скромной мечты...

Так повторялось из вечера в вечер, на каждом представлении... Но вот однажды, когда тысяча четыреста девяносто пять мальчиков и тысяча пятьсот пять девочек, шаркая ногами, толпились в проходах, со смехом расходясь из цирка, за кулисами, в длинном коридоре, где расположены конюшни, ослятники, слоновники, зебрятники, тигровники и гиппопотамники, словом, стойла для всех цирковых животных, раздался отчаянный поросячий визг. Поросенок Персик с разбегу влетел в уборную, где сидел, смазывая с лица

грим, клоун Коко, и, жалобно повизгивая, показал три капельки крови, выступившие на розовой гладкой коже в задней части туловища.

— Ах, бедняжка! — сокрушенно воскликнул Коко, сочувственно почесав поросенку ушки. — Ну, я ему сейчас покажу!

Он схватил спринцовку и выскочил в коридор. Поросенок, перестав хныкать, любопытно просунул нос в щелку двери и стал подглядывать, что будет.

Коко догнал долговязое Чучелище в тот момент, когда оно пыталось спрятаться за угол загородки для слонов.

— Ну-ка, отвечай, дрянное ты Чучелище, — строго сказал Коко, — отвечай, зачем ты уколол вилкой бедного поросенка? Что он тебе сделал?

Чучелище закачалось, зашуршало и пробурчало виновато, но злобно:

— Умгрушшушшшушшшу!

— Не притворяйся, — строго сказал Коко, хмурясь. — Кто ты такой? Простое огородное, дикое чучело или образованное, дрессированное, культурное Чучелище? Отвечай! Не шурши, как огородный дурак над капустной грядкой, говори по-человечески. Для чего я ввинтил в твою пустую башку разговорный аппарат?!

— Кчшшж-брр-чху!.. — упрямо шуршало Чучелище, корчась от злости и страха.

— Разве для того я отыскал тебя на огороде среди бобов и гороха, где над тобой издевались

воробьи и вороны, для того я с тобой возился целый год, сделал тебя артистом, чтоб ты стал хитрить, упрямиться и колоть вилкой моих поросят? Отвечай, не то я тебя сдам на подстилку слонам, тогда узнаешь!

Чучелище еще немного поскрипело, покорчилось и наконец капризно проскрипело:

— Я злодей!

— Глупости! На арене, в пантомиме ты злодей, да. А за кулисами ты не смеешь злодействовать. Еще чего выдумал! Ты артист, запомни!

— Не артист, — упрямо зашипело Чучелище. — Злодей! Злодей!

— Что-то ты своевольничать стал! — угрожающе нахмурился Коко. — А спринцовки хочешь? Вот оболую тебя как следует, помягче станешь.

— Не-е... не-е... — плаксиво задержалось от этой угрозы чучело и задрожало, точно почувствовало себя снова на родном огороде, на высоком шесте, где его мотал ветер.

— Ну, то-то! — удовлетворенно погрозил пальцем добродушный Коко.

К сожалению, клоун доверчив и простодушен был не только разыгрывая забавные пантомимы с участием поросят, но и в жизни тоже. И на этот раз он оказался слишком доверчивым, поверив в раскаяние злобного Чучелища. Наутро обнаружилось, что Чучелище исчезло, сбежало из цирка.

Напрасно расстроенный Коко бегал по всему городу, разыскивая Чучелище. Еле заметный след

из соломенной трухи, тянувшийся за беглецом, вскоре пропал.

Напрасно Коко объездил все пригородные огороды, внимательно приглядываясь к каждому чучелу, болтающемуся над грядками на длинной жерди. Все это были самые обыкновенные огородные, неученые чучела. Они только и умели, что болтать в воздухе длинными рукавами, надвинув рваную шляпу на нос, пугать воробьев да поскрипывать на ветру.

Дрессированное цирковое Чучелище пропало, исчезло... Может быть, его уже давно в клочья растрепал ветер или сжевали равнодушные коровы?

Глава 2

ПИРАТСКАЯ БУТЫЛКА КАПИТАНА КРОКУСА

В самом центре города стояли небоскребы. До того высокие, что никто из жителей не знал в точности, сколько в них этажей.

Находились, правда, иной раз такие упрямые спорщики, что брались на пари сосчитать этажи по окнам. Они становились на противоположном тротуаре и начинали считать, все выше и выше задирая голову и все сильнее перегибаясь назад, до тех пор пока у них все не начинало кружиться в голове. В конце концов они неизменно

шлепались навзничь и, стукнувшись затылком о землю, сбивались со счета.

Зато уж на окраине города самым отчаянным спорщикам не из-за чего было держать пари — почти все дома там были одноэтажные или двухэтажные.

Там, где кончалась окраина, сразу же начинался Шлаковый пустырь, бесконечный и бесплодный, как пустыня Сахара. Только вместо оазисов там среди зарослей лопухов поблескивали болотца, населенные голосистыми лягушками, а вместо верблюдов на кучах мусора паслись, фыркая друг на друга, горбатые кошки.

Вот по этой-то пустыне однажды вечером шел, пробираясь к реке, маленький мальчик, прислушиваясь к вечернему пению лягушек и похрустыванию шлака у себя под ногами.

Размышляя о пустынях и верблюдах, пиратах и необитаемых островах, он незаметно добрался до цели своего путешествия и скоро увидел в сумерках трубу небольшого домика, потом его крышу и, только подойдя совсем близко, увидел весь домик целиком.

Это был не только маленький домик, — это был еще и приземистый домик. К тому же он был обнесен довольно высоким забором, из-за которого едва видна была крыша. Так что издали он очень был похож на человека, упрятавшего нос в высоко поднятый воротник пальто.

Добравшись до калитки, мальчик постучался условным стуком. Тотчас во дворе слышались тяжелые шаги, и Капитан Крокус своим густым голосом сурово спросил:

— Кто там стучится в поздний час? Что за человек? И что ему тут нужно?

Мальчик тоненьким голоском пропищал:

— Стучится Малыш! Пришел посидеть в гости!

Вероятно, Капитан сквозь щелку в калитке уже разглядел, кто именно пришел, но все равно нужно было отвечать по всем правилам. Это был условный, тайный пароль. Таким образом, в случае чего, ни один посторонний не мог без предупреждения проникнуть в дом!

Калитка приотворилась, пропуская Малыша, и тотчас захлопнулась. Малыш и Капитан Крокус молча, как полагается мужчинам, крепко пожали друг другу руки.

Прежде чем пройти следом за Капитаном в дом, Малыш, как всегда, побежал и присел на корточки перед громадной собачьей будкой, в которой жила маленькая, очень застенчивая собачка Головастик.

— Здравствуй, славный уродик! — ласково сказал Малыш, заглядывая в темноту будки. — Как ты сегодня насчет кусочка сахарку?

В будке слышалась возня — ведь Головастик был очень стеснительный и неуклюжий. Малыш засмеялся, почувствовав прикосновение толстой мягкой губы к руке. Головастик захрустел, разгры-

зая сахар, и дружелюбно засопел. На мгновение его большущий толстый нос мелькнул в отверстии, но тотчас же опять спрятался в глубине.

Вообще Головастик никогда не вылезал из будки при посторонних, только высовывал иногда самый кончик толстого желтого носа с большими черными ноздрями. Конечно, у него была причина так прятаться от людских взглядов. Уж урод так урод! Именно поэтому мальчики, приходившие в гости к Капитану, и прозвали его Головастиком, хотя сам Капитан звал его Нероном!

Мальчики жалели Головастика — еще бы: всякий, у кого при таком тщедушном теле оказался бы эдакий толстенный, тяжеленный носина, постеснялся бы высовывать его на свет!

Капитан уже пододвинул к камину большое кресло и покуривал, поджидая, пока Малыш кончит разговаривать с Головастиком.

— Хлебнем добрый глоток из старой пиратской бутылочки? — предложил Капитан, когда Малыш уселся с ногами в кресло прямо против весело потрескивающего огня.

Малыш подмигнул, поежился от удовольствия, и Капитан достал из корабельного шкафчика глиняную бутылку с изображением летящего на всех парусах корабля. Потом он открыл жестянку настоящих морских сухарей и наполнил стаканчики.

Прежде чем окунуть сухарь в напиток, Малыш тщательно оглядел его со всех сторон и слегка

пососал. Ведь это был не какой-нибудь обыкновенный сухаришко, какие продаются в булочной. Этот суровый твердый сухарь, может быть, проплыл вокруг света. Такие сухари после кораблекрушения пересчитывали и делили поровну оставшиеся в живых матросы в спасательной шлюпке посреди необозримого океана!

— Настоящее пиратское! — залихватски крикнул Малыш, с наслаждением прихлебывая сладкий напиток и макая в него сухарь. — Вот таким вы и подкреплялись в открытом море?.. А откуда вы брали калину?

— Для приготовления напитка?.. Ну-у, разными способами, — задумчиво ответил Капитан, посасывая трубку. — Иной раз удавалось отбить королевский фрегат, груженный малиной и пряниками. Тогда нам всего необходимого хватало надолго. А то можно было под прикрытием двенадцатифунтовых пушек высадить на берег десантный отряд...

— Вооружившись до зубов? — спросил Малыш, жмурясь от удовольствия и причмокивая.

— Правильно, до зубов, и никак не меньше. Иной раз можно было позволить себе вооружиться и полегче, но тут-то дело было нешуточное... Через ловких лазутчиков нужно было найти самый лучший малинник со спелой малиной и неожиданно окружить его со всех сторон! Главное было — ни на минуту не терять присутствия духа.

— А кто же потом собирал малину?

— Ну, тут уж нужно было действовать самим пиратам. Военная хитрость! Приходилось брать в руки корзинки, повязываться бабьими платочками и тонкими голосами распевать глупые песенки, чтобы не привлекать к себе внимания местных жителей...

— А то ведь они могли бы заподозрить неладное? — рассудительно заметил Малыш.

— Вот именно. А когда малина вся собрана...

— Вам надо было не забыть развязать хозяев малинника. Ведь вам же пришлось их связать?

— Кому ты подсказываешь? Ты что думаешь? Пираты своего дела не знали, что ли? Самым первым делом было развязать перепуганных хозяев, со смехом бросить им кошелек, полный двойных золотых испанских дублонов, чтоб они могли себе купить пять таких же малинников... ну, и айда под прикрытием тех же пушек обратно на родной корабль!

— А они-то, чудак, перепугались сначала! А после зато вот обрадовались!

Оба собеседника тихонько рассмеялись и подмигнули друг другу, точно это они сами только что так ловко обтяпали славное пиратское дельце с малиной и двойными дублонами.

Малыш принялся вымакивать сухарем уже второй стаканчик пиратского малинового сока, когда у калитки снова раздался стук.

— Кто там стучится в поздний час? Что за человек и что ему нужно? — спросил Капитан.

— Стучит Ломтик. Пришел в гости! — ответил тонкий голосок.

Ломтика впустили, и все трое обменялись молчаливым рукопожатием.

— Как дела, уродик? — сказал Ломтик, просовывая руку в маленькие воротца собачьей будки, чтоб погладить кончик носа собачки. — Тяжело тебе? Все таскаешь на своих тонких лапках этот носище? Помнишь, прошлый раз я хотел тебе принести большой ломоть пирога, нечаянно съел его, как только вышел из дому. Зато сегодня его почти до полдороги донес. И только откусил совсем маленький кусочек. А знаешь, как идет дальше дело, когда откусишь маленький кусочек?.. Вот то-то! Просто руку не успел отдернуть, смотрю — одни крошки остались. Ну уж в следующий раз лопну, а донесу. Ладно? Ты уж не обижайся.

Уладив дело с собакой, Ломтик побежал в дом, чтоб получить свою порцию напитка с сухарем.

— А где мы вчера с Ломтищем были-и! — загадочно протянул Малыш. — Никогда не угадаете... А? В цирке! — и, вытащив из кармана цирковую афишку, подал ее Капитану.

Ребята знали, что Капитан очень интересуется цирком, хотя сам туда никогда не ходит. Он был странноватый старик, и дети подозревали, что за всю жизнь ему так ни разу и не удалось побывать в цирке.

Задумчиво разглаживая на столе помятую афишку, Капитан, улыбаясь, с интересом слушал рассказ мальчиков.

Они рассказали ему все, что было вчера, по порядку, с того момента, когда они садились в автобус, собираясь ехать в цирк, кончая тем, что кому приснилось после представления. Капитан чувственно тарашил глаза и ахал, когда какому-нибудь артисту грозила опасность свалиться с проволоки или сорваться с трапеции, посмеивался над проделками клоунов. Но больше всего ему понравился рассказ про клоуна Коко.

Малыш гудел и извивался, изображая Чучелище, а Ломтик тряс головой, отплевывался от соломы и дудел, показывая, как маршировал поросенок Персик.

Капитан вытирал слезы от смеха и все кивал головой, приговаривая:

— Ах, до чего же славный поросенок!.. Наверное, он один из всех на свете поросят, когда вырос, не сделался свиньей. Замечательный поросенок!

Потом мальчики заметили, что Капитан как-то приумолк и приуныл. Ему, видно, взгрустнулось, и они догадывались почему.

— А вам бы самому хотелось, Капитан, когда-нибудь побывать в цирке? — сочувственно спросил Малыш.

Капитан ответил не сразу. Он подумал и неуверенно пробормотал:

— Иногда мне кажется, что я не прочь бы туда заглянуть... иногда... — Капитан отошел к окошку и, распахнув его настежь, облокотился на подоконник. — Когда вы мне так хорошо рассказываете про все, что там увидели, я думаю, что мне уже не стоит идти туда самому...

Ребята подошли и тоже облокотились на подоконник рядом с Капитаном.

Под самыми окнами домика берег круто спускался вниз, к воде, и слышно было, как далеко внизу, у старых причалов с заброшенными ржавыми банями, журчала река, окутанная вечерним туманом.

Несколько минут все молчали, глядя на проплывающие в тумане цветные огоньки кораблей, неторопливо пробиравшихся по реке к близкому выходу в море. Справа полыхало в темноте зарево большого города, а слева цепочкой убегали вдаль фонари автострады.

Корабельные сирены подвывали в тумане, а на пустыре в маленьком болотце лягушки из себя выходили, стараясь переквакать друг друга.

— И о чем это они все квакают? — спросил Малыш.

Капитан, видно, уже приободрился, потому что усмехнулся и весело ответил:

— Сейчас у них всего только небольшой концерт. Вот, слышите, притихли. Наверное, объявляют следующий номер. Одна лягушка отквакает веселую песню про слякоть, дождик, лужи,

грязь и туман, а все остальные хором будут при-квакивать припев... А потом двое приезжих из соседней лужи станцуют модный танец кваковьяк, и все поскачут по домам спать. Да и нам пора тоже!

Глава 3

КАК СДЕЛАТЬСЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТЬЮ В КРАТЧАЙШИЙ СРОК

Город этот считался одним из самых современных и автоматизированных городов в мире, и, понятное дело, его обитатели совершенно автоматически этим очень гордились.

В Тайном совете, управлявшем городом, долгое время шли разные полезные споры; например, одни считали, что время идет слишком быстро и нужно принять меры, чтобы его, по возможности, задержать, а другие находили, что оно тянется слишком медленно и его надо подгонять.

Одни считали, что у них в городе все уже совершенно достаточно автоматизировано и механизировано, другие настаивали на том, чтобы автоматизация продолжалась полным ходом до тех пор, пока все на свете не будет автоматизировано, кроме них самих, конечно!

Эти и разные другие споры длились много лет. До тех самых пор, пока в городе не появилась Историческая Личность.

Город (как и многие другие) состоял из домов, дома состояли из этажей, а дома и этажи принадлежали владельцам. Чем большим количеством этажей владел человек, тем более уважаемым гражданином он считался.

Какая-нибудь жалкая старушка, владевшая всего-навсего одноэтажным домиком, занимала самое низкое положение в обществе и прямо так презрительно и называлась Этажеркой. Владелец десятиэтажного дома именовался Почтенным Десятником. А тот, у кого было сто или больше собственных этажей, получал звание Досточтимого, Достоеэтажного члена Тайного совета многоэтажников.

Заседания Тайного совета, конечно, происходили всегда в самой глубокой тайне. Иначе ведь это не были бы тайные заседания!

У каждого Достоеэтажного члена совета был свой секретный золотой жетончик с номером, вроде тех, что дают в обмен на пальто в гардеробах, только тайный и с секретными, очень сложными зубчиками.

Явившись на заседание, он проходил в Пусковую камеру, усаживался в свое кресло и, опустив жетончик в щелку автомата, крепче вцеплялся в ручки кресла. Раздавалось легкое чмокание, кресло всасывалось в трубу и тотчас, со свистом пролетев двести сорок один этаж, оказывалось на крыше.

Тут его подхватывал реактивный вертолет и, пронесшись над городом, опускал посреди мор-

ского залива, где уже поджидала подводная лодка. Она ныряла вместе с креслом и, повернув обратно к берегу, входила под водой в туннель, находившийся прямо под Домом заседаний, и там высаживала кресло в лифт, который поднимался вверх. Слегка обалдевший заседатель, сам того не зная, оказывался в десяти шагах от того места, откуда начал путешествие, — собственно говоря, попросту в соседней комнате, в Тайном зале. Все это было, возможно, несколько сложно, но зато уж секретно — дальше ехать некуда!

Зал заседаний назывался Стеганным, потому что, хотя стены его были сложены из толстенных броневых плит, изнутри он от пола до потолка весь был обит стегаными подушками, матрасами и пуховиками, чтобы ни один секретный звук не мог проникнуть наружу.

Освещалась комната витыми восковыми свечами, и Секретный Секретарь вел протокол, макая гусиное перо в четырехлитровую серебряную чернильницу.

Только какой-нибудь чужак мог бы удивиться, что тайные советники, среди которых было так много сторонников всеобщей повальной автоматизации, сами заседали в такой обстановке. Но дело в том, что господа тайные советники были убеждены, что автоматизация всей жизни штука полезная, необходимая и даже благотворительная, но только для рядовых, безэтажных и малоэтажных жителей города.

И вот однажды Председатель совета многоэтажников, пробираясь по мягким пуховикам, как по сугробам снега, к своему председательскому креслу, с изумлением обнаружил, что кресло кем-то занято. Он осведомился у сидящего, кто позволил ему занять чужое место.

— Сам! — свирепо рявкнул человек в ответ.

Тогда председатель подошел поближе и спокойным, величавым жестом взял незнакомца за шиворот, но тут же с пронзительным визгом отскочил и, шлепнувшись среди пуховиков, долго, испуганно, непонимающе моргал, глядя на свирепого незнакомца.

Тогда человек, занявший его место, выпрямился во весь рост и произнес, вернее, выпалил, выпустил, как пулеметную очередь, речь.

В первые минуты она показалась многим грубоватой и нахальной, слегка бессмысленной и похожей на лай собаки со скверным характером.

— Я требую! — орал он, выпучив глазищи. — Немедленно и сейчас же автоматизировать! Добиться всеобщей механизации! Срочно! Всех до одного! поголовно и повально! Тут же! Быстро! Что? Кто не согласен?..

Тут его речь перестала быть похожей на лай и стала похожа скорее на злобный визг собаки, которая уже вцепилась кому-то в ногу. В конце концов он все-таки выпустил изо рта ногу воображаемого противника и внятно пролаял:

— Кто не согласен — всех пустить на чучела! Выпотрошить! Набить опилками! Очучелить всех до одного! Не допущу! Автоматизировать всех!

И тут сторонники полной, повальной и поголовной автоматизации поняли, что получили мощную поддержку, и стали издавать приветственные клики, подсакивая на пуховиках. Особенно радостно подпрыгивал и издавал особенно восторженные крики один очень influential член Тайного совета, носивший громкий титул Почетного Ростовщика Республики.

Для тех, кто не совсем ясно представляет себе, что может означать такой титул, поясним: ростовщик — это одна из худших разновидностей банкира, а что такое банкир, лучше всего определил долго живший среди банкиров писатель Марк Твен: «Это человек, одалживающий вам зонтик, когда ярко светит солнце, и отбирающий его в тот самый момент, когда начинается дождь».

С тех пор каждое заседание Тайного совета многоэтажников открывалось (и закрывалось) речью своего Председателя. Речь была всегда одна и та же (что, как известно, служит вернейшим признаком великого человека), и уже на десятом заседании все поняли, что перед ними Историческая Личность.

Люди, хоть немного знакомые с историей, знают, как один древний римлянин завоевал себе такое почетное звание. Когда соседи ему говорили: «Доброе утро!», он в ответ рявкал: «А Карфаген дол-

жен быть разрушен!» Обсуждался вопрос о починке городской мостовой или о строительстве новой бани, а он долбил свое: «А Карфаген должен быть разрушен!» Его просили не лезть без очереди за финиками или оливковым маслом, а он, не обращая ни на кого внимания, бубнил свое: «Карфаген...», и так далее. Наконец этим бедным римлянам, его согражданам, просто житья не стало, так он допек всех своим Карфагеном. Чтоб положить этому конец, им не оставалось ничего, кроме как пойти и разрушить этот несчастный Карфаген.

Наверное, у них в Риме мостовые так и остались непочиненными, в банях не стало горячей воды, а Карфаген был очень красивым городом, куда, наверное, гораздо приятнее было бы ездить в гости или с туристской путевкой, и среди жителей было много симпатичных ребят, но все это для истории не играет никакой роли. Настырный римлянин, как известно, своей долбежкой добился местечка в списке великих исторических личностей...

Члены совета многоэтажников, вероятно, хорошо знали римскую историю и, убедившись, что среди них завелась самая настоящая Историческая Личность, не хуже римской, присвоили ей звание Генерал-Кибернатора.

С этих пор все споры прекратились и вопросы на заседаниях стали решаться очень быстро. Секретный Секретарь только называл вопросы: — Как следует поступить со школами?

И Генерал-Кибернатор рычал:

— Автоматизировать!.. Механизировать!..
Всех!.. Срочно!

— Решено. Учителей?

— Автоматизировать!

— Записано. Зоопарк?..

— Автоматизировать! Очучелить! Всех на чучела!

Так началась эпоха окончательной автоматизации и повальной механизации в городе.

Для малолетних граждан создавались Курсы по скоростному переводу во взрослых полуавтоматизированных граждан, минуя устарелый, никому не нужный период детства со всеми его отжившими нелепостями: сказками, игрушками, цирковыми пантомимами, куклами и домашними зверьками.

Почетный Ростовщик Республики, ближайший советник Генерал-Кибернатора, получив грандиозный государственный заказ, построил мощный, полностью механизированный Комбинат по производству чучел и автоматических заменителей домашних животных.

Начинался Новый Порядок!

Глава 4

БУРАТИНО ПОЛУПОТРОШЕННЫЙ

Новый Порядок набирал силу. Из всех школ убрали живых учителей, и там стали преподавать

специальные обучательные автоматы, до такой степени битком набитые научными программами, что нередко приходилось стягивать все новыми стальными обручами с заклепками, чтобы они не лопнули от распиравших их знаний.

Обыкновенному мальчишке и думать нечего было пытаться заглянуть в шпаргалку или спрятаться под парту от такого учителя! Только детишки очень почтенных родителей из многоэтажников могли приобретать себе портативные шпаргальные аппаратики, которые легко было спрятать в ухе. Они стоили очень дорого, но их выпускала та же фирма, которая изготовляла и преподавателей, поэтому они без ошибки подсказывали точные ответы на любые вопросы обучателей. Да так быстро и ловко, что никто углядеть не успевал, как все знания улетали ученику в одно ухо и тут же вылетали в другое... Вообще вся жизнь необыкновенно стройно автоматизировалась.

С каждым днем в Зоопарке все меньше оставалось устарелых, ныне запрещенных, живых животных: механические слоны, помахивая хоботами, вежливо кланялись, подхватывая хоботом и глотая капроновые булki, которыми их кормили дети. Жирафы, вытягивая шеи, срывали и прожевывали нейлоновые листья, прохаживаясь взад и вперед под легкое жужжание моторчиков у них в животах, а автоматические мартышки качались на ветвях искусственных пальм, дергая друг друга за резиновые хвосты.

Что касается нестандартных и нецелесообразных, негигиеничных домашних животных, то их забирали по всему городу приемщики Чучельно-механического комбината и взамен через некоторое время возвращали за особую плату отличных заводных котов, собачек и морских свинок...

И вот собранные из всех домов, домиков и домищ своего района дети сидели и слушали Инструкцию.

— Дети! — рявкнул голос Инструктора через двадцать усилителей.

Сидевший в задних рядах Малыш вздрогнул, оттого что сигнальная лампочка контрольного аппарата замигала, и аппарат погрозил ему пальцем — он на минуту стал невнимательно слушать. Малыш подтолкнул локтем сидевшего рядом Ломтика, и оба, вытаращив глаза, принялись слушать изо всех сил.

— Дети! Вы стыдитесь того, что вы все еще дети? — рявкнул Инструктор.

— Стыдимся! — отчаянно запищали по всему залу детские голоса.

— Стыдитесь! Правильно! — продолжал Инструктор. — Что такое дети? Это не взрослые. Взрослые — это настоящие, полностью готовые люди. Значит, дети еще полулюди, неготовые взрослые. Полуфабрикаты человека. Ясно?

Что же такое детство в наш автоматизированный век? Это своего рода болезнь, от которой надо как можно скорей вылечиться. И мы здесь

вас вылечим. Сюда вы пришли детьми. Отсюда уйдете взрослыми, готовыми, вылеченными. Но сейчас еще многие из вас заражены постыдными вирусами детства.

Вы все замечены в том, что посещали устарелое, ненаучное зрелище под названием «цирк». Бессмысленно смотрели там живых, неусовершенствованных, нелепых животных и не менее живых клоунов, теперь ради вашего блага полностью запрещенных.

Эти клоуны официально признаны вредными. Как теперь обнаружено, они были носителями и распространителями отвратительной и опасной болезни, носившей эпидемический характер. Приступы этой болезни начинались с нарушения ритмичности дыхания, переходящего в короткие, прерывистые вскрики, сопровождаемые произвольным растягиванием рта до ушей, что является постыдным и недопустимым для гражданина автоматизированного города. Эта болезнь, с которой мы ведем борьбу, уже в старину была известна врачам и называлась «смех».

Что есть идеал человека? Автомат! Вы видели, чтоб автомат, выполняющий полезную работу ста человек, хоть раз засмеялся, хихикнул или даже улыбнулся? Никогда! Можем мы приблизиться к автоматическому идеалу? Можем. А кто не захочет приблизиться, того мы сумеем приблизить. А кого не приблизим, того очучелим.

Итак, запомните. Смех, а тем более хохот запрещены, ликвидированы, уничтожены, изъяты и осуждены раз навсегда. Все носители или распространители этой заразы будут беспощадно очучеливаться. Пункт первый закончен. Включайтесь на запоминание второго. Вы уже знаете, что в нашем городе отныне запрещены так называемые сказки. Знаете?

— Знаем! — с дружным отчаянием, испуганно запищали детские голоса со всех концов зала.

— Наши ученые по указанию Генерал-Кибернатора установили, что быстрому излечению от болезненного состояния, носящего название «детство», прежде всего мешают сказки. Что такое сказки? Лживые, невероятные истории, основанные на непроверенных или злостно искаженных фактах, — вот что они такое! Чтобы ускоренным темпом стать полноценными взрослыми, вы должны научиться видеть все в правильном свете. И мы вас научим, а кто не захочет видеть в правильном свете, что с ним будет, вернее — что из него будет? Ну?

— Чучело! — вытаращив глаза от страха, запищали дети.

— Правильно! Но я знаю, что вы все хотите как можно скорее стать взрослыми, полезными гражданами. Со старыми сказками все покончено. Все, что было напечатано в книжках, будет сожжено. А те сказки, которые еще застряли у вас в головах, мы хотя бы научим вас правильно

понимать. Из сказок даже можно почерпнуть кое-что полезное, если научиться их верно понимать. Выбросить из головы всех слюнявых сироток, приветливых старушек, добреньких дурачков, хитрых мальчиков с пальчик — вся эта чушь выдумана теми, кто хочет подорвать здоровые основы нашего управления! Выбросили? Так!

В старых сказках все вывернуто наизнанку; черное выбелено, белое очернено. Какая фигура возвышается над всеми глупыми маленькими героями сказок? Конечно, это величественная фигура Бабы-Яги! Вот кто достоин подражания и нашего уважения. В отдаленные времена, когда техника находилась еще в зачаточном состоянии, эта волевая, энергичная владелица крупных лесных массивов уже боролась со своими врагами, передвигаясь по воздуху в так называемой ступе, управляемой помелом, этим прообразом реактивного двигателя. Лживые сказки пытались вас уверить, что эта сильная, а следовательно, и вполне законная повелительница была побеждена какой-то крестьянской девчонкой! Каждый разумный человек понимает, что на самом деле оснащенная передовой техникой Баба-Яга несомненно должна была выйти победительницей.

Еще яснее вредный смысл выступает в сказке, пытающейся опорочить другого положительного героя — Змея Горыныча. Эта замечательная личность, помимо своих высоких летных качеств, достойна уважения тем, что одна из пер-

вых применила огнеметные приспособления. Во имя чего уважаемый Горыныч пускал в ход свои огнеметы и слезоточивый дым? Чтоб усмирить жителей города, пытавшихся уклониться от уплаты установленного законного налога! Форма налога не имеет значения. Ему нравилось кушать жителей? Его законное право, поскольку полное военное превосходство было на его стороне.

На этих примерах вы убедились, что в сказках все перевернуто. Вся эта болтовня о маленьких человечках, якобы победивших сильных законных управителей, — сплетни бунтовщиков, и только. Понятно?

И тут из зала, переполненного детьми, раздался дрожащий голосок:

— А прекрасная добрая принцесса?

— Какая еще принцесса? — хмурясь, спросил Инструктор и, направив яркий луч прожектора, осветил маленькую испуганную девочку, которая, трясась от страха, привстала с места, чтоб вступить за свою любимую сказку.

— Она была краше всех на свете... Белоснежка...

Луч погас, и Инструктор подбавил громкости в репродукторы.

— Белоснежка? Смысл истории ясен: энергичный принц, опередив конкурентов, удачно вступает в брак с принцессой, обеспечив себе пятьдесят процентов царства, хотя человек всегда должен стремиться к тому, чтобы овладеть

контрольным пакетом акций любого предприятия, хотя бы на пятьдесят один процент. Но все-таки сделка была неплохая. А вот вся болтовня о красоте, доброте — это чушь. Принцесса владела замками, землями, войсками и подвалами с золотом, и поэтому всем она казалась самой красивой на свете. А посадите такую принцессу в автобус, оденьте в обыкновенное платье, и вы не узнаете ее среди ста пассажиров автобуса. Может быть, даже кондукторша покажется вам красивее. А принцы, как мы видим, женятся не на кондукторшах, а на принцессах с их пакетами королевских акций. Поняли? Пункт второй закончен, включайтесь на запоминание третьего. Что это такое?

Инструктор поднес к проектору, брезгливо держа двумя пальцами, какую-то маленькую фигурку. На выпуклом экране тотчас возникло изображение бодрого длинноносого человечка.

— Буратино! — закричали дети.

— Полено! — гаркнул Инструктор через все усилители, так что дети съежились, втянув голову в плечи. — Полено, чурбан, обрубок! — Инструктор уложил Буратино на станок, включил круглую пилку.

Зажужжал мотор, и в одно мгновение Буратино был распилен очень аккуратно вдоль, так что все увидели две ровные совершенно одинаковые деревянные половинки.

— Ну, все убедились?

Двумя пальцами Инструктор поднял и показал всем другого забавного человечка. Уныло сгорбившись, он слегка болтал в воздухе длинными руками и виновато улыбался исподлобья. В руке Инструктора у него был жалкий вид. Он был похож на провинившегося щенка, которого держат за шиворот над первой в его жизни лужицей.

— А это что?

Дети молчали, с сочувствием и страхом глядя на отчаянного смельчака, в свое время одолевшего медведя, черта и полицейского, а теперь попавшегося в лапы Инструктора. Несколько голосов неуверенно пискнули:

— Петрушка!

Снова зажужжала пила, опилки брызнули маленьким фонтанчиком.

— Ну, что это?

— Опилки! Тряпка!.. Полено!.. Обрубок! — бодро закричали несколько особенно сообразительных ребят, подскакивая на месте, чтоб их заметил Инструктор.

— Поняли? Запомнили? А если это обрубок, опилки и тряпка, может ли нормальный, разумный человек называть обрубок или тряпку Петром, Альбертом, Джеймсом или Анатолем? Ну?

И весь зал вразброд, испуганно и уныло, поспешно загудел:

— Не-ет, не может...

Лекция продолжалась.

Глава 5

КОНЕЦ ЦИРКА

Главный силач расстелил большой ковер, сложил на него все свои чугунные гири, сверху навалил комод, семь чемоданов, кровать и медные кастрюльки, в которых ему кипятили сосиски, все свои нарядные костюмы для выступления на арене (шесть пар трусиков всех цветов), связал уголки ковра узлом и взвалил его себе на спину. Пятеро его ребяташек вскарабкались наверх, и силач, громко вздыхая и хлюпая носом, сгорбившись от горя, вышел из дверей цирка и поплелся под дождем искать себе какого-нибудь прибежища и работы потяжелей, потому что никакой легкой работы он не умел делать.

Маленькие танцовщицы разбежались, как мышата, в разные стороны со своими маленькими чемоданчиками, пугливо прижимаясь к стенам. А ученые мыши, которых клоун Коко выпустил на волю, неохотно покинули свои уютные клеточки и, робко вздрагивая и тревожно нюхая холодный уличный воздух, пробрались на задний двор — проситься к своим родичам принять их обратно в неученое мышиное племя.

Во дворе, освещенном прожекторами, рычали, толкаясь и мешая друг другу в тесноте, громадные грузовики. Подъемные краны подхватывали и переносили по воздуху заколоченные ящики и контейнеры. Трещали отдираемые дос-

ки ящиков, и грузчики таскали и складывали в штабеля длинные коробки с упакованными в них механическими танцовщицами, автоматически-жонглерами и акробатами. Четыре грузчика, кряхтя и пятясь в дверях, тащили клетку, в которой, бессмысленно выпучив глаза и покачиваясь от толчков, сидели два выключенных льва.

А в самом темном углу двора скромно жался к сторонке человек, потиравший тощие руки так, точно на них налипло тесто, которое он силится отлепить и стереть. К нему то и дело подбегал с почтительным поклоном руководивший разгрузкой здоровенный детина в форме служащего Чучельномеханического комбината.

— Все выгружено в полном порядке, хозяин, только у одной танцовщицы голова треснула, уже привинчивают запасную.

Почетный Ростовщик Республики (это он был хозяином) печально уставился одним глазом в лицо своего служащего. Другой глаз, быстро вращаясь, зорко следил за грузчиками, таскавшими ящики.

— Отлично, — плачущим голосом прохныкал Почетный Ростовщик. — Стоимость головы этой плясушки я вычту с вас, для вашей пользы. Чтоб ваша собственная работала аккуратней... Ага, привезли ящики со слоном? Идите. Следите, чтоб не перепутали номера, чтоб хобот не привинтили при сборке к задней части, как прошлый раз.

Служащий как ошпаренный кинулся выполнять приказание, а Почетный Ростовщик, убе-

дившись, что разгрузка идет к концу, вытащил из-за пазухи мешок и своей шмыгающей походкой, вздыхая и потирая руки, поплелся к двери, сделал знак двум полицейским следовать за собой и неслышно нырнул внутрь здания цирка.

Внимательно прислушиваясь и осматриваясь по сторонам, он прокрался по темному коридору мимо опустевших лошадиных стойл, шмыгнул за угол и подкрался к двери, из-под которой выбивалась полоска света. Осторожно взялся за ручку двери, неслышно, потихоньку нажал ее и одним рывком распахнул. И, не успев опомниться, с размаху шлепнулся на пол, безуспешно стараясь сообразить, что это так звонко щелкнуло его по лысине.

— Мой папа всегда меня учил: кто не умеет постучать в дверь, прежде чем войти, тому необходимо постучать по башке. Чтоб отучить от вредной привычки!

Клоун Коко завернул в бумагу и положил в чемодан свой ботинок-мухобойку, которым он только что шлепнул нежданного гостя по лысине, и участливо заглянул ему в лицо:

— Не надо так долго засиживаться на холодном полу. Умоляю вас встать. Вы можете простыть! Позвольте, я вам помогу!

Он быстро ухватил Почетного Ростовщика за шиворот и, сочувственно причитая и охая, поддернул его кверху и, когда тот отделился от земли, еще поддал снизу ногой. Почетный Ростовщик оказался на ногах и устоялся на Коко, дер-

жась одной рукой за лысину, другой — пониже поясницы. От злости лицо его так перекосилось на один бок, что нос и рот съехали полностью к самому уху на левую сторону. А на опустевшей правой половине остался только один прищуренный маленький, сверлящий, как буравчик, глаз.

Коко, повернувшись спиной, продолжал укладывать в чемодан ботинки, клетчатые штаны, громадную спринцовку и прочее свое имущество.

— Хорошая собачка не выгонит хозяина на улицу в такую погоду! — сказал Коко. — Что это вас носит? На дворе дождь, ветер!

Свернувшийся от злобы нос Ростовщика медленно поехал в обратную сторону и выпрямился. Съехавший набок рот тоже устроился примерно посреди лица и даже скривился в улыбочку, отчего стал еще намного противнее.

— У меня маленькое дельце! Вот мое удостоверение. Можете убедиться, что я председатель Коллегии ростовщиков и сам Почетный Ростовщик Республики.

— Ваше лицо подтверждает это убедительней, чем любое удостоверение!

— Тем лучше. Вероятно, вам известно, что по приказу нашего великого Генерал-Кибернатора именно моему Чучельномеханическому комбинату поручено перерабатывать все это сырье: визгливых собачек, и мяконьких кошечек, и... поросяточек в славненькие чучелки. Вы почему-то не принесли своего поросеночка, но не беда, вот

мы пришли за ним сами... Вот тут эта маленькая повесточка. Я должен получить вашего поросеночка. Полицейские ждут за дверью на случай, если у вас возникнут какие-нибудь колебания...

— Что вы суετε мне повестку? Повестка мне или поросенку? Это взрослый, вполне самостоятельный поросенок. Мы просто в дружеских отношениях. Я даю ему советы. Иногда он им следует, иногда нет. Иногда он мне сам дает советы.

Ростовщик тихонько хихикал, слушая.

— Прелестно... Очень забавно... Да, хорошо, мы знаем, что это особый поросенок. Поросенок особого назначения — так он тут обозначен. Вот поэтому нам будет особенно приятно... Вот поэтому я и пришел сам лично его забрать. А полицейские...

— Чего вы заладили про полицейских? — миролюбиво сказал Коко. — Поросенок отлично все понимает. Покажите ему повестку, и он пойдет за вами, как цыпленок за наседкой. Он грамотный.

Один ростовщичий глаз подозрительно уставился в лицо Коко, другой, раза два повернувшись, остановился на поросенке и широко раскрылся от удивления. Ошибиться было невозможно: поросенок слушал, все понимал и, забившись в угол, мелко дрожал, испуганными глазками глядя на Ростовщика.

— Ну что ж, — нерешительно сказал Ростовщик, — если он действительно пойдет за мной,

как... Ну вот! — И он подставил поросенку под нос развернутую повестку с печатью.

Поросенок подслеповато стал водить глазами по строчкам, видимо плохо разбирая.

— Он слегка близорук, — сказал Коко. — Бедняжка не соглашается носить очки просто из кокетства.

Тут поросенок потянулся, точно для того, чтобы поближе рассмотреть буквы, и вдруг, с удовольствием два раза чавкнув, проглотил повестку.

— Он слопал повестку! — заорал Почетный Ростовщик. — Полиция!

— Неужели слопал? — пристраивая в чемодане между сапогами и спринцовкой красный помидорный светящийся нос с электропроводкой, невозмутимо удивился Коко. — Я просто краснею за этого поросенка. Никак не ожидал. Похоже, что повестка ему пришлось по вкусу.

В ту же минуту полицейские ворвались в комнату, на ходу спрашивая, что произошло, и готовясь кого-нибудь стукнуть, повалить или связать.

— Ничего не случилось, — наваливаясь животом, чтоб придавить чемоданную крышку, ответил Коко. — У этого... (мяк!.. — с размаху животом на чемодан)... господина, оказывается, нет... (мяк!..) законного... (мяк!..) удостоверения. Вот и все.

— Отчего вы не покажете ему удостоверение? — недоуменно спросил полицейский.

— Этот негодяй... кажется... его съел...

— Наконец-то закрылась! Беда с этими крышками, — отдуваясь, сказал Коко. — В первый раз

слышу, чтобы поросята питались канцелярской бумагой. Может быть, у вас был просто капустный лист вместо удостоверения? А, почтеннейший?

Полицейские, так и не придя к выводу, кого тут надо валить, вязать и тащить, нерешительно топтались на месте. Ростовщик встряхнул головой, останавливая не в меру разбегавшиеся во все стороны глаза, потер руки и, прохныкав какое-то извинение, выскользнул из комнаты с самым жалким и подавленным видом. Но Коко, припав ухом к двери, успел услышать, как тот шепотом приказывал полицейским охранять все двери и никого не выпускать из цирка.

Оставшись один, Коко с досадой стукнул себя самого по затылку:

— Скольких дураков я высмеял в своей жизни и все-таки сам остался дураком!.. Я подал униженное прошение Тайному совету! Я надеялся, что моего Персика помилуют за его талант и музыкальные способности! Я надеялся! И вот теперь мы пропали!.. Понимаешь ты это, ветчинная морда, или нет? Плакать нам надо. Однако безвыходных положений не бывает! Я это твердо знаю. Но что делать, если все-таки нет выхода?

Коко подхватил на руки поросенка и заглянул ему в глаза:

— Мы спасемся с тобою вместе или из нас сделают одно общее чучело. Прыгай! — Он раскрыл красивый кожаный футляр, вроде того, в каком музыканты носят большие трубы, и уложил туда

поросенка. — Сиди теперь тут тихо, как мышонок, или ты пропал.

Поросенок понятливо глянул на него маленькими веселыми глазками и лизнул в нос языком. Коко застегнул футляр. Потом он, стиснув кулаки, остался стоять посреди комнаты, напряженно думая.

...Минут через пятнадцать у циркового подъезда, взвизгнув тормозами, остановилась полицейская машина. Борта ее автоматически откинулись, и из нутра высыпались два десятка полицейских, готовых кого угодно валить, тащить, вязать и колотить. Последним из них выскочил Инспектор. А уже после последнего выполз, потирая руки, Почетный Ростовщик.

Полицейские в одно мгновение выстроились в линию и застыли. Они были очень похожи друг на друга, да и не удивительно: все они были одного выпуска и одной марки, с одного и того же завода. Только Инспектор был обыкновенный старший полицейский, и у него были даже когда-то папа и мама, о чем он, впрочем, совершенно позабыл за время службы в полиции.

— Внимание! — сказал Инспектор, и у механических полицейских наострились на прием уши-антеннки. — Начинаем операцию «Поросенок».

В тот же миг из глубины цирка раздался громкий пороссячий визг.

— Взять! — скомандовал Инспектор.

И полицейские толпой, сшибая все препятствия с пути, ворвались в подъезд с растопыренными, готовыми хватать руками.

Промчавшись через пустую арену, они с громким топотом ворвались в коридор и навалились всей кучей на дверь, из-за которой несясь поросячий визг, капризное похрюкивание и взволнованный, успокаивающий голос Коко.

Почетный Ростовщик, отстранив Инспектора с его молодцами, прошмыгнул к двери и плачущим голосом попросил открыть дверь всего на одну минуточку, на секундочку только!

Те двое за дверью и не думали ему отвечать, продолжали спорить, то ссориться, то шептаться. Поросяенок то примолкал, прислушиваясь к уговорам Коко, то опять капризно и непокорно взвизгивал, и Коко издыхал, кряхтел и укоризненно бормотал, умоляя поросенка успокоиться и не тратить зря нервы. Дверь оказалась железной, противопожарной, и сломать ее было не так легко. По знаку Инспектора один полицейский подвинтил к животу другого трубочку, тот надулся, вспыхнуло пламя автогена, и не прошло десяти минут, как вырезанный запор брякнулся на каменный пол. Дверь отворилась.

На табуретке посреди совершенно пустой каморки стоял магнитофон, и из репродуктора несясь капризный поросячий визг и уговаривающий голос клоуна Коко: запись их старого номера.

Глава 6

МЛЕКОПИТАЮЩАЯ МАМА

Вместе с тысячами других детей Малыш благополучно прошел обучение на Скоростных курсах и теперь возвращался домой. Он мог гордиться тем, что отныне он уже Маленький Взрослый. В кармане у него лежал красивый новенький Диплом об Окончании Детства.

Поднявшись по лестнице на второй этаж, он тихонько притворил дверь квартиры, где не был уже несколько недель, и зажег свет.

Старый приятель, толстый трехцветный кот Мурр, выскочил к нему навстречу. Малыш быстро притворил за собой дверь, для того чтобы никто не увидел его постыдной слабости, и, присев на корточки, стал почесывать за ушами кота, тихонько посмеиваясь от радости.

Кот, выгибая спину и громко мурлыча, с торжествующим видом маршировал вокруг. Тут вбежала мама, они радостно обнялись, и через несколько минут Малыш сидел в столовой и, облизываясь, ел яблочный пирог. Ноги у него по-прежнему не доставали до полу, и по старой привычке он иногда принимался ими болтать в воздухе, но тут же опоминался и крепко прижимал их к ножкам стула.

Мама, сияя от радости, смотрела, как он ест, и иногда, протянув через стол руку, поглаживала маленькую шершавую руку своего дипломиро-

ванного взрослого мальчика. Он поднимал глаза, неуверенно улыбался в ответ и смущенно отводил глаза. У него были свои мысли.

— Ну, чему вас выучили на курсах? — весело спросила мама, хотя в голосе ее слышалась тревога.

— Да та-ак... Выучили! — уклончиво протянул Малыш. — Разным правильным взглядам. Трезвому подходу. Научным названиям всяким.

Он подцепил на кончик пальца немного сладкого крема и, нагнувшись, протянул его коту. Мурр был страстный сластена, сладкий сливочный крем приводил его в состояние упоения, он прижимал ушки, и урчание его почти переходило в пение. Но на этот раз он мерной походкой продолжал маршировать, в такт помахивая хвостом, и не обращал внимания на угощение.

— Не давай ему, — тихо сказала мама. — Он не станет есть. Разве вам этого не объясняли на ваших курсах?

— Про что?.. Ну конечно: например, в Зоопарке устарелые звери будут заменены новыми, потому что от них инфекция, грязь и они не автоматизированы... Да, нам объяснили, что слоны и... — Не договорив, Малыш застыл, не отрывая глаз от кота.

— Так вот, значит, ты знаешь?

— Чу, это... слоны, они... Но наш Мурр — он же наш, и он маленький... Почему он такой странный?

— Слоны... — грустно сказала мама. — У нас нет слонов, поэтому ты думал, что нас это не ка-

сается? А то, что начинается с чужих слонов, потом быстро доходит и до твоего домашнего кота.

— Чего он теперь гудит как сумасшедший? Чего он хочет?

— Он ничего не хочет, — вздохнула мама. — Усилитель громкости у него не в порядке, я его уже два раза носила в починку... Чего же ты все не понимаешь? К нам приехали приемщики Чучельномеханического комбината и забрали нашего бедного Мурра, сколько он ни фыркал, ни царапался, и через неделю мне пришлось внести деньги, и мне выдали вот этого кота, это несчастное чучело, которое из него сделали. Ну вот, смотри, опять как дурак разорался! Придется его выключить, а то он размурлыкается так, что просто голоса своего не услышишь. Из другой комнаты кажется, что десять котов передрались в пустой железной бочке...

— Можно, я возьму его за хвост и выброшу из окошка? — спросил Малыш, с отвращением глядя на марширующего кота.

— Даже и не думай об этом! — испуганно воскликнула мама. — Нас обвинят, что мы против Генерал-Кибернатора!.. — Она нагнулась и шепотом добавила: — Соседи говорили, что тех, кого в этом заподозрят, тоже отправляют в комбинат и там из них самих делают чучела!

— Из людей?

— Конечно! Техника до того шагнула вперед, что из человека так же легко сделать чучело, как

из попугая. Да это еще пустяки. Говорят, теперь даже можно из человека сделать попугая!.. И вообще, мне кажется, при этом коте лучше поменьше разговаривать... Что ты так смотришь на меня?

— Так, ничего... — сосредоточенно думая все о чем-то своем, рассеянно ответил Малыш, помолчал и немного погодя мягко дотронулся одним пальцем до руки мамы и печально спросил: — Мама, а это правда, что ты позвоночная?

— Что-о?

— Ну, ты... млекопитающая, мама?

— Боже мой! — с тихим ужасом сказала мама. — Какие странные вопросы ты задаешь! Ну конечно, мы все, люди, — млекопитающие и позвоночные! Но почему ты об этом думаешь? Мне не хотелось бы, чтоб ты думал обо мне как о млекопитающей.

— Хорошо, я постараюсь, — покорно согласился Малыш. — Мне и самому это не очень нравится... А как ты думаешь, если бы ты была кондукторшей в автобусе и я тебя там встретил и не знал бы, что ты мама, ты мне тогда тоже показалась бы такой же красивой, как сейчас? И такой доброй?.. И что ты одна такая на свете?.. Ну-ну, ты только не расстраивайся. Я пойду посижу немножко во дворе. Что-то давно я там не сидел... Ничего, что дождик идет, я надену что-нибудь, посижу под навесом... Я скоро вернусь, только выключи и убери куда-нибудь этого кота, а то я его придавлю!..

Через минуту он сидел на крылечке своего небольшого двухэтажного дома, сгорбившись как старичок, и уныло смотрел на дождь.

До чего весь мир опустел, полинял и похолодал для него с тех пор, как он получил свой диплом! Умолкли для него живые, веселые голоса друзей: Петрушек, гномов и Братцев Кроликов. Их пестрые подвижные фигурки теперь, ему казалось, лежали вверх лапками, точно обожженные букашки, вокруг уличного фонаря...

Многие взрослые свысока полагают, что настоящее глубокое горе способен чувствовать только большой человек. Но Малыш, сидя на ступеньках крыльца, уткнувшись носом в кулаки, был погружен в горе, такое глубокое, что самый большой взрослый человек, окунувшись в него, ушел бы с головой.

Еще так недавно Малыш любил дождь и слышал в его веселом шуме множество голосов «капельных человечков», плясавших вокруг него в лужах по всему двору. Они отчаянно барабанили в звонкие железные барабанчики на крыше, а там, где была черепица, колотили в глиняные горшочки. Малыш всегда старался разглядеть хоть одного из них в тот момент, когда тот, подпрыгнув в луже, успевал спеть свою единственную, насквозь мокрую, развеселую песенку, прежде чем юркнуть к своим обратно в воду.

Его не смущало, что до сих пор ему никак не удавалось их хорошенько рассмотреть, — он знал,

как ловко они умеют прятаться! Достаточно того, что он слышал, как они кругом барабанят и подпрыгивают, и каждый хороший дождик был для него праздником...

Конечно, это было прежде, когда он еще не выслушал пояснений ученых инструкторов на курсах, когда он был еще мал и глуп.

Теперь-то он твердо знал, какая это чепуха. Маленькие гномики не любили и не спасали Белоснежку и не рыдали над ее хрустальным гробом, вытирая распухшие носы клетчатыми платками, потому что все гномы — это... ха!.. дурацкая выдумка! И никакой Белоснежки... ха-ха?... никогда и не было! Ни Красной Шапочки, ни Золотой рыбки, ни Буратино! Ни Кота в сапогах, ни Конька-Горбунка!..

И вот теперь Малыш смотрел скучными глазами на дождь и думал о сырости, о плесени, о насморке, дождевых червях и галошах, до тех пор пока не начал чихать.

Уже совсем стемнело. Скоро нужно будет идти спать, а он боялся опять увидеть во сне толстую поваренную книгу, которая будет строго бубнить: «Всех их надо выпотрошить, обвалить в сухарях, просеять, процедить и покрошить!..»

В другой раз ему еще приснился телефонный справочник, из которого сыпались тоненькие, как рыболовные крючки, очень мелкие цифры, цепляясь и путаясь друг с другом.

Сон был до того нудный, что от скуки Малыш чуть не заснул, не досмотрев, на самой середине. А прежде он так любил смотреть сны.

А после справочника опять снилась поваренная книга, и он увидел присыпанную мукой Золотую рыбку, обваленного в сухарях Буратино, потрошеного Петрушку и Конька-Горбунка — они лежали такие бледные, печальные и жалкие, что он заплакал во сне, позабыв, что ничего этого никогда на свете не было, потому что не могло быть!..

Хорошо еще, что свои сны ты видишь только сам, один! Вот позору-то было бы, если б кто-нибудь другой, хотя бы даже и Ломтик, поглядел, как он ревел во сне над потрошенными героями сказок.

Тут он услышал коротенький свисток, поднял голову и увидел, что приятель Ломтик спускается во двор по пожарной лестнице.

Никто не мешал, конечно, Ломтику спускаться по обыкновенной лестнице или даже в лифте, но пожарная лестница больше подходила настоящему мужчине.

Он прыгнул в лужу, подошел и сел на ступеньку рядом с Малышом и минут пять не мог выговорить ни слова, так у него рот был набит пирогом. А у него было такое правило: прежде чем подойти к приятелю, все, что есть съедобного, до последнего ломтика, на всякий случай запихать в рот, тогда уж наверняка не придется делиться.

— Ух, и налопался же я, когда вернулся домой! — невнятно выговорил Ломтик, когда опас-

ность задохнуться пирогом перестала ему угрожать. — А ты тоже смылся из дому?

— Да, — сказал Малыш. — Как-то нечего делать в первый вечер.

— Ага, — убежденно кивнул Ломтик. — Вот мне тоже как-то нечего. Налопался — и стало нечего. Да! А как твой Мурр?

— Здорово, — сказал Малыш. — Мурлычет, как грузовик.

— Верно, автоматический кот лучше?

— Ясно. Кормить не надо. Меняй только батарейку раз в год, и все. Можно купить ему искусственных мышей, он их ловить будет.

— Шикарно!.. Может, сходим к Капитану?

— А что там делать? Головастику сахару теперь не нужно.

— Ты думаешь, что его... уже? Ах ты черт!.. Хорошо еще, что мы теперь все понимаем, а то прежде нам жалко бы его было, верно? А теперь даже смешно!.. Вообще-то он был ничего, этот Головастик. Здорово умел сопеть.

— Да, — сказал Малыш. — И все свой носище толстенный прятал. Такой стеснительный был песик.

Они помолчали немного, сбившись с правильной линии разговора. Потом Ломтик придвинулся поближе, оглянулся опасливо и шепотом спросил:

— Слушай-ка, а как твоя мама?.. Как она тебе показалась?.. Чего глаза выпучил?.. Ну, ничего ты в ней не заметил?

Малыш насупился, опасливо покосился на приятеля и нехотя буркнул:

— А ты?

— Нет, ты скажи.

— Не скажу. Ты скажи.

— Ну ладно, — сдался Ломтик. — Мне что-то кажется. Это про отца. Он какой-то странный сделался. Раньше смеялся, даже ругал некоторых многоэтажников, а теперь он ходит как-то... ровно. И говорит, что надо слушаться и восхищаться Генерал-Кибернатором. Ну, я восхищаюсь. А он говорит — мало! Давай еще. А я уж больше не знаю как.

— Ну, тебе показалось! — испуганно проговорил Малыш. — Этого не может быть. Он же не кот и... вообще не животный... а человек!

— А ты что, не знаешь, что каждого, кто нарушит чего-нибудь, могут очучелить? Мы же позвоночные!.. Вот я и прислушиваюсь. И мне кажется, немножко тикает!

— Что тикает?

— У него что-то тикает. Внутри... Ох, не автоматизировали ли его, пока мы были на курсах? Уж очень стал послушный и аккуратный... А теперь говори, как твоя мама? Что тебе показалось?

С широко открытым ртом Малыш задумался, мучительно нахмутив лоб. Он совсем запутался и не знал, что отвечать, что думать.

— Ну-у, что ты! — пробормотал он не очень уверенно. — Она меня обнимала и...

— Это ничего не доказывает, — задумчиво покачал головой Ломтик.

Они замолчали, сидя рядом на крылечке, и, подпершись кулаками, скучно смотрели на асфальт двора, по которому прыгали дождевые капли. Дождь все шумел по крышам, и вечерняя темнота вместе с дождем совсем утопили редкие фонари на пустынной улице.

И вдруг перед ними в призрачном свете залитых потоками воды фонарей начало возникать смутное фантастическое видение. Они оба разом подняли головы и широко раскрыли глаза.

— Ты что-нибудь видишь? — осторожно спросил Малыш.

— Не-ет, ничего... Что ты? — боясь сказать правду, пробормотал Ломтик. — А что тут можно увидеть?

Они оба разом зажмурились, помотали головами и снова выпучили глаза. По преданию, это был наилучший способ избавиться от привидений. Но странное видение не исчезло. Наоборот, оно громко хрюкнуло и, разбрызгивая копытцами лужу, побежало прямо к крыльцу. И только когда оно в два прыжка, застучав копытцами по ступенькам, взбежало на крыльцо, чтобы спрятаться от дождя под навесом, мальчики поняли и поверили, что это поросенок.

Он отряхнулся, бесцеремонно потерялся одним боком о Малыша, потом другим — о Ломтика, затем протиснулся между сидящими, и они почувствовали, как круглый шершавый пяточок

дружелюбно обнюхивает им уши, щеки и шею. Они встретились взглядами с маленькими, очень разумными глазками. И, сам не понимая, что он делает, Малыш протянул руку и нерешительно притронулся к тугой, гладкой шейке свиненка. Тот одобрительно хрюкнул и уселся на ступеньку с такой безмятежной уверенностью, что ему ничего худого не сделают, как будто они так вот каждый вечер собирались тут на крылечке посидеть все рядышком, втроем.

С улицы слышались шаги, и во двор, шумно дыша, очень тяжело ступая как попало по лужам, вбежал толстый человек с чемоданом в руках и остановился, оглядываясь. Поросенок оживленно прихрюкнул вполголоса, подавая сигнал: «Я тут!», точно маяк в тумане.

— Ах, вот ты куда спрятался! — с трудом переводя дух, с облегчением проговорил толстяк. — Зачем только я тебя выпустил из футляра, несчастный! Здравствуйте, мальчики. На вид вы не похожи на негодяев. А как оно обстоит на самом деле?

— Это ваш поросенок? — спросил Малыш. — Почему он тут бегаёт?

— Мой, мой, не в этом дело. Не согласитесь ли вы мне немножко помочь, ребята... Я тут слегка заблудился и не могу найти дорогу...

— Если вы желаете, мы с удовольствием покажем вам дорогу к Чучельномеханическому комбинату, если вы именно туда направляетесь со своим поросенком, — твердо отчеканил Ломтик.

— Здрóрово! — сказал Коко. — Вы что, прямо с курсов? Или, может быть, просто-напросто вы оба небольшие симпатичные автоматикки?

— Мы не автоматы, но мы стараемся, — с опаской глянув на Ломтика, скромно сказал Малыш. — Мы должны стараться приблизиться насколько возможно, если мы желаем... чтобы наш великий Генерал-Кибернатор нами гордился.

— Нет, нет, нет, — прервал его Коко. — Я совершенно не желаю, чтоб кто-нибудь за меня гордился. Я люблю гордиться за себя сам. Ну, так как же насчет вас? Надеюсь, вы не выдадите этого невинного поросенка. Ведь вы не негодяи, я это вижу!

Мальчишки быстро переглянулись и в один голос сказали:

— Ошибаетесь! Мы как раз... негодяи! Мы...

— Нет, нет, нет, это вы глубоко ошибаетесь! — горячо воскликнул Коко. — Какие вы негодяи! Вы славные, симпатичные, храбрые ребята.

— Нет, нам лучше знать! — кричали мальчишки. — Негодяи! И пожалуйста, нас не уговаривайте! Мы отсюда сейчас уйдем!

— Вы уже почти мои друзья, только поскоблить вас немножко, и у вас проглянут самые лучшие чувства. Персик, поздоровайся с друзьями!

— Не нужно! — закричали оба мальчика. — Он уже здоровался! — Они даже посмотреть боялись на поросенка, так он им нравился и так они боялись, что размякнет вся твердость их характера.

Поросенок сварливо забурчал, с самым нужденным видом встал на дыбки и небрежно протянул переднюю ножку. Мальчики опасливо, издали протягивая руки, пожали ему ногу и пятились к двери.

— Бедный поросенок, ты родился под несчастливой звездой! Друзья тебя бросают, они тебя даже не узнают! — Коко растянул, как это он один умел, рот до ушей, сморщил нос и сделал вид, что безутешно рыдает.

У него был великий талант плакать так смешно, что никто не мог удержаться от смеха. Напрасно мальчики в отчаянии, чувствуя, что их охватывает запрещенный смех, уткнули кулаки себе в щеки, чтоб не дать растянуться рту, напрасно согнулись в три погибели и надули животы — ничего не помогло, они расхохотались, беспомощно и безудержно. И тут Малыш ахнул:

— Да ведь мы вас знаем!..

— И его тоже! — воскликнул Ломтик.

— Это вас они связали и подложили бомбу! А вы всех облили водой и победили! Да?

— Да, — со скромной гордостью слегка поклонился Коко. — Не скрываю, облил! Действительно, это мой способ разделяться с врагами. А это Персик, который славится в лучших цирках своей виртуозной игрой на медном рожке и музыкальностью. А теперь, после того как вы сами убедились, что вы не что иное, как славные, храбрые и верные ребята, так здорово хлопавшие нам в

цирке, скажите скорей, как мне пройти к реке? В какой она стороне, эта река? Я совсем запутался.

Малыш и Ломтик переглянулись.

— Давай... — начал Малыш и запнулся.

— Да, но... — возразил Ломтик и запнулся.

— Но ведь он всех облил, и этот самый поро-
сенок украл бомбу.

И Ломтик, багровея от стыда за свою позор-
ную слабость, протянул руку и сказал:

— Вон там река. По той улице можно прямо
дойти до набережной.

— Так я и думал. А вы не слыхали, тут побли-
зости есть такое противное место, называемое
Шлаковый пустырь. Там, говорят, очень-очень
скверно, и я туда ни за что не хотел бы забрести
нечаянно. — И он как-то странно подмигнул
Малышу.

— Это совсем рядом, — сказал Малыш. —
Если вы не хотите туда попасть, то не идите вон
через тот двор, потому что тогда вы сразу выйде-
те в переулок, который ведет прямехонько к за-
брошенной водокачке, а за ней и начинается
Шлаковый пустырь. Главное — держитесь по-
дальше от водокачки, ее издали видно, а около
нее растут кустики, и в кустах начинается вход в
старую канализационную трубу. Конечно, по
земле тоже можно ходить, но канализационная
труба гораздо интереснее, мы всегда лазим по
ней. Там грязновато, но зато гораздо веселее, чем
ходить просто по земле.

— Конечно, в сто раз! Мне всегда так хотелось хоть немножко поползать по старой канализационной трубе, но вечно все было некогда, всегда что-нибудь да отвлекало! Как жаль, что мне сейчас тоже некогда! Персик, марш в футляр! До свиданья! Мы еще обольем кого-нибудь, кого следует!

Коко положил поросенка в футляр и, снова сделавшись серьезным, быстро зашагал прямо через двор к переулку, который вел к заброшенной водокачке.

Ломтик мрачно посмотрел ему вслед. Потом мрачно сказал:

— Поздравляю! Вот мы с тобой хорошенькая пара преступников.

— Похоже на то, — вздохнул Малыш. — И как это вышло, я даже не понимаю. Главное, в первый же вечер осрамились. Давай-ка побежим ложиться спать,

Дождь продолжал уныло шлепать по крышам, мостовым и дворам спящего города.

Глава 7

ЗВЕРСТВА ПОРОСЕНКА

Вернувшись домой, Малыш быстро разделся, юркнул в постель и несколько раз сильно дернул себя за волосы — так ему было стыдно за свой недостойный поступок.

Вспомнить позорно! Вместо того чтобы мужественно поднять крик, вызвать полицию, которая схватила бы мятежного поросенка вместе с его хозяином, что он сделал? Он трусливо подсказал им дорогу!

Малыш чувствовал себя распиленным надвое, вроде Буратино на лекции. Одна половинка его сгорала от стыда за свой гадкий, не достойный мужчины поступок, а другая радовалась, представляя себе, что клоун Коко со своим Персиком благополучно удрали. И обе половинки порядочно трусили: а вдруг кто-нибудь узнает, что они с Ломтиком преступники? Тогда они пропали. Да и клоун пропал! Ну куда он может убежать от автоматической полиции?

Это только в отживших сказках рассказывали, что маленький Джек победил великана, а деревенская девчонка — Бабу-Ягу, а мы-то теперь знаем, как великаны, и летающие Бабы-Яги, и огнеметные драконы разделяются со своими врагами!

Правда, клоун с поросенком сумели облить всех водой, потому что так дружно стояли друг за друга, но ведь это цирк, а цирк — это вроде сказки... А сказки — обман... Эх, хорошо, чтобы хоть Оле-Лукойе остался!..

Вскоре что-то вроде пестрого зонтика завертелось и замелькало перед глазами Малыша, и он заснул и не увидел во сне телефонную книгу и поэтому проснулся утром, улыбаясь. День про-

шел незаметно, и вдруг наступил опять вечер; они с Ломтиком сидели или, вернее, лежали каждый на подоконнике своего дома и, молча передразнивая друг друга, строили самые невероятные рожи, тренируясь в этом полезном искусстве, при помощи которого они рассчитывали при случае завоевать некоторую популярность в обществе соседских ребят.

Ломтик лежал животом на подоконнике четвертого этажа, свесившись вниз, а Малыш в своем окне второго этажа лежал на спине, закинув голову. Уже были отработаны рожи, изображавшие ужас, зверскую злобу и бессмысленный восторг, как вдруг Малыш увидел на лице Ломтика отлично получившееся выражение изумления и испуга в новом варианте. Он тоже изобразил изумление, затем испуг, но Ломтик не обращал на него внимания и точно застыл. Тогда Малыш перевернулся на живот, посмотрел вниз, во двор, и сам замер.

По двору, заглядывая во все углы и громко сопя, суетливо каталось маленькое подобие чудовищной смеси гусеницы, пылесоса и муравьяда.

Восемь лапок работали, то бросаясь вперед, то тормозя и давая задний ход; длиннейший мягкий нос, с шумом втягивая воздух, чутко поворачивался во все стороны.

Мальчики в первый раз видели в действии этот аппарат, но на курсах им показывали его чертежи и маленькие макеты. Это был Механос. Механический нос для отслеживания.

Теперь, вспотев от страха, они наблюдали, как Механос обежал кругом весь двор, вскарабкался на то самое крыльцо, где накануне вечером сидел поросенок, повернулся, сполз с крыльца и, не теряя следа, засуетился к воротам, где стояло в ожидании несколько полицейских.

Механос противно пискнул, показывая, что держит след, и засеменил прямо в тот переулок, по которому ушел Коко.

Мальчики, не сговариваясь, сбежали вниз, подбежали к воротам и со страхом следили глазами за тем, как последний полицейский скрылся за углом.

— Погоня! — прошептал Ломтик.

Малыш кивнул. Конечно, это была погоня. А какой же взрослый, серьезный человек откажется от удовольствия хотя бы издали посмотреть погоню? И оба взрослых человека помчались во весь дух по переулку и поспели как раз вовремя, чтобы увидеть, как полицейские следом за ведущим Механосом скрылись в старой канализационной трубе.

Пока погоня пробиралась, скользя и толкаясь, в темноте трубы, мальчики помчались напрямик через Шлаковый пустырь, обежали знакомое лягушачье болотце и вползли в лопуховые заросли. Отсюда был виден выход из трубы и невдалеке домик Капитана — места, давно изученные до последней кочки.

Минуту полежали молча, точно в зеленых сумерках тропического леса: широкие листья закрывали их сверху.

Малыш прислушался к знакомому кваканью лягушек и сказал:

— Опять лягвы концерты устраивают!

Ломтик презрительно хмыкнул:

— Глупости! Просто земноводные издают свои характерные звуки.

Малыш, который еще не научился так правильно выражаться, завистливо покосился на друга и поспешил согласиться.

В кустарнике, закрывавшем яму, где кончалась труба, слышалась какая-то возня. Вынырнул Механос, завертелся на месте и вдруг с мерзким писком уверенно кинулся прямо к калитке дома Капитана Крокуса.

Он ткнулся своим мягким, подвижным носом в калитку, поднялся на дыбы и медленно полез вверх, чмокая присосками. Но тут полицейский Инспектор поймал его руками и выключил. Все четыре полицейских выстроились в ряд, неслышно подкрались к забору и замерли в ожидании команды. Стало очень тихо, даже слышно было, как вода в реке плещется о сваи заброшенных причалов. И в этой тишине очень ясно слышалось жизнерадостное похрюкивание. Мальчики сразу же узнали голос поросенка Персика и обмерли.

Один из полицейских вскарабкался на голову другому, заглянул за забор и, вернувшись к Инспектору, пропищал донесение. Инспектор кивнул и сделал знак. Двое автоматов легли, как ступеньки, а третий и четвертый прошли по ним и

перелезли через забор. Минуту все было тихо. Тогда Инспектор обдернул на себе мундир, выпятил грудь и, поднявшись по тем же ступенькам, тоже перемахнул через забор.

— Ну что нам глядеть! — безнадежно прошептал дрожащим голосом Малыш. — Давай убежим.

— Ага, — сказал Ломтик, — чтоб они и нас пронюхали и поймали? Нет уж, надо лежать, пока они их не поймают и не увезут.

— Не хочу я на это смотреть, — сказал Малыш. — Ну их всех!

— Да, — уныло добавил Ломтик. — Тут его волшебная спринцовка не поможет. Полиция-то настоящая... Вот началось!..

Раздался залиvistый поросячий испуганный визг. Слышно было, как поросенок промчался вдоль забора, отчаянно визжа, точно призывая на помощь. Потом послышался жалобный сдавленный взвизг: поросенка схватили и стиснули. Голос Инспектора рявкнул за забором:

— Ах, ты кусаться!.. Лови его! Хватай!..

И все звуки потонули, пропали в страшном гулком, скрежещущем реве, бухнул глухой удар, и с тонким металлическим звоном в воздухе что-то пронеслось над верхушкой забора и брякнулось на землю около лежащих полицейских-ступенек. Это первый полицейский вернулся обратно таким необычным способом. Описав дугу, он воткнулся головой в землю и деловито продолжал бежать, равномерно болтая в воздухе нога-

ми. Его железная башка не сумела сообразить, что с ним произошло.

За забором еще раз что-то тяжело бухнуло, и второй полицейский в изящной позе парящей ласточки перелетел через забор, упал и вскочил. Очевидно, от какого-то страшного удара его железная башка сильно свернулась на сторону, контакты управляющего механизма несколько спутались, потому что он набросился на остальных автополицейских с криком: «Разойдись!» — и стал их дубасить своей дубинкой. В одну минуту он их разогнал и, поднимая пыль и размахивая резиновой дубинкой, умчался по направлению к городу.

Из-за забора неся страшный рев и скрежет. Победоносно и воинственно верещал поросенок, а дородный Инспектор, стараясь перелезть обратно, покачиваясь в неустойчивом равновесии, лежал животом на зубчиках забора, чертыхаясь и выкрикивая команды. Двое исправных полицейских схватили его за протянутые руки и потянули к себе, но в тот момент, когда Инспектору уже совсем удалось перевалиться на их сторону, что-то рвануло его обратно и он с воплем отчаяния почти исчез за забором. Раздался страшный треск рвущейся материи, и Инспектор рухнул в железные объятия своих полицейских.

Тотчас они одним рывком, как громадную редьку, выдернули своего бегущего вверх ногами товарища из земли, и все трое выстроились перед своим начальником.

Инспектор молча тщательно ощупал то место, где на нем еще пять минут назад были синие форменные брюки и где теперь висели живописные лохмотья, делавшие его похожим на папуасского колдуна в юбочке из перьев.

В этот момент из ямки, прокопанной под калиткой, высунулся кончик поросячьего носа и раздалось свирепое хрюканье.

Инспектор вздрогнул, поспешно построил своих полицейских так, чтоб один прикрывал его тыл, а двое — фланги, и, опасливо оглядываясь, скомандовал поспешное отступление.

Глава 8

НЕЖНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ ЮНОСТИ ГОСПОДИНА ПОЧЕТНОГО РОСТОВЩИКА

В кабинете Главного Шефа полиции на почетном месте сидел, потирая руки, господин Почетный Ростовщик и, наклонив голову набок, смотрел скромно, но язвительно улыбаясь на Шефа.

Шеф что-то буркнул, отложил радиотрубку и пожал плечами.

— Бегают? — сочувственно, но ехидно спросил Ростовщик.

— Ничего, поймаем! — хмуро буркнул Шеф.

— Ну конечно, поймаете! — мягко, но ядовито согласился Ростовщик. — А сейчас-то все бегают?

— Разогнал покупателей с трех этажей универмага, рассеял врачей, столпившихся у постели больного в клинике, сейчас разгоняет скопление публики в кинотеатре... Ничего, поймал! Желаете прочитать рапорт Инспектора о вчерашнем происшествии?

— С большим удовольствием! — ласково, с легкой издевкой кивнул Ростовщик, принимая лист бумаги из рук Шефа полиции. Там было написано:

РАПОРТ

Инспектора автополиции И-33.

Сего числа я, Инспектор И-33, во главе моего нюхательного отделения отправился для проведения операции «Поросенок особого назначения».

Разыскиваемый преступный поросенок и его сообщник, так называемый клоун Коко, были пронюханы вверенным мне Механосом на Шлаковом пустыре в одноэтажной жилой точке, принадлежащей некоему этажнику Крокусу.

Поросенок был нами обнаружен во дворе указанного дома, однако при попытке его захватить оказал самое ожесточенное противозаконное и возмутительное сопротивление. А именно: визжал, выражая тем самым преступное недовольство Новым Порядком. Носился как угорелый по всему двору, не даваясь в руки, тем самым еще более усугубляя свою вину. Укусил меня как представи-

теля власти за палец, когда я его схватил. Затем каким-то невыясненным образом поросенку удалось произвести неправдоподобный, оглушающий и неприличный такому небольшому животному рев, рычание и скрежет, тотчас после чего вся оперативная группа полицейских, брошенная мною на захват поросенка, была переброшена обратно через забор, в результате чего один из моих автополицейских пришел в негодность и отправлен на завод для расплющивания и переплавки, а другой, до сего часа не поддаваясь поимке, носится по всему городу, подавая команду «расходись» и разгоняя граждан вследствие повреждения в головной части, где контакт замкнулся у него на секторе «разгон демонстраций».

Лично мне зверский, свирепый и злонамеренный поросенок истерзал когтями заднюю нижнюю часть форменных брюк, проявив неуважение к мундиру полиции.

Примечание.

Принимая во внимание изложенное, прошу временно освободить меня от всех видов заседаний ввиду полной невозможности для меня находиться в сидячем положении не только на стульях, но даже в мягких креслах, перинах и пуховиках.

Инспектор автополиции И-33.

— Хорошо написано! — с издевательским восхищением воскликнул господин Ростовщик. —

Прямо художественно. Отлично передано это ощущение страха и растерянности Инспектора... Ну, что там новенького?

Шеф выслушал новое сообщение радиотелефона и слегка посветлел.

— Теперь попался. Наткнулся на бронзовую скульптурную группу у фонтана на городской площади, решил, что это скопление демонстрантов, и сейчас лупит своей дубинкой, разгоняет столпившиеся там статуи Нептунов, Аполлонов и прочих древних богов. Не отстанет, пока не измочалит об них дубинку. Тут его и накроют сеткой с вертолета... Ага, уже накрыли!..

Шеф отложил трубку и закурил сигару.

— Все. Ремонтный техник уже добрался до предохранителя и выключил его.

Ростовщик поднялся, слегка поклонился почтительно, но нахально и, выйдя на балкон, шагнул в кабину своего потрепанного вертолета.

Пролетая над крышами домов, он небрежным сигналом отвечал на почтительные приветствия встречных, сверкающих серебром и золотом летательных городских аппаратов. Он пользовался величайшим уважением в высших кругах общества.

Пролетев над городом, потрепанный вертолетик сел в парке на зеленую лужайку, где стояла в ожидании открытая коляска (точно копия колясок прошлого века), запряженная парой настоящих лошадей. Один лакей с поклоном распахнул

дверцу вертолета, другой — дверцу коляски, третий и четвертый подсадили Ростовщика в коляску, а пятый тотчас закутал ему клетчатым пледом ноги. Кучер взмахнул длинным кнутом, и парадный выезд, проехав сто шагов по аллее, остановился перед ступеньками мраморного крыльца.

Господина Ростовщика вынули из коляски, и он, потирая руки и шмыгая глазами во все стороны, прошествовал пешком по ступенькам лестницы, уставленной вперемежку парадными лакеями и древними статуями.

В кабинете на письменном столе его уже ждало сообщение от Шефа. Так как Инспектор И-33 не мог определить характер напугавшего его звука, специалисты-эксперты подвергли анализу записанную пленку, извлеченную из отвинченной башки взбесившегося полицейского.

Результат получился несуразный. Анализатор трижды проверил и подтвердил вывод: «Визг поросенка, переходящий в рычание льва и обратно несколько раз подряд». При этом Шеф сообщал, что точно установлено: на тысячу километров вокруг города нет ни одного льва уже в течение нескольких лет. Расследование зашло в тупик.

Господин Почетный Ростовщик прикрыл глаза, чтоб они не мешали ему своей беготней, и глубоко задумался. В мозгу его вертелись, вспыхивали и потухали обрывки слов, воспоминаний... Крокус... Что-то напоминало ему это имя... И тут же лев, львы... Какие львы?..

И вдруг он начал смутно улыбаться — на него нахлынули нежные воспоминания молодости, которые так дороги каждому человеку... Он вспомнил свои первые, такие невинные забавы, когда был еще совсем дитя... И он, растроганно улыбаясь и покуривая сигару, откинулся на спинку старинного кресла, одним глазом задумчиво следя за струйкой дыма, выползавшей из кончика сигары, а другим (по привычке все проверять) приглядывая за ее другим концом, медленно уползавшим в вентилятор...

В каком-то розовом тумане он увидел себя еще совсем крошкой. Вот он, ковыляя на кривых ножках, еще не научившись хорошенько застегивать штанишки, совершает свою первую удачную сделку: выменивает дохлого мышонка за пакетик жевательной резинки. Потом он, упаковав мышонка в целлофановый мешочек, перепродает его за три пакетика резинки глупой ревущей девчонке, решившей попробовать вылечить бедного мышонка...

А вот он уже владелец небольшой лавочки на Тараканьем рынке, где торгует всяким старьем и принимает в заклад вещи, и никто не догадывается, что у него в кармане уже все лавки старого платья, лома и битой посуды на Тараканьем рынке. Он упорно потихоньку покупает себе по одному этажу во всех самых высоких домах города. Он скупает их часто втридорога, и никто на это не обращает внимания.

Он двадцать лет ждал своего часа и в один прекрасный день дождался. Те, кто смеялся над его нелепыми покупками отдельных этажей в громадных домах, вдруг перестали смеяться, когда он объявил, что решил все свои этажи разломать и из обломков построить себе маленький домик и там скромно доживать свою жизнь!

Напрасно ему предлагали откупить обратно за тройную, десятикратную цену его этажи! Напрасно ему готовы были построить десять, сто, двести маленьких домиков, чтоб он там доживал хоть двести жизней!

Нет! Он скромно, но неотступно твердил, что обязательно разломает свои этажи и увезет материал для своей избушки. А то, что весь стоэтажный дом рухнет, когда он разломает свой второй или пятый этаж, — это его не касается: со своей собственностью он может делать что хочет!

Тут всем стало ясно, что такого ростовщика еще не видывали даже у них в городе. Он стал владельцем половины всех больших домов, ему было присвоено звание Почетного Ростовщика Республики... А при Новом Порядке, когда началась повальная автоматизация и чучелизация, конечно, не кто, как он, первым сообразил, куда клонит великий Генерал-Кибернатор, выхватил грандиозный подряд и с невероятной быстротой организовал свой Чучельномеханический комбинат, работавший по государственному заказу...

Тихонько, мечтательно хихикая, он снова и снова припоминал свою полную удачу, такую выдающуюся жизнь. Но он не был обыкновенным жадюгой. Он был как бы художником своей профессии. И маленькая сделка с мышонком его сердцу была одинаково дорога, как и тысячеэтажная операция, так же как какой-нибудь эпизодик с клетками... С клетками!.. И тут он разом припомнил все: Капитан Крокус... Львы!.. Клетки!!

Нет, он никогда не забывал ни одного дельца, заработал он на нем сто домов или одну маленькую задвижку для форточки одного окна одного дома. Он все вспомнил, все стало ясно! Теперь он знал, что ему делать!

Глава 9

ИСТОРИЯ ВОЗВРАЩАЕТСЯ ДАЛЕКО НАЗАД

История с клетками, которую припомнил господин Почетный Ростовщик Республики, была довольно старая история. Начиналась она давным-давно, когда еще и в голову никому не приходило взяться за автоматизацию цирка и Зоопарка.

В те годы гремел и славился в цирке знаменитый укротитель львов, тигров и крокодилов — неустрашимый Капитан Крокус.

В минуты смертельной опасности ни один мускул ни разу не дрогнул на его лице. Он действительно был смелый человек, и все же каждый вечер перед представлением, когда он начинал натягивать свои узкие штаны клюквенного цвета с золотыми кантами, в животе у него начинало что-то бурчать.

Он был бесстрашный человек и каждый вечер был на волоске от гибели. Но с этим проклятым бурчанием он ничего не мог поделать.

В своей тесной уборной, украшенной большими портретами разъяренных львов, оскаленных крокодилов и окрысившихся тигров, он, сидя перед зеркалом, проверял свой холодный, бестрепетный взгляд укротителя и натирал специальной помадой свои усы до тех пор, пока они не становились похожи на два торчащих наконечника копья, показывающих, точно черные стрелки часов, на красном циферблате его лица без десяти два!..

Засунув за пояс большой пистолет, он туго сгибал, зажав в одной руке, гибкий бич и, выпятив грудь в гусарском мундире, пинком ноги открывал дверь.

Топая сверкающими ботфортами, он шел по проходу мимо притихших маленьких пони с подстриженными челками, мимо ушастых осликов и розовых дрессированных поросят, боязливо выглядывавших сквозь шелки своих загородок.

Музыкальные эксцентрики, игравшие вальсы на кастрюлях, половых щетках и малюсеньких

скрипочках; силач, который поднимал на одной руке всю свою семью из восьми человек; танцовщицы на проволоке и гимнасты — все почтительно расступались, давая дорогу Капитану. И ни один человек не догадывался о том, как горячо завидует в эту минуту Капитан своему приятелю, толстому клоуну Коко, всю жизнь дрессировавшему не каких-нибудь коварных хищников, а легкомысленных, но добродушных поросят.

Капитан Крокус входил за решетку, опоясывавшую цирковую арену, и, сняв широкополую шляпу, кланялся публике, хмуро улыбаясь.

Он оглушительно хлопал бичом, делая знак, чтоб выпускали львов, и в последний раз слышал легкое, замирающее бурчание у себя в животе...

Двадцать львов, толкаясь, выбегали на арену. Музыка играла бодрый галоп. Львы рычали, замахивались лапами на укротителя и прыгали сквозь обручи. Капитан Крокус щелкал бичом, опасливо наступал и вдруг нервно отскакивал, угрожающе вскрикивал, вонзая свой повелительный взгляд в глаза львов, шевеля усами и судорожно хватался за кобуру, готовясь дорого продать свою жизнь. Словом, непрерывно был на волосок от гибели!

В публике ребяташки обмирали от страха, женщины вскрикивали, а мужчины, глядя на них, бесстрашно улыбались свысока и только слегка зеленели, если решетка начинала немного шататься.

Под конец львы влезали на тумбы и усаживались все в один ряд, точно готовясь сняться на семейной фотографии.

Самый старый и терпеливый лев широко разевал пасть. Музыка обрывалась, будто весь оркестр повалился в обморок от ужаса, разроняв инструменты.

Капитан вкладывал свою напوماженную голову в пасть. Лев старался не дышать носом, чтоб не чувствовать помады, борясь с желанием выплюнуть голову укротителя изо рта...

Потом публика хлопала в восторге от того, что укротитель на этот раз спасся от гибели. Ожившая музыка вприпрыжку мчалась в веселом галопе, Капитан, сияя, раскланивался на все четыре стороны и до самого следующего вечера не мог без снисходительной жалости вспомнить о бедняге клоуне Коко и его поросятах...

Так, каждый день на волосок от гибели, Капитан Крокус прожил долгие годы.

Многие его львы за это время состарились и умерли на руках у Капитана, и он терпеливо ухаживал за каждым до последней минуты. Уложив тяжелую лохматую голову себе на колени, он поил их теплым молоком, гладил и ласково приговаривал, как старая бабушка, и львам приятно было слышать его знакомый голос.

Они отлично понимали, что только он один их оберегает, не позволяя окружающим громад-

ным стадам людей прорваться сквозь прутья клетки к нескольким беззащитным львам...

Львов в труппе делалось все меньше, но жизнь шла по-старому: Капитан Крокус тщательно натирал седые усы черной помадой, пока они не начинали торчать, как острия пик на чугунной решетке, натягивал клюквенные штаны и неустрашимо выходил к своим львам.

Длинный бич оглушительно хлопал, Крокус злодейски шевелил усами и тарасил глаза, отскакивал и на скакивал, повелительно выкрикивая слова команды, а львы рассеянно порывали и, сдерживая зевок, лазали по тумбам, а когда веки у них начинали совсем слипаться от скуки, Крокус палил в воздух из большого пистолета, и они, встряхнувшись, начинали виновато махать лапами и старательно рычать...

И вот однажды вечером, когда все яркие лампы в цирке были погашены, а блестящие костюмы убраны в сундуки, публика давно разошлась по домам и уже успела позабыть про цирк и только дети смеялись во сне, вспоминая укротителя поросят и клоуна, которого все хотели обмануть, а он под конец всех облил водой; поздним вечером, когда обмякший силач, наевшись сосисок, мирно сопел с ночным колпаком на голове, а воздушные танцовщицы, зевая, стирали в мыльной пене свои коротенькие воздушные юбочки, а факир — угадыватель мыслей проигрывал шестую партию в шашки дурачку лилипуту; поздним-по-

здним вечером в тишине пустого цирка, где уже заснули пони, дрессированные поросята, лев и райские птицы, Капитан Крокус сидел в своей уборной и кривой саблей факира нарезал кружочками колбасу.

Толстый Коко, укротитель поросят, аккуратно застелив старой афишей большой турецкий барабан, раскладывал тарелки, горчицу и хлеб.

На стенах вокруг них висели портреты львов в траурных рамках.

У Капитана был грустный и подавленный вид, и стрелки усов на пожелтевшем циферблате его лица уныло свисали вниз, показывая без двадцати четыре.

Коко вздохнул и откупорил бутылочку зеленой жидкости, хлебнув которой умные люди слегка глупеют, а глупые делаются круглыми дураками.

Они выпили зеленой настойки, немножко поглупели, и Капитан сказал:

— Как будто вчера это было! Вот такими буквищами на моих афишах писали: «Двадцать львов — Крокус — Двадцать!»

— Я это помню, — сказал Коко.

— Потом стало «Семь львов — Семь»!.. А вчера скончался мой бедный Пират, и теперь со мной остался один-единственный лев — Нерон. Бедный добряк Пират! Он и мухи никогда не обидел!

— О-о! — торжественно сказал Коко. — Если ты муха и за всю свою жизнь не обидела другой мухи, ты славное насекомое, и я всегда готов по-

жать твою лапу. Но если ты лев и никогда не обидел зря ни одной мухи, я готов обнять тебя и прижать к своей груди!

Они выпили, сейчас же еще немножко поглупели; и Капитан горестно сказал:

— Подумать только! Было у меня их двадцать человек львов! Лохматых славных зверушек! И вот остались мы вдвоем с Нероном. Кому мы нужны, два старика! Это так тяжело — лишиться всех своих близких на старости лет.

— И мне нелегко! — смешным пискливым голосом сказал Коко. Он не умел говорить несмешным голосом, а когда плакал, все кругом помирали от хохота, так смешно это у него получалось. — Всю жизнь растить, учить и воспитывать поросят и потом видеть, как они на моих глазах превращаются в свиней! — И он захныкал так жалобно, что даже Капитан Крокус поднял голову и грустно улыбнулся...

Глава 10

ПРОДОЛЖЕНИЕ СТАРОЙ ИСТОРИИ КАПИТАНА КРОКУСА

На громадном щите у подъезда цирка была наклеена новая афиша. На фоне желтой пустыни Сахары у подножия пирамиды был изображен свирепый, растрепанный лев, готовящийся броситься на Капитана как раз в тот момент, ког-

да Капитан собирался кинуться на льва. Через всю пустыню тянулась надпись: «В первый раз! Один на один со львом!»

И это было, к сожалению, истинной правдой — из всей труппы Крокуса остался один-единственный пожилой лев Нерон...

На вечернем представлении Нерон старался изо всех сил. Рычал за семерых, махал лапами с проворством котенка, гонящегося за клубком, и суетился, перескакивая с тумбы на тумбу. Он понимал, что должен теперь поспевать за всех. Вообще львы гораздо умнее, чем это кажется большинству людей. Правда, и люди умнее, чем это кажется большинству львов...

В нужный момент, как было положено, лев кровожадно зарычал и сделал вид, что после многолетних колебаний решил наконец именно сегодня растерзать своего укротителя на глазах у публики. Капитан Крокус, как всегда, отпрянул назад и схватился за пистолет, но оттого ли, что ноги стали слушаться его хуже, чем двадцать лет назад, или просто от грусти, не оставлявшей его все последние дни, одна нога у него зацепилась за другую, и он с размаху шлепнулся на спину.

Публика со стоном вздохнула в один голос от ужаса и замерла.

Пожарный, двадцать лет бессменно дежуривший у клетки наготове со шлангом в руках, прямо как статуя рухнул в обморок, загремев каской и не выпуская из рук бесполезного шланга, ко-

торый перестали подключать к водопроводу восемнадцать лет назад.

И тут произошло непоправимое.

Лев одним прыжком подскочил к распростертому на песке укротителю, который растерянно моргал, еще не придя в себя. Лапа Нерона опустилась на плечо Капитана, слегка потормошила его. Потом лев с шумом обнюхал лицо Капитана и, далеко высунув толстый, шершавый язык, озабоченно начал облизывать ему левую щеку.

Капитан заморгал сильнее и, цепляясь за гриву льва, приподнялся и сел, потирая затылок. Один ус у него заносчиво продолжал торчать, а другой, облизанный львом, повис так, что вместе они показывали половину десятого.

Увидев, что Крокус пришел в себя, лев обрадованно завилял хвостом, мурлыкнул и вприпрыжку кинулся в другой конец клетки. Подобрал там деревянный обруч, он притащил его и подал Капитану, напоминая, что теперь пора начинать прыгать...

Публика обрадовалась, захлопала и... захохотала. Это было непоправимо. С этой минуты Капитан Крокус перестал быть на волосок от гибели в глазах публики. Публика, которая каждый вечер ожидала, что львы вот-вот растерзают Капитана Крокуса, и за это согласна была платить деньги, теперь смеялась. Знаменитый номер перестал существовать.

Ранним утром, когда весь город спал, пришел расклейщик афиш, зевая, обмакнул в ведро

швабру и шлепнул ею прямо посередине Сахары, задев и край пирамиды.

Когда бумага намокла, он полосами сорвал всю афишу так, что камни пирамиды, куски львиной шкуры и усы Капитана Крокуса безнадежно перемешались в кучу с желтыми обрывками песчаной пустыни и синими лоскутами неба.

Затем на освободившееся место он наклеил новую разноцветную афишу, и последний след существования циркового аттракциона Капитана Крокуса исчез. В тот же день сам Капитан остановился перед витриной старьевщика в переулке у Тараканьего рынка, задумчиво разглядывая сквозь пыльное стекло нечто очень похожее на небрежно набитое чучело самого Капитана.

Там красовался расправленный на деревянных плечиках расшитый капитанско-гусарский мундир. Из-под мундира высывались клюквенного цвета штаны с золотым позументом, вливавшиеся мягкими складками в сверкающие голенища капитанских ботфорт.

Вся внешняя оболочка Капитана висела, уныло морщась за стеклом. А с улицы на нее смотрело желтоватое, сморщенное лицо Крокуса с усами, которые уже не показывали ничего, потому что перестали быть похожими на стрелки.

Дверной колокольчик взволнованно брякнул, будто хотел что-то сболтнуть, да прикусил язык. Из двери высунулась голова хозяина лавки.

Одним глазом он начал оглядывать весь переулок справа от двери, а другим — все, что было слева.

— Да, да, да, Капитан! Я просил вас заглянуть сюда на минутку. Мне кажется, что вы позабыли, совсем позабыли, что вы мне продали все ваши клетки. Оптом!.. Все, все! Э? — И обладатель двух бегающих глаз горестно вздохнул и стал так усиленно потирать руки, точно они все были измазаны липким тестом, от которого он силился избавиться.

Вид у него при этом был самый грустный, удрученный и жалобный. Уж такая у него была манера вести себя, когда он собирался кого-нибудь особенно подло обжудить.

«Удивительные глаза, — подумал Капитан. — Мало того, что они разного цвета, но они и действуют каждый на свой страх и риск. Точно два компаньона, которые разбегаются в разные стороны обделывать общие делишки».

— Однако, — с грустью продолжал хозяин, — говорят, одна из клеток у вас все еще занята! А я завтра пришлю рабочих грузить клетки. Я их уже продал.

Капитан Крокус очень удивился:

— Послушайте, хозяин, этой клетки я вам не продавал. Это же ясно. В ней живет мой последний лев, старина Нерон!

— Все. Все. В расписке так и написано: все! — сказал хозяин. — Я пришлю рабочих! Освободи-

те, да, освободите клетку из-под льва! — И захныкал на всякий случай.

Это было явное мошенничество. Неужели он написал такую глупую расписку? Капитан Крокус сурово нахмурил брови и, скрестив руки на груди, строго, осуждающе посмотрел в глаза хозяина. Но глаз не увидел. Один из них суетливо шарил по земле, будто иголку там потерял, а другой осматривал печную трубу на крыше высокого дома.

Чтоб заглянуть хоть в один глаз хозяина, нужно было либо лечь на землю, либо залезть на крышу.

— Вы получите все свои клетки, но Нерона я не позволю выбрасывать на улицу. Его клетку я не отдам, — твердо сказал Крокус и в то же мгновение с изумлением увидел, как оба компаньона — с крыши и с мостовой — оказались на своих местах и вдвоем уставились прямо в лицо Капитана, точно два самых обыкновенных хитрых глаза.

— Ох, тогда ведь я обращаюсь прямо в полицию, — простонал хозяин и, едва подавляя рыдание, добавил: — В суд!.. Да, да!.. За убытки! Расписка! Обязаны освободить!

— Будьте вы человеком, — укоризненно сказал Капитан. — Вы же знаете, что я не продавал вам этой клетки. И чего вы добиваетесь? Если я освобожу клетку от льва, то тем самым освобожу льва из клетки. Вы это соображаете? Что же будет дальше?

— Я купил у вас только тару. Упаковку! — плаксиво объяснил хозяин. — И вы обязаны мне

ее сдать пустой. А все, что в ней было, вы обязаны убрать, вытряхнуть, высыпать, выгнать, выпустить — меня это не касается! Нет! Нет!.. — И он нырнул обратно в лавку.

Капитан в бешенстве схватился за ручку двери. Привычно шевельнул усами и выпятил грудь. В последнее мгновение, когда он собирался открыть рывком дверь, войти и накричать и затопать ногами на хозяина, он увидел свое отражение в стекле. Взгляд у него, пожалуй, был довольно повелительный и грозный. Холодно-бестрепетный взгляд, от которого пятились львы, виновато начинали моргать крокодилы, конфузливо вилять хвостами леопарды, зайцы и морские свинки становились на задние лапки и замирали «смирно», а люди сторонились, снимали шапку и, улыбаясь, шаркали ножкой.

Взгляд был тот же. Но мундир укротителя висел рядом на вешалке. А без мундира взгляд почему-то получался скорее обиженным, чем угрожающим.

Капитан это увидел с такой ясностью, что отпустил ручку и, не оглянувшись, ушел.

Глава 11

ГДЕ СТАРАЯ ИСТОРИЯ КАПИТАНА КРОКУСА КОНЧАЕТСЯ

Поздней ночью в безлюдном цирке Капитан Крокус перед зеркалом в своей пропахшей ко-

нюшной уборной в последний раз надел шляпу, поднял с пола маленький чемоданчик и в последний раз потушил свет.

Рядом, в конюшне, жевали овес цирковые ослики и пони. Поросята похрюкивали во сне, и лев дремал в своей клетке, одним глазом приглядывая за мышатами, подбиравшими у него в клетке крошки.

Крокус поставил чемодан у клетки, распахнул дверцу и сказал:

— Пойдем отсюда, Нероша. Надо уходить! Пошли!

Лев потянулся, подошел и ткнулся мордой в карман пальто Капитана, откуда вкусно пахло.

— Выходи, — сказал Капитан, отступая на шаг, и вытащил из кармана несколько отбивных котлет с косточками.

Лев высунулся из клетки и опасливо попятился. В клетке он себя чувствовал в безопасности, и ему вовсе не хотелось выходить.

Напрасно Капитан выманивал его отбивными, гладил, уговаривал, приказывал, льстил, угрожал и лебезил. Нерон только упирался и хмурился.

Вдобавок от шума проснулся избалованный дрессированный поросенок клоуна Коко — Персик, протиснулся сквозь щель своей загородки и вбежал через открытую дверцу в клетку к Нерону. Капитан не успел его поймать сразу, а потом тот спрятался за льва так, что его невозможно было

оттуда выудить. Льву это, понятное дело, было приятно. С поросенком они давно были приятелями. С ним льву было не так одиноко, и они вдвоем прижались к задней стенке и, подбадривая друг друга, видимо, окончательно решили не выходить.

Наконец Капитан сдался. Он понял все безумие своего плана. Он измучился, устал и вспотел. Он захлопнул дверцу и пожал плечами.

— Дураки вы, дураки! — печально сказал Крокус. — Дуралеи несчастные! — И махнул рукой.

Он вернулся в свою уборную, которую обязан был также освободить от себя к утру, как клетку от льва, и, сжав руками голову, долго сидел, повторяя: освободить, вытряхнуть, выкинуть, высыпать...

Потом Капитан встал и зарядил свой громадный пистолет ужасной толстой пулей, которая могла пробить насквозь три несгораемых шкафа, два фанерных щита и после этого еще набить шишку кому-нибудь на лбу.

В тишине темного, спящего цирка сухо щелкнул рубильник, большие висячие лампы вспыхнули и залили праздничным светом круглую, опоясанную бархатным барьером арену.

Капитан с пистолетом в руке вышел на середину и взмахнул шляпой, кланяясь, как всегда, на все четыре стороны.

В тишине слышно было, как шипели лампы, заливая светом полукруглые ряды пустынных кресел.

— Многоуважаемая публика!.. — торжественно выкрикнул Капитан, и голос его дрогнул. — Дамы и господа! Сейчас вы увидите заключительное выступление!.. Вот что вы увидите, господа!

Капитан отшвырнул шляпу, приставил громадное дуло пистолета к виску, но почувствовал, что кто-то настойчиво его толкает. Нерон стоял со шляпой в зубах и подталкивал Капитана, чтобы обратить на себя внимание. У него был виноватый и встревоженный вид.

Капитан опустил пистолет, сел с размаху на песок и, обняв лохматую шею рукой, горько заплакал.

Немного погодя он услышал рядом пыхтение, поднял голову и увидел, что Персик, сопя и тужась, марширует перед ними взад и вперед на задних ножках, исполняя свой коронный номер: «Поросенок-Музыкант».

Персик был ленивый, но добродушный поросенок: теперь он явно старался подлизаться к Капитану после глупой беготни и прятанья в клетке.

Капитан медленно поднялся, отряхивая опилки, обвел взглядом пустые ряды кресел и горько усмехнулся.

— Немногоуважаемая публика! — громко воскликнул он и поклонился, торжественно взмахнув рукой. — Вы были в таком восторге от Капитана Крокуса до тех пор, пока не потеряли надежды, что в один прекрасный вечер его растерзают львы или крокодилы! Вы были в восторге, думая, что мы ненавидим и боимся друг друга, а

когда увидели, что мы с Нероном лучшие друзья, вы стали хохотать!.. Ну и черт с вами! Итак! Многонеуважаемая публика! Господа и дамы!.. Ничего вы тут больше не увидите!

Он пошарил в кармане, вытащил веревочку и, обвязав ее вокруг шеи Нерона, сказал:

— Пошли!..

Наутро служители цирка долго разглядывали на песке арены странные следы человека, льва и поросенка. Их можно было проследить до наружной двери заднего хода цирка, где они пропадали навсегда. Только пороссячи следы снова пересекали арену, возвращаясь обратно.

Избегая освещенных улиц, Капитан Крокус, крадучись, пробирался тихими переулками. Одной рукой он придерживал за веревочку льва, другой — крепко сжимал в кармане громадный пистолет, готовясь, в случае чего, дорого продать свою жизнь.

Нерон сначала нервничал и опасливо жался поближе к Капитану, но скоро ободрился и даже пришел в отличное настроение.

Внезапно заинтересовавшись ярким светом, лившимся на тротуар, он с любопытством подбежал и остановился перед витриной Бюро путешествий. Поднялся на задние лапы и, опершись на перила, восхищенно уставился на витрину, где стояли две почти настоящие пальмы. Между их стволами, точно бельевая веревка, была протянута

лиана, и на ней кувыркалась и вертелась штопором на хвосте заводная мартышка.

— Пойдем, пойдем, Нерошка! — строго говорил Капитан, дергая льва за веревочку и за ухо. — Ну что уставился как дурак! Нечего сказать, нашел время.

Но лев совсем зазевался и забылся до того, что даже высунул кончик языка.

Совсем близко Капитан услышал шаги.

Он едва успел распахнуть пальто и кое-как одной полрой прикрыть льва, как увидел в нескольких шагах плотного полицейского с лицом, похожим на туго надутый красный шар. Он тащил под руку бездомного бродяжку, который тоже был похож на воздушный шар, только сморщенный, приунывший, готовый совсем скиснуть от огорчения.

Они подошли вплотную, когда лев опомнился и насторожился. Громадная лохматая голова его разом вынырнула из-под полы пальто, прямо перед носом полицейского.

Полицейский громко икнул, перестал моргать и дышать и уронил руки по швам.

Льву это не понравилось, он угрюмо сощурился, сморщил нос, медленно набрал воздуха и рывкнул.

Во всем квартале кошки попадали с печных труб и карнизов, где они, по обыкновению, упражнялись в технике альпинизма.

Когда затих шум кошек, опадающих на крыши, точно осенние листья, снова стали слышны

шаги полицейского и расшлепанное шарканье бродяжки.

Круто повернувшись кругом, они уходили, боясь даже обернуться.

Только с перепугу в голове у них все так перепуталось, что теперь бродяжка тащил под руку полицейского. А тот покорно позволял себя вести, по-видимому, совсем позабыв, кто из них полицейский, кто бродяжка.

Капитан Крокус потащил Нерона дальше.

Посреди темной большой городской площади журчала вода. Лев сразу учуял приятный запах и подскочил к фонтану, плескавшемуся посреди маленького бассейна.

На краю бассейна сидело двое безгранично усталых после многочасового ужина людей.

Хотя фонтану было больше трехсот лет, вода в нем была совершенно еще свежая.

Львам, как и мальчишкам, на улице все кажется вкуснее, и Нерон, громко шлепая языком, стал лакать из бассейна.

— А-а, собачка! — приветливо улыбаясь, пробормотал один из сидевших, приоткрывая левый глаз.

— Кисонька... Кисонька!.. — благодушно промямлил другой, приоткрыв правый глаз.

Капитан потянул изо всех сил за собой льва, и они бегом пересекли площадь.

Двое у фонтана долго смотрели на то место, где только что пил из фонтана лев, моргали и хмурились, пытаясь сообразить, что это такое было.

Капитан с Нероном были уже далеко, когда услышали позади себя внезапно прорвавшийся визгливый вопль:

— Караул! ТИГРЫ!! — И вслед за этим два громких всплеска воды в бассейне.

Начинался рассвет, когда Нерон и Капитан Крокус выбрались за город и увидали маленький, огороженный забором домик на краю усыпанного шлаком пустыря, кое-где поросшего пышными лопухами.

Лопухи зашелестели у них под ногами, и Нерон, в жизни не видавший столько зелени разом, мурлыкая от удовольствия, повалился на спину и стал кататься по земле.

«Пуškai поиграет!» — подумал Капитан.

Терпеливо улыбаясь, он поджидал, пока лев накается всласть. Он снисходительно относился к своему пожилому льву, как к ребенку. И лев считал Капитана ребенком, которого легко обидеть, а то нечаянно даже и вовсе прихлопнуть лапой, и тоже поэтому относился к нему очень снисходительно и бережно...

Снизу, где за обрывом Шлакового пустыря текла в утреннем тумане большая река, раздался хриплый гудок буксира. Начиналось утро.

— Смотри, — угрожающе сказал Капитан, — я ухожу. Останешься тут один!

Он вошел во двор, открыв ключом калитку, и сделал вид, что хочет захлопнуть ее за собой.

Большими прыжками лев выскочил из чащи лопухов и протиснулся следом за Капитаном во двор.

Капитан поднялся на крыльцо, отпер входную дверь. Вдвоем они вошли в пустой дом, открыли ставни, затопили плиту и так начали свою новую жизнь.

Днем они прогуливались во дворе, сажали редиску и артишоки, а по вечерам забирались в дом, закрывали ставни и устраивались перед затопленной печкой.

Капитан раскрывал самоучитель и начинал играть на флейте, а лев, облизывая морду, испачканную за ужином в простокваше, шурил глаза и вспоминал то, что в детстве намурлыкала ему мама, которая маленьким львенком видела краешек родного африканского вельда.

О, вольный вельд, думал лев, какая это, наверное, огромная-преогромная клетка без крыши! Такая, что решеток даже не видно. Где-то далеко-далеко они, конечно, все-таки есть, так что сквозь них не могут пробраться бесчисленные человеческие стада. Иначе ты не можешь ни минуты чувствовать себя в полной безопасности!

И там великое множество травы, целые поля сочных шуршащих лопухов, много воды — не той мертвой и безвкусной, какую в железной миске тебе суют сквозь прутья тесной клетки, а живой и звенящей, как в том фонтане!

И в зелени всегда можно увидеть, если тебе станет скучно, всевозможных зверей: играющих мышат, веселых, дружелюбных поросят... И в обыч-

ный час повсюду появляются хорошие куски мяса и большие миски с простоквашей... А к ночи, промчавшись что есть духу прямо на заходящее солнце по пустынной равнине, можно издали услышать знакомое, заплетающееся посвистывание флейты и прямо под большой скалой увидеть знакомый диван, услышать потрескивание огня, пляшущего в сумерках, и, положив голову на колени Капитана, задремать, чуя его щекочущий, с годами сделавшийся приятным и таким родным запах.

Так спокойно и мирно они дожили до эпохи Нового Порядка и повальной автоматизации.

Глава 12

ТАЙНА ГОЛОВАСТИКА

На другое утро после происшествия на пустыре, сопровождавшегося воздушными полетами механизированных полицейских через забор, Малыш и Ломтик снова побежали на пустырь и издали стали подбираться к домику Капитана Крокуса, ползком, сквозь буйные заросли лопуха. Из предосторожности они время от времени подавали друг другу условные знаки, подражая то автомобильным гудкам, то кваканью лягушки или хрюканью поросенка, а прежде чем выйти на открытое место из лопуховой чащи, прислушивались и внимательно осматривались, нет ли вокруг чего-нибудь подозрительного.

— Ничего подозрительного не обнаружил? — свистящим шепотом спросил Ломтик.

— Кажется, нет. А ты? — таинственно спросил Малыш.

— Как будто ничего...

Малыш выполз из чащи и сел, скрестив ноги и отдуваясь.

— Слушай-ка, а какое оно бывает, подозрительное?

— Как! Ты тоже не знаешь?.. А я-то на тебя рассчитывал!

— Да если бы я его увидел, я, может быть, и узнал бы! — оправдывался Малыш. — В сыщицких книжках это бывает какая-нибудь сломанная спичка, обрывок письма, таинственный след и всякие там отпечатки. Тут ничего такого не видно.

— Ну, тогда хватит нам ползать, — угрюмо буркнул Ломтик. — От этих лопухов я уже стал весь зеленый, как гусеница.

Они окончательно выбрались на открытое, усыпанное шлаком место и с любопытством оглядели забор. Он выглядел довольно высоким.

— Что же это все-таки могло быть? Просто поверить не могу, чтоб такой небольшой поросенок, хоть и хорошо дрессированный, один на один справился с тремя полицейскими, — недоуменно вздохнул Малыш.

— А ты позабыл, что Капитан все-таки бывший пират? У него, наверно, там припрятана

машинка для перебрасывания полицейских через заборы. Вот и все.

— Ясно. И еще другая машинка — для стаскивания с них штанов?

— Вот штаны — это странно, — согласился Ломтик. — Давай все-таки рискнем, поступимся.

Они постучались, и Капитан Крокус, не спросив обычного пароля, впустил их во двор. У него был озабоченный, невеселый вид.

Мальчики начали его расспрашивать, но он, устало улыбнувшись, безнадежно махнул рукой:

— Нет у меня больше никаких секретов. Враги уже все знают, чего же скрывать от старых друзей? Пойдемте, я вам покажу!

— Это у Головастика? — сгорая от любопытства, спросили мальчики, когда Капитан подвел их к будке.

Они наклонились к маленьким воротцам, и, к их удивлению, вместо носа Головастика оттуда высунулась беззаботная рожа поросенка Персика.

— Тебя ищут, а ты вот куда забрался! — сердито сказал Капитан. — Вылезайте оба! Ну-ка!

— Кто... оба?

— Ах, это старая история, — рассеянно пробормотал Капитан. — Я ведь знал, что мне не позволят держать льва у себя дома, вот я и сделал на всякий случай эту большую будку с очень маленькими воротцами, откуда бедняжка Нероша мог высунуть только самый кончик носа, так что

все принимали его за маленькую носатую собачонку. А вот тут, в задней стенке, устроена большая дверь, через которую он забирался в будку, когда нужно было прятаться. Жил-то он вместе со мной в доме... Ну, вылезайте же!

Капитан толкнул заднюю стенку будки, и оттуда, потягиваясь, вышел огромный лев. Из-под его передней лапы опасно высовывалась порсячья морда.

— Нечего тебе теперь прятаться, — недовольно сказал Капитан. — Никто тебя больше не будет ругать. Не до того. Натворил ты дел!

Лев подошел и дружелюбно понюхал Малыша толстым носом с крупными ноздрями. Нос был хорошо знакомый, мальчишки частенько видели его, когда он высовывался из собачьей будки Головастика.

— А меня он не нюхает, — завистливо прохныкал Ломтик. — А ведь я чуть-чуть не донес прошлый раз ему такой большой ломоть пирога!

Но лев, не обращая на мальчишек внимания, уже побежал с поросенком на огород.

— А лев не может как-нибудь нечаянно его съесть?.. Куда это они? — испуганно шепнул Малыш.

— Ну, что ты! Они побежали поиграть на огороде. Это такие старые друзья и они столько времени не видались, что теперь просто не налюбуются друг на друга... Весь вчерашний скандал из-за этого произошел. Этот необузданный поросе-

нок сидел спрятанный у нас в диване. Ну, он попросился на одну минуточку во двор, мы его и пустили, а он решил подышать свежим воздухом подольше, а тут нагрянули полицейские, совершенно неожиданно. И этот бездельник, вместо того чтобы тотчас же спрятаться, как ему было велено, стал носиться по двору да еще верещать! Ну, лев увидел, что его приятеля хватает полицейский, рассвирепел и пошвырял их всех через забор да еще чуть не слопа! Инспектора! Нероша очень кроткий, но все-таки ужасно сильный!

Капитан вздохнул и, качая головой, ушел в дом приготовить закусить, по заведенному обычаю, а ребята остались во дворе. Они никак не могли в себя прийти от удивления: лев с поросянком играли!

Начиналось с того, что поросянок исподтишка, скосив глаз и то и дело оборачиваясь, не подсматривает ли за ним лев, бежал прятаться в грядках. Там он долго суеился и пыхтел, пока ему не удавалось запрятаться до того хитро, что из зарослей петрушки и артишоков наружу высывалась только небольшая часть его тугого розового тельца, украшенная петелькой хвоста.

Так, коварно затаившись, он замирал, хищно подстерегая беззаботно прогуливавшегося по огороду льва.

Выбрав удобный момент, поросянок с угрожающим хрюканьем неожиданно выскакивал из засады и набрасывался на льва. Нерон неправдопо-

добно пугался, вздрагивал и, шарахнувшись в сторону, падал, стараясь не придавить торжествующего поросенка, так и насккивавшего на него со всех сторон, чтобы окончательно запугать.

В конце концов выбившийся из сил поросенок решал помиловать слабо и бережно отмахивавшегося от него одной лапой льва и предлагал ему мир. Очень довольные друг другом, они валились рядом и отдыхали до тех пор, пока поросенку не приходила в голову какая-нибудь новая идея.

Глядя на них, Ломтик хохотал, громко взвизгивая и хлопая себя по коленям, но вдруг, опомнившись, захныкал, ожесточенно замахал руками и, распустив губы, отвернулся.

— Что с тобой? — спросил Малыш.

— Ты что, не понимаешь, что ли? Пропали мы с тобой, вот и все. Будь мы честными, благородными взрослыми людьми, мы бы давно побежали звонить по телефону в полицию. Ведь тут скрывается живой лев, а мы вместо этого еще хохочем запрещенным хохотом. Погибли!.. Ты понимаешь, какие мы преступники? Ага!

Малыш тоже испугался. Готовый зареветь, он огрызнулся:

— Конечно, понимаю! Отстань ты от меня, противный Ломтище!.. Думаешь, мне самому это приятно? Это просто ужасно. Мне так не хочется быть преступником! А что нам делать?

— Ладно уж, не реви... Будь это, скажем, кошка, я бы как-нибудь ее осилил. Зажмурился бы и

выдал! Но тут ведь целый лев, громадный лев, да еще поросенок с этими его глазками. Тьфу! На это у меня просто не хватает сил...

— Ага, — мрачно кивнул Малыш. — Нечего себя обманывать. Испорченные мы, недостойные мальчишки. Дипломы об Окончании Детства нам выдали по ошибке, мы этого не заслужили.

— Здорово, старички! — так смешно и добро пропел у них за спиной голос Коко, что они чуть не улыбнулись сквозь слезы. — Страдаете? Вам так хочется, бедняги, быть негодями и все никак не получается? Ай-ай-ай, какое горе! Пойдем в дом, Капитан вас зовет, он уже приготовил угощение.

Мальчики посмотрели друг на друга, безнадежно одновременно махнули руками и пошли следом за Коко.

Когда они все уселись со стаканами малинового напитка в руках вокруг стола, Коко оглядел их мрачные лица и быстро сказал:

— Отгадайте загадку: «В одной комнате сидело двое бывших мальчиков и два будущих старичка». Ну, быстро!.. Не угадать? Ха! Да это мы в той комнате! Мы с Капитаном — бывшие мальчики, а вы двое — будущие старички. Славная компания! Прекрасная компания! Только отчего будущие старикашки такие мрачные?

Мальчики с угрюмыми вздохами, охрипшими от расстройства голосами забубнили:

— Да ведь мы же сознаем, до чего мы скверно поступаем!

— Совесть-то у нас нечиста!

— Уж очень мы испорченные, просто беда! — Если бы про нас узнал сам Генерал-Кибернатор, он просто устыдился бы за нас. Это точно!

— Тьфу ты! Опять я такое слышу! Почему это он должен стыдиться за вас? Человек должен стыдиться за себя сам и не позволять этого делать за себя другим.

— Но он же не обыкновенный какой-нибудь человек, он Генерал-Кибернатор! Он же ввел Новый Порядок, и он управляет городом, а если захочет, будет управлять и всеми другими городами в мире!

— Вот оно что, — беззаботно прихлебывая и чмокая губами, поднял брови Коко. — Ну, это ему только так кажется. На самом деле знаете, кто управляет миром? Дети! Миром правят дети! Конечно, бывшие! Но самые лучшие из них те, кто не забыл, кем они были прежде. Вот я всю жизнь и занимаюсь тем, что им об этом напоминаю. Когда я выхожу на арену цирка, показываю фокусы с мартышками и разыгрываю сценки с поросенком, я вглядываюсь в лица публики, заполнившей зал, и что же я там вижу? Ну? Кто скажет?

— Ну, вы видите там... зрителей. Кого же еще?

— Зрителей, которые смеются... хохочут? Да?

— Правильно, смеющиеся лица. Чьи лица? Одни только лица детей! Некоторые из них не-

многожко постарели, да, согласен. Потолстели, да! Но когда они хохочут над моим поросенком и радуются, что нам удалось спастись и облить злодеев водой из спринцовки, они себя выдают с головой: они хохочут, глаза их блестят, и я сразу вижу, что это обыкновенные постаревшие мальчишки и девчонки. Ну, а с этим народцем мы хорошо понимаем друг друга! А чего вы надулись, как пузыри? Не согласны?

— Не-ет, почему ж... — вежливо пробормотал Малыш. — Может быть, мы-то с вами согласны, но ведь это же все неправда! Ведь это только в цирке да еще в сказках так бывает.

Ломтику тоже стало невесело на душе. Ему очень нравился Коко, и цирк он вспоминал с грустью. Он честно сказал:

— Мы тоже верили, когда были детьми. А Буратино-то ведь, оказывается, деревяшка, если взять его в разрезе. И Баба-Яга, оснащенная техникой, конечно, всех побеждала... Вообще сказки — это просто вранье и обман. Даже глупость! Ничего этого не бывает. И мы не верим.

— Никак не можем, — подтвердил Малыш.

— Дурак вас учил! — начиная сердиться, крикнул Коко. — А дурак, который высмеивает сказку, ничем не лучше болвана, который приказал бы вытоптать всходы пшеницы за то, что они не похожи на булки!

— Но ведь нас учили... И мы же понимаем, что ковер-самолет не мог летать без двигателя и...

— Они все у вас перевернули в головах шиворот-навыворот, несчастные вы ребяташки! Ни один самолет не взлетел бы никогда над землей, если бы прежде не родилась сказка про ковер-самолет! Но люди, сложившие сказки про летающие ковры, мечтали не просто о том, чтобы летать. Они мечтали о самом главном — о том, чтобы научился летать славный добрый Иванушка, а не злой волшебник или кровожадный колдун!.. Поняли?.. Это потому, что ведь люди, которые прежде жадничали, обманывали, грабили и пугали других, разъезжая в колесницах или колясках, на парусных кораблях или пароходах, не станут ни капельки счастливее, если начнут делать все то же самое на самолетах и в подводных лодках!

Капитан пристально наблюдал за своим другом, чуть улыбаясь грустно и одобрительно.

— В первый раз слышу от тебя такую длинную речь! Тем более серьезную. Ты, кажется, хочешь наговориться за всю жизнь?

Коко молча отхлебнул из стакана и кивнул:

— Да, пожалуй, ты прав. Легко может случиться, что в другой раз мы уже не соберемся за этим столом и мне не удастся во второй раз в жизни поговорить серьезно. Эта речь копилась во мне двадцать два года. Через двадцать два — будет готова следующая! Приходите послушать!

Шутка прозвучала не очень-то весело. Мальчики встревоженно переглянулись:

— Почему мы не сможем еще раз собраться? Вы боитесь полиции?

— Я? Полицию? Нет! — надменно вздернул толстый и мягкий подбородок Коко. — Но я принимаю во внимание существование полиции. И только. Но бояться? Х-ха!

В глазах Малыша засветилась робкая надежда. Он пододвинулся к Коко и шепотом спросил:

— А может быть, вы все-таки немножко того... волшебник?

— Не хочу преувеличивать, — скромно, но не без самодовольства усмехнулся Коко. — Не то чтобы так уж полный, стопроцентный волшебник, но не скрою: немножко все-таки есть!.. Бегите сейчас отсюда, ребята, полиция действительно может прибыть в любую минуту, и не надо вам с ней встречаться... Приходите завтра, если все будет спокойно.

После того как ребята, распрощавшись, убежали, Коко остался сидеть, грустно улыбаясь и глядя на пустые стаканы на столе и крошки морских сухарей...

Капитан сидел напротив него, опустив голову, и неторопливо выкладывал из крошек букву «Н». Он думал о своем Нероне.

Коко и Капитан встретились глазами и разом грустно улыбнулись и, потянувшись через стол, крепко пожали друг другу руки.

Глава 13

МАРЦИПАНЧИКИ С ЖЕЛЕЗНОЙ НАЧИНКОЙ

Два больших крытых автофургона свернули с автострады и, покачиваясь на рытвинах и буграх Шлакового пустыря, неторопливо стали углубляться в самый центр лопуховых джунглей.

Одна из машин была вся молочно-белая, украшенная изображениями анютиных глазок и незабудок, с большой надписью:

Цветочки!
Штучно и букетиками!

Но внутри вся машина была битком набита полицейскими, готовыми по команде выскочить и начать свою работу: догонять, тащить, хватать!

На второй машине красовалась надпись:

Сладости! — Марципанчики! — Мармеладки! —
Вафельки!
Коробочками! Кулечками!
Пакетиками! Штучками!

Но единственной штучкой, которая была спрятана в кузове, была большая стальная клетка.

Так началась полицейская операция по поимке льва, присутствие которого было неопровержимо установлено записью на пленке в голове взбесившегося полицейского.

Командовал отрядом новый Инспектор И-66, в когтенепроницаемых брюках усиленной крепости на сиденье.

Когда обе машины подъехали к домику Капитана Крокуса, автополицейские выскочили из цветочной машины, помчались, взметая тучи шлаковой пыли, и мгновенно окружили весь забор одинокого домика со всех сторон.

Инспектор постучал в калитку и тотчас же отскочил в сторону, готовый ко всяким неожиданностям.

На дорожке послышалось неторопливое шарканье домашних шлепанцев. Сонно позевывая и то и дело останавливаясь, чтобы всласть потянуться, как будто его только что оторвали от сладкого сна, Коко добрался наконец до калитки и спросил, кто там.

— Откройте! — рявкнул Инспектор. — Именем закона!

На Коко накатил опять приступ зевоты. Едва справившись с ним, он вежливо переспросил:

— Простите, вы, кажется, что-то сказали?.. Ах, именем закона? Так-так. А какого это закона?

— Вы окружены, и сопротивление бесполезно!

— Какого закона, я спрашиваю! Чего вы там болтаете про сопротивление?

— Какого закона? Откуда я знаю! Закона, и все, — тупо буркнул Инспектор. — Так уж говорится. Открывайте немедленно, или мы сейчас же ломаем запоры!

— Ну, уж это вам никогда не удастся, уж извините!

— В последний раз: или вы откроете, или...

— Или вы сами откроете. Вообще-то я не обязан вам открывать! Я тут не швейцар, я постонный человек, в гостях... А калитка запирается только на веревочную петельку.

Инспектор навалился плечом, веревочка лопнула, и он ворвался во двор:

— Где тут спрятан лев?

— Я, знаете ли, далеко не уверен, что тут водятся львы...

— Запирательство бесполезно! — твердо проговорил Инспектор, направляя пистолет в среднюю пуговицу жилета Коко. — Нам все известно! Где?

Коко нагнулся, с любопытством посмотрел на подвергшуюся угрозе пуговицу и пожал плечами:

— Вы что думаете, он у меня под жилетом?.. Право, я рад бы вам помочь... Если вы так уж интересуетесь львами, идите на терраску, может быть, найдете что-нибудь себе подходящее, право, не знаю...

Инспектор скомандовал в микрофон, спрятанный у него в усах:

— Блокировать террасу! Окружить дом! Занять все входы и особенно выходы! Эй, на вертолетах! Готовы?

Коко поднял голову и увидел, что четыре вертолета повисли прямо над двором. Они поддер-

живали за четыре угла большую сеть того же типа, как та, которой они недавно поймали бесноватого автополицейского.

— Мамочка моя! — ахнул Коко. — Счастливого вам улова, но я все-таки не рыба и лучше спрячусь под крышу!

Инспектор не обращал больше на него внимания, он разглядел за цветными стеклышками терраски льва.

Не дрогнув, он твердой рукой проверил когтенепроницаемую часть своего мундира.

— Эй, на вертолетах! Наготове? Мы сейчас попытаемся его выманить во двор, и тогда действуйте сразу! — Голос Инспектора звучал резко и повелительно.

— Только пусть выйдет, а дальше уж мы знаем, что делать! — ответили пилоты вертолетов. — Давайте нам его!

— Здоровенный львище! — задумчиво пробормотал Инспектор. — Ну-ка, семьдесят седьмой номер, марш, выманивай льва! Подразни, чтоб на тебя бросился.

Железный полицейский послушно взбежал по ступенькам терраски, стал в дверях, высунул язык и начал строить глупые рожи. Лев лениво глянул на него и равнодушно отвернулся.

— Э-эх! — досадливо крикнул Инспектор. — Да выключи ты свою рожу! Ты руками-ногами работай: дрыгай, танцуй перед ним и вроде как бросайся бежать, он и кинется за тобой.

Полицейский стал плясать, кидался бежать, возвращался назад и опять неуклюже приплясывал, болтая железными руками. Лев даже не смотрел в его сторону.

С вертолетов чей-то голос проговорил на весь двор:

— Ничего так не получится! Разве лев будет реагировать на железную приманку? Ему же нужно что-нибудь мясное! Валяйте вы сами, Инспектор.

Инспектор покосился в небо, незаметно поскрежетал зубами, но ничего не сказал. Сделав знак полицейскому прекратить неудачное танцевальное выступление, он осторожно двинулся ко входу на терраску.

— Валяйте, валяйте, не бойтесь!.. Правильно! Теперь получится! — подбадривали его пилоты.

Они-то решительно ничего не боялись там, наверху, и, свесив головы, с любопытством наблюдали, как подвигается дело.

— Всем приготовиться, прикрывать меня с фронта, тыла и с боков! — скомандовал Инспектор и, заглянув на терраску, нежным голосом пропел: — Кис-кис-кис!.. Иди, иди погулять во дворик!.. Мяу!.. Мяу, киса!..

Лев сидел в кресле перед столом, накрытым для чая, задумчиво уставясь в чашку. Рядом на тарелке лежало несколько килек. В пепельнице дымила спокойным извилистым дымком кем-то только что оставленная сигарета.

— Кисуля!.. Ух ты, какая большая кисонька!.. Красивая какая!.. — подхалимским тоном пел Инспектор. — Поди сюда, кисюся!..

Лев вздохнул, закинул одну заднюю ногу за другую, протянул переднюю лапу и, взяв прислоненную к пепельнице сигарету, глубоко затянулся, откинувшись на спинку кресла, и выпустил дым из ноздрей.

— Умная киса... — слегка растерянно, но все еще льстиво бормотал Инспектор. — Она у нас папироски курить умеет! Пойдем, кисонька, во дворик! Там травка растет... Там эти... ходят... — Инспектор бормотал уже вовсе какую-то чушь, и глаза у него медленно лезли на лоб от удивления.

Лев протянул лапу, придерживая вилкой кильку, отрезал ножом головку и хвостик, выпотрошил кишочки, придирчиво осмотрел ее и, сунув в рот, прожевал и запил несколькими глотками чая.

Обомлевший Инспектор в последний раз, уже без всякой надежды, промямлил:

— Киса... Мяу...

Лев медленно повернул к нему большую гривастую голову и холодно осведомился:

— Где вы тут увидели кошку?

Инспектор обежал глазами всю комнату, заглянул под стол, пытаясь понять, откуда раздался голос, и снова уставился на льва, который молча пожал плечами и снова затянулся сигаретой.

— Да вы присаживайтесь, — вежливо предложил лев и слегка пододвинул стул. — Курите?

Пожалуйста, вот сигареты. Вы потеряли кошку?

Инспектор медленно опустил на стул, во все глаза глядя на то, как шевелятся при разговоре усы на морде льва.

— Нет, не... кошку... У меня дело, если не ошибаюсь... к вам!

— Я вас слушаю, — невозмутимо, внимательно наклоняя голову и насторожив уши, произнес лев.

— Впрочем, я не совсем уверен... Мне указали ваш адрес, но это как-то странно... Может быть, тут проживает какой-нибудь ваш, так сказать, одно... однофамилец, или, точнее сказать, соотечественник, или... в известном смысле собрат...

— Понимаю, понимаю, — сочувственно кивнул лев. — Вы хотите узнать, нет ли здесь еще каких-нибудь львов? Может быть, вы знаете фамилию? Или хотя бы имя?

— Да, его зовут Нерон, так записано в ордере на арест. Простите, а вас как?

— Его звали Нерон! — торжественно сказал лев и, пошарив лапой у себя под подбородком, нашел замок застёжки «молния», потянул, растегнул шкуру на груди, так что показалась обыкновенная клетчатая рубашка с кожаным галстуком. Потом он откинул назад львиную голову, пригладил волосы и представился: — Капитан Крокус, к вашим услугам. А на плечах у меня все,

что осталось от моего льва Нерона. Это был мой последний лев.

Капитан окончательно выбрался из шкуры и разложил ее на двух стульях:

— Вот он, весь тут. Дивной души был лев! — Капитан провел гребешком, слегка причесывая гриву. — Отзывчивый. Деликатный... Что делаешь: нервная система подвела! Сердце! Переработался в цирке! Тяжело! Только и утешение — влезешь в эту шкуру, посидишь немножко, вспомнишь старину... Может, выпьете чайку?

Инспектор внимательно оглядел шкуру, засунул даже руку, чтобы проверить, совсем ли она пустая.

— Гм!.. — сказал он наконец. — Значит, ваш лев Нерон сдох?

— Скончался, я бы сказал. Он был такой...

Но Инспектор не стал больше слушать какой. Он круто повернулся и скомандовал отбой.

Пока автополицейские прыгали в машину, Инспектор начал стаскивать с себя когтенепроницаемые штаны, время от времени пожимая плечами и чертыхаясь...

— Я его совершенно врасплох захватил! — докладывывал, вернувшись в родное Полицейское управление, своему Шефу Инспектор. — Ловкий малый! Нашел чем меня обмануть: львом замаскировался. Да ведь как! Вылитый лев! Сидит за столом, чай пьет, покуривает. Другой на моем

месте так бы и подумал: лев как лев!.. Ну, я-то сейчас же напряг все свои проницательные способности и думаю: «Э-э нет, тут нечисто, тут меня вокруг пальца хотят обвести!» Главное дело, что я подметил! Ну, пускай папироски, пускай чай, пускай он даже поболтать может о том о сем — это все пустяки, это все возможно: дрессировка, фокусы... Но чтоб лев стал кильки чистить и лопать? Ну, извините, тут я сразу и разгадал, что это обман! Припер его ловкими вопросами, и он живо вынужден был сознаться, что он вовсе не лев, а обыкновенный человек, по фамилии Крокус. О чем и докладываю. А лев давно сдох, я и шкуру всю исследовал и лично убедился.

— Где же они? — спросил Шеф полиции.

— Кто именно?

— Лев. Шкура льва. Капитан Крокус. Где?

— Я же докладываю: льва вообще никакого нет. Одна шкура! Если предположить, что лев убежал, так сказать, без верхней одежды, то это никак не представляется возможным, потому как без шкуры ему будет чересчур щежотно. Одни мухи житья не дадут!..

Инспектор, оборвав на полуслове, крепко захлопнул рот и вытарашил глаза, увидев, что Шеф прикрыл глаза и открыл рот, чтобы что-то сказать. Это был плохой признак, когда Шеф прикрывал глаза. Едва слышным голосом он произнес:

— Напрягите свои проницательные способности и угадайте, что вы сейчас услышите.

— Не иначе, как вы сейчас скажете мне: «Ах ты болван!» — четко отрапортовал Инспектор.

— Угадали. Как вы осмелились вернуться с пустой клеткой? Через час, то есть через шестьдесят минут, здесь будет сам господин Почетный Ростовщик, который теперь лично заинтересовался расследованием этого дела. Что я ему скажу? Что я ему скажу? — И прошептав все это, Шеф вдруг рывкнул: — Чтоб через пятьдесят четыре минуты этот лев, Капитан, или шкура льва, или шкура Капитана были тут! Марш!

Глава 14

ОПЕРАЦИЯ «ЛЕВ И КИЛЬКА»

Господин Почетный Ростовщик явился к Шефу полиции на несколько минут раньше условленного часа. Он всегда так делал, чтоб было время пошнырять вокруг да около, кое-что приглядеть и разузнать, прежде чем начнется заседание.

В парадном зале, где происходили заседания, на стене висел большой портрет Генерал-Кибернатора в круглой золотой раме.

Под ним, как бы под его защитой, стояло большое кресло председателя с золотой овальной спинкой, так что сидевший в нем Почетный Ростовщик на фоне голубой обивки выглядел очень величественно.

Больше всего он был похож на старую злую обезьяну, которая только что подавилась кислым лимоном.

Что касается портрета Генерал-Кибернатора, то он был особого рода: в золотой раме на чистом белом поле вместо портрета красовалось большое круглое, совершенно черное пятно. Ведь он был председателем Тайного совета! Значит, и все портреты его считались секретными. Это вызывало к нему особенное уважение.

— Ну-с, — изо всех сил стирая налипшее тесто с рук, вежливо, но желчно промямлил Почетный Ростовщик, — когда же я увижу здесь моего старого друга Капитана Крокуса?

— Везут, — коротко ответил Шеф полиции, прислушиваясь к бормотанию в наушниках. — Еще две-три минуты.

— Забавно! Капитан, спрятавшийся в шкуре своего льва. Приятно будет побеседовать! А до льва тоже дойдет очередь! — От предвкушения предстоящего удовольствия он опять энергично принялся отлеплять невидимое тесто.

Через полторы минуты двери распахнулись, и десять полицейских внесли и поставили посредине зала клетку со львом.

Инспектор молодежато вытянулся и отпортовал:

— Операция под шифрованным названием «Лев и килька» выполнена в срок. Арестованный Капитан Крокус доставлен.

— Это он? — спросил Шеф, указывая пальцем на льва.

— Так точно! Только что накрыли сетью прямо с вертолета.

Я и слушать больше не стал, что он болтает. Шкуру я нарочно приказал ему не снимать.

— Начнем? — спросил Шеф. Почетный Ростовщик кивнул.

— Капитан Крокус? — проговорил он радостным, но противным голосом. — Ау, Капитан Крокус! Выходите поболтать со старым приятелем! Вы когда-то были на меня в обиде, что я забрал ваши клеточки? От лвяточек? А вот клеточка-то — она вам самому и пригодилась! Самому! Э?..

— Откройте клетку! — скомандовал Шеф. — Выходите, Капитан Крокус!

Дверцу отворили, заключенный в клетке равнодушно отвернулся и продолжал сидеть, презрительно глядя на сидевших за столом.

— Подвиньте ему кресло, — сказал Шеф. — Капитан Крокус! Мы знаем, что вы старый циркач, но сейчас ваши фокусы не помогут. Выходите оттуда, садитесь... Вот так-то лучше!

Арестованный медленно, нехотя вышел из клетки и сел в подставленное ему кресло.

— Закуривайте!

Он посмотрел на предложенные сигареты, поколебался минуту, но все же отвернулся.

— Вы обвиняетесь в тяжелом преступлении, Крокус! — весь сморщившись от фальшивого сострада-

ния, со вздохами заговорил Почетный Ростовщик. — Что же это вы, Капитан, натворили? Вы скрыли льва. Вы подозреваетесь в сокрытии поросенка особого назначения, в котором лично заинтересован господин Генерал-Кибернатор! Что вы можете сказать в свое оправдание? Говорите скорей! Ну!

Шеф полиции нахмурился и рывкнул:

— Немедленно снимайте ваш дурацкий костюм, Капитан Крокус! Вы находитесь перед лицом! Вы разоблачены! Подайте сюда портрет, чтоб он принес присягу говорить всю правду!

Два полицейских благоговейно сняли и, придерживая с двух сторон, поставили секретный портрет на стол.

— Инспектор! Снять с него эту шкуру!

— Сию минуточку! — услужливо воскликнул Инспектор и, подбежав ко льву, стал шарить у него под подбородком. — Вот тут у него застежка «молния»... А это вроде воротничка!.. Ага, вот и шнурочек! Мигом! — Он сильно дернул за шнурок под подбородком льва, и все обмерли, услышав странный звук.

Трудно сказать, на что он был похож. Например, если взять две чугунные терки в рост человека и с силой потереть их одну о другую, получится немножко похоже. Или обвалить с обрыва большую груду камней на склад железных бочек. Или дернуть за хвост очень большого льва.

Лев взмахнул лапой, и Инспектор удивительно легко отделился от земли и с легким свис-

том, описав в воздухе кривую, повис, зацепившись за люстру. При этом он не обнаружил никакого желания поскорее спуститься на землю, а, напротив, ловко взобрался к самому верхнему ряду лампочек и уселся там, поджав ноги.

— Держите его! Видали, как он меня треснул лапой! — визжал из-под потолка Инспектор.

Шеф ударил кулаком по столу и рявкнул:

— Капитан Крокус! Вы не смеете кидать моих подчиненных на люстры!

— Не дразните его! — отчаянно верещал Инспектор, ерзая на горячих лампочках. — Это опять фокусы! Это лев! Теперь он переоделся Капитаном!

— Марш в клетку! — грозно гаркнул Шеф.

И лев, внимательно на него глядя, соскочил на пол.

— Без фокусов! Без фокусов!.. — Шеф схватил со стола секретный портрет и, прикрываясь им, как щитом, двинулся на льва.

Лев чувствовал себя слегка растерянным, но бумажный обруч с кругом посредине был ему знаком. Он без разбега могучим прыжком бросился в черный круг, прорвал его, очутился на столе и двинулся на Почетного Ростовщика, чей крик его раздражал больше всего.

А Ростовщик трясся и верещал, не переставая:

— Пустите меня на люстру!.. Сто тысяч тому, кто посадит меня на люстру! Сто десять тысяч!.. Двести!!.

По справедливости эти деньги должны были бы достаться Нерону, потому что это именно он подсадил господина Почетного Ростовщика, да так, что тот, пролетев через всю комнату, над головами мечущихся полицейских, сразу оказался у верхнего ряда лампочек, рядом с Инспектором.

Затем люстра, не выдержав двойной тяжести, рухнула, как выражаются в газетных отчетах, «на головы собравшихся», послышался звон и треск вышибленной одним махом оконной рамы, и все увидели мелькнувшие в окне задние ноги и хвост выпрыгивающего льва. Сделав громадный прыжок, он очутился на крыше и, промчавшись по ней с веселым громом, исчез за ее скатом, точно за вершиной холма в какой-нибудь пустыне или выжженном солнцем вельде.

Глава 15

МУХОЛАПКИН ПОДНИМАЕТ БУНТ

— Просто ничего не могу с собой поделать, — печально говорил Ломтик. — Ну ничего не могу. Не могу!

Они сидели с Малышом на необитаемом острове, который другим казался крышей заброшенного сарая, и беседовали о всяких таких предметах, какие лучше всего обсуждать на необитаемых островах.

— Я даже стараюсь об этом не думать, а все-таки как представляю себе, что папа млекопитающий да еще и позвоночный, так мне и кажется, что он уже не тот, что прежде.

Малыш печально кивал на каждое его слово.

— Да, это так трудно — научно смотреть на жизнь, но теперь, когда мама заходит ко мне проститься перед сном, я всегда думаю о том, какая она была бы некрасивая, если б ее положить под микроскоп и рассмотреть поближе.

— Да, уж это нам все точно объяснили. Насчет этого и вообще насчет всяких этих бесполезных чувств устарелого типа.

— Ага... А когда она мне вчера сказала: «Сынок, если бы ты знал, сколько ночей я недосыпала у твоей колыбельки!..» — я совсем растерялся и не смог ей ответить, как надо. Маловато у меня твердости, ничего не поделаешь!

— Конечно, ты должен был ей сразу сказать: «Ты могла бы спокойно спать, если б у тебя хватило денег купить самую простенькую няньку-автокачалку!» А ты не сказал?

— Да нет же... Хочется быть хорошим, и ничего не получается... Похоже на то, что мы с тобой двое окончательно пропащих парней. Как ты думаешь?

— Влипли по уши во всякие преступления. Добром это не кончится. На льва не решились донести... про поросенка я уж и не говорю. А вдруг про это узнают?

— Не говори! Мне страшно подумать, что будет... Чш-ш! Какая-то точка на горизонте! Посмотри в подзорную трубу. Что это за корабль?

Ломтик приложил кулак к глазу, но тотчас опустил его и сказал:

— Точка подает сигналы бедствия. Здорово ревет! Это Мухолапкин!

Мухолапкин, прозванный так за свои очень тоненькие ножки мальчик, хлюпая носом, почти бежал мимо сарая. Он был очень хорошим знакомым, так что оставить его без внимания в минуту, когда он явно терпел какое-то бедствие, было бы позорно. И с необитаемого острова его окликнули.

— Отстаньте от меня все! — не останавливаясь, буркнул Мухолапкин и, продолжая подавать безутешные сигналы бедствия, отчаяния и злобы, промчался мимо на всех парусах.

Оба мальчика съехали по откосу крыши и, спрыгнув с необитаемого острова на обитаемую землю, бросились вдогонку.

Мухолапкин, когда они его попытались остановить, оказал отчаянное сопротивление, главным образом брыкаясь ногами, так как руки у него были заняты.

— Не трогай! Пустите меня! Пустите, черти!.. — орал он вполголоса, отбрыкиваясь и отворачивая зареванную физиономию.

— Не брыкайся! Стой! Мы ведь друзья! — долбили ему преследователи, по-дружески с двух сторон хватая за шиворот.

Наконец они повалили, вернее, усадили его на землю так, что отбрыкиваться ему стало неудобно.

— Что у тебя в руках? — допытывался Ломтик, не давая Мухолапкину подняться с земли. — Куда ты бежал?

— Не ваше дело, отстаньте... Никуда я не бежал, чего вы пристали! Ну, я просто убежал из дому. Вот сейчас ушел и больше не вернусь. Никогда. Ни за что!.. А вам какое дело почему! Умру — не скажу! Не ваше дело!.. Ну, пожалуйста, наплевать, могу и сказать... Они его хотят сдать на чучело, а я не дам!

Он осторожно раздвинул складки кулечка, который бережно нес под мышкой. В образовавшееся маленькое отверстие тотчас осторожно высунулся быстро-быстро посапывающий черный нос, затем два маленьких глаза на мордочке с прической «ежиком».

— Настоящий еж? — ахнул Малыш. — Живой?

Увидев морду возлюбленного своего ежика, Мухолапкин заревел с новой силой отчаяния.

— Жи-вой... — прерывисто запричитал Мухолапкин. — Он такой умный! Он у меня умеет молоко из блюдца пить!.. Все нюхает!.. И по ночам он вокруг комнаты бегают, лапками топчет... А они его хотят... на чучело! Не да-ам! (Чтобы точнее изобразить последний звук, понадобилась бы длинная-предлинная строчка: «Не да-а-а-а-а-м!»)

— Ну-ну, старина, не разливайся ты уж так... — неуверенно пробормотал Малыш. — Чучело тоже

приятно иметь на память. И тебе дадут шикар-ного автоматического ежа, если ты...

Мухолапкин неожиданно вскочил и яростно стал отбрыкиваться, вертась на все стороны и прижимая к сердцу ежа:

— Отойди!.. Не дам!.. Ах, автоматического? А я его утоплю! Зарежу! Развинчу по винтику и расшвыряю! Не подходи!

Ломтик с Малышом переглянулись, пожали плечами и вздохнули.

— Ну-ка, выключи звуковые сигналы. Пере-ходи на прием и молчи. Слушай. Только не бесись, никто твоего ежа у тебя не отымет.

— Отымут!

— Молчи. Ты знаешь, что с той минуты, как ты убежал из дому, задумав спасти своего ежа, ты преступник?.. Молчи, слушай. Случайно тебе повезло. Мы сами двое пропавших парней. Ты спокойно, без визгу, можешь ответить: согласен ты идти окончательно в преступники? Чтоб потом не хныкать и не идти на попятный. Ну?

Мухолапкин так твердо сжал губы, что они почти исчезли у него с лица, осталась только тонкая прямая ниточка. Пискливым, но твердым голосом сказал:

— Ради ежа? В преступники? Пойду!

Мальчики снова переглянулись.

— Попробуем его отвести туда? — сказал Малыш.

— Больше некуда, — кивнул Ломтик. — Тащи за нами своего ежа. Пошли!

Они спустились к самому берегу реки и побежали мимо маленьких заливчиков и мысов длинной в несколько шагов, мимо мелких песчаных бухт, где на мелководье паслись стайки рыбешек на опушке подводного леса.

Так они добрались до старых причалов с заброшенными баржами, красными от ржавчины, и тут, хватаясь руками за стебли высокой травы, тяжело дыша, выбрались по крутому откосу берега наверх.

— Да это же тут живет Головастик! Верно? — воскликнул Мухолапкин, увидев домик.

— Молчи! — шикнул на него Малыш. — Это тайна. Все теперь тайна. И Головастик — тайна. Да еще какая! Ты бы лопнул от любопытства, если б знал какая!

Калитка стояла раскрытая настежь. По двору бегал взволнованный, перепуганный поросенок, суетливо обшаривая все уголки и закоулки. Он искал льва, и каждую минуту, обежав вокруг дома, он опрометью кидался к будке и, заглядывая в нее, нежно, призывно похрюкивал, надеясь, что лев возвратился домой, пока он обшаривал огород за домом. Капитан с двумя громадными цирковыми пистолетами в руках, бледный и яростный, стоял посреди двора, а Коко гладил его по голове и по плечам, умоляя успокоиться.

— Все еще обойдется, никто же не виноват, что так случилось! Они застали нас врасплох!

Капитан, отстраняя от себя Коко, стискивал пистолеты, оглядывая чистое небо. Усы его вы-

зываются торчали вверх, точно показывая без десяти два.

— Проклятые вертолеты! Подкрались неслышно со своими гнусными сетями! Пока я жив, я бы не отдал им моего Нерошу! Ах, что с ним сейчас? Где он? Но больше ни один полицейский не войдет в калитку, пока у меня останется хоть один патрон!.. Ага, вот они являются.

Капитан Крокус мгновенно поднял оба пистолета и повернулся к калитке, услышав шаги.

— Это не полицейские, это мы! — поспешно крикнул Малыш.

— Ах, ребята! — опуская пистолеты, сказал Крокус. — Не вовремя вы сюда явились. Уходите поскорей, чтоб не попасть в беду вместе с нами!

— Ну-ну, не волнуйся, они сейчас уйдут!.. — ласково проговорил Коко. — Что вам, ребятки? Правда, сюда вам лучше не ходить!

— На вас опять было нападение? — замирая от любопытства и страха, догадался Ломтик.

— Нас застали врасплох, и они увезли Нерона, — сказал Коко, незаметно вытирая глаза. Он страдал сам, но еще больше мучился за Капитана. — Ну, бегите поскорей домой, ребята, так будет лучше.

— Мы по делу... Вот, покажи... — Малыш подтолкнул вперед Мухолапкина. — Это живой ежик. Он умеет пить молоко и сопеть носом. Поэтому Мухолапкин не желает его сдавать на чучельную фабрику.

— Да, — подтвердил Мухолапкин. — И еще колотья умеет, а меня никогда не колет. Пускай он живет где-нибудь в другом месте, пускай я его не увижу никогда в жизни, только бы он был жив и ему было хорошо.

— Пустите ежа в дом, — сказал Капитан. — Пока я жив, я не отдам ни ежа, ни поросенка.

В эту минуту раздался пронзительный поросичий визг, полный такого восторга, что все вздрогнули, подскочили и обернулись. Нерон, лев Нерон, разгоряченный после бега, гордо встряхивая гривой, стоял посреди двора, а поросенок кругами носился вокруг него, просто разрываясь от визга, с такой быстротой, что все его четыре короткие ножки сливались вместе.

— Нерон! — сказал Капитан, и голос его дрогнул.

Лев осторожно поймал поросенка, перевернул его легким шлепком, чтоб немного успокоить, и, подбежав к Капитану, положил ему передние лапы на плечи. Они наскоро обнялись, и тут Коко закричал:

— Нельзя терять ни минуты! Я не знаю, что он там натворил, скольких полицейских он слопал и скольких покидал в окна, но теперь они будут здесь через несколько минут, это факт!

— Да, — сказал Капитан. — Но до тех пор, пока в моих пистолетах...

— Что ты сделаешь со своими пистолетами! Надо бежать!.. Куда? Бежать некуда!.. Что же тогда делать! Дайте мне подумать, молчите все, не мешай-

те... Так, ясно. Бежать некуда!.. Где же выход? Выхода нет. Только не падать духом!.. Это главное!.. Но как же нам не падать духом, когда положение безвыходное?.. А-а-а! Если бы в нашем распоряжении было хотя бы два часа, выход нашелся бы!

— Какой выход? — Капитан, не спуская глаз с калитки, держал пистолеты наготове.

Коко подбежал и зашептал что-то Капитану на ухо. Лицо Капитана просветлело.

— Я задержу их на несколько часов!

— Только без пистолетов.

— Без единого выстрела!.. Нерон, слушай внимательно, ты пойдешь с ним. Понял? Ты останешься с ним. Я уйду! Понял? Да, вижу, ты славная скотинка, все понял. Прощай, Нероша, уходи с ним. С твоим приятелем Персиком ты не будешь так скучать. Скорей уводи его, Коко, а то сердце у меня разрывается от горя. Боюсь, что мы с ним видимся последний раз в жизни.

Коко обнял Капитана, они поцеловались и крепко пожали друг другу руки, отвернулись, чтоб разойтись, но снова бросились в объятия, опять яростно потрясли друг другу руки и почти разбежались в разные стороны.

Коко, следом за которым бросились поросенок и лев, отлично понявший приказание хозяйина, выбежали из калитки, опрометью скатились под откос и спрятались в камышах на берегу реки.

— Идите за ними! Уходите! — крикнул Крокус мальчикам.

Они нерешительно двинулись и пошли, продолжая оглядываться. Последнее, что они видели, был Капитан, который быстрыми движениями надевал на себя львиную шкуру.

— Что вы делаете? — в отчаянии закричал Малыш. — Они же из вас самого сделают чучело!

Капитан усмехнулся:

— Даже если им это удастся, это будет чучело честного и свободного Человека, а не жалкое чучело труса и предателя!

Он помахал им рукой, показывая, что надо скорей уходить, задвинул «молнию» до конца, застегнув у самого горла, и, надвинув, как шлем, львиную голову, стал на четвереньки и, глухо заворчав, пошел львиной походкой по двору.

Едва мальчики вместе со зверем и Коко успели скрыться в камышах, как услышали гудение моторов больших автомашин, мчавшихся по пустырю. У домика шум замер, слышались окрики, бездушное сигнальное попискивание автополицейских, шум возни и злорадный крик Инспектора:

— Ага, попался! Теперь не уйдешь из клетки, обманщик!

Слышно было, как машины умчались, прыгая по кочкам пустыря.

Сидя в камышах, Нерон тревожно вслушивался, нервно насторожив уши, но Коко его гладил все время, приговаривая, и лев послушно остался на месте.

Когда все утихло, Коко сказал мальчикам:

— Теперь я один останусь жить в доме. Но этим беднягам нельзя больше там оставаться. Я отведу их в новое убежище. Давай сюда и твоего ежа тоже!

В быстро сгушавшихся сумерках Коко пошел вдоль берега реки, потом, чтоб спутать следы, вошел в мелкую воду. Лев и поросенок уныло плелись за ним по пятам.

По прогибающимся старым доскам они поднялись на заброшенный причал, прошли его до самого конца и там, помогая друг другу, взобрались на борт брошенной железной баржи.

Коко шел впереди, показывая дорогу. Они через люк спустились в один из отсеков под палубой.

— Оставайся тут, Нероша, — грустно сказал Коко. — Я буду приносить тебе простоквашу и отбивные котлеты!

Он ласково погладил льва, поцеловал поросенка.

— Тут... Тут... Оставайся тут! — повторил настойчиво несколько раз, отступая к выходу.

Лев понял. Он улегся на пол, головой к выходу, и начал ждать Капитана. С тех пор он так и лежал, отказываясь от пищи, только пил иногда ржавую воду трюма.

Глава 16

УКРОТИТЕЛЬ В КЛЕТКЕ

Чучельномеханический комбинат господина Почетного Ростовщика стал самым крупным и

процветающим предприятием в городе. Сотни грузовых машин и фургонов непрерывно подвозили материалы и вывозили готовую продукцию из цехов, где выделялись механические, автоматические звери и птицы.

Целый день медленно полз через все здание конвейер. С одного конца на длинных резиновых лентах ехали в своих клетках дрожащие от страха котята, заискивающе помахивающие хвостами лопухие щенки, встревоженные здоровенные псы, растерянно мечущиеся, насторожив острые ушки, белки, старые умные вороны, нечаянно попавшие в беду, глазастые кролики, покорно дожевывающие свой последний листик салата, и крепко схватившиеся в испуге за руки черноглазые обезьянки...

А с другого конца конвейера выходили отличные, такие спокойные чучела с остановившимися стеклянными глазами, с моторчиком в животе и ключиком, подвязанным к шее на шнурочке.

И когда господин Почетный Ростовщик приезжал по вечерам после работы проверить продукцию своего комбината, он любил в одиночестве прохаживаться по складу, потихоньку оттирая со своих рук прилипшее тесто, и, причмокивая от удовольствия, подсчитывать:

— Ага, зайчиков сорок один... А собачек целых восемьдесят семь больших да сто девять маленьких...

И вчерашние суетливые, болтливые, развеселые, непоседливые зверята одинаково смотрели на него стеклянными глазами, и Ростовщик наслаждался тем, какой тут царит порядок, стройность и тишина...

В таком виде он почти любил их всех, потому что ему казалось, что каждый зайчик или птичка тащила к нему в своих зубках или клювике славную монетку — чистую прибыль...

Пойманного во дворе собственного дома Капитана Крокуса в львиной шкуре привезли на комбинат под вечер.

Ворота автоматически раздвинулись, пропуская машину. Капитан увидел обширный двор, окруженный со всех сторон высокой стеной. Все вокруг дрожало от глухого ворчания работающего конвейера. Машина резко остановилась, и он прочел надпись «Склад сырья» на стене длинного бетонного здания. Железные ворота склада тоже раздвинулись, и четверо железных безголовых носильщиков, очень похожих на железных муравьев, поставили клетку на тележку и покатали ее в глубь здания, мимо длинных рядов других клеток, полных всякого зверья.

Затем клетку с Капитаном приткнули к стене, кладовщик сунул в нее миску с водой, вскочил на тележку, безголовые бодро выкатили его из склада, и ворота задвинулись.

Капитан очень устал притворяться львом, прохаживаться вдоль прутьев клетки львиной

походкой и даже сидеть по-львиному. Теперь он наконец-то мог лечь, вытянувшись по-человечески по весь рост. Он лег, потянулся и облокотился на руку.

Вскоре все машины и конвейер комбината вдруг разом замолчали, и пол склада перестал дрожать — дневная работа кончилась. В наступившей тишине стало слышно, как тихонько похныкивает маленькая обезьянка на руках устарой облезлой обезьяны — своего дедушки.

Длинный и узкий каменный склад был еле освещен редкой цепочкой лампочек. Дальний конец совсем тонул в полумраке и потому казался бесконечным. Но всюду, куда хватал глаз, тянулись ряды нагроможденных одна на другую клеток и ящиков, затянутых металлической сеткой, за которыми в ожидании своей очереди для отправки на чучельный конвейер сидели в остолбенении, лежали в унынии, уронив голову, или бегали в отчаянии взад и вперед вдоль решеток, тихонько скулили, хныкали, подвывали, мяукали, тявкали, похрюкивали, щебетали и попискивали, царапались и метались всякие мелкие и крупные звери и пичуги.

— Шумза... шумза... шумзатих... шум затих!.. — забормотал старый болтливый попугай.

Капитан Крокус хотя и провел всю свою жизнь среди зверей, которых хорошо знал и, главное, любил, все-таки с трудом разбирал, о чем они говорят. Но удивительное дело: очутив-

шись сам в клетке рядом с ними и ожидая приближения утра, когда его самого вместе с другими отправят в потрошильный цех, он с изумлением обнаружил, что стал неизмеримо лучше понимать окружающих!

«Удивительное дело, — сказал он себе, — до чего полезно самому попасть в беду, чтоб тебе понятнее стало горе других!.. То, что мне в другое время показалось бы обычным писком или хрюканьем, вдруг стало таким осмысленным разговором!»

Никто не станет отрицать, что ворона с вороной понимают друг друга с полуслова. Но утверждать, что, скажем, ворона говорит на одном языке с лисицей, — это, право, преувеличение. Конечно, они могут понять друг друга, поболтать о том о сем, но только на самые общие темы, вроде иностранца в чужой стране, выучившего полсотни слов по разговорнику.

Поэтому Капитан, хорошо умевший понимать только львиный разговор, с некоторым трудом разбирал, о чем сейчас пищали, хныкали и ворчали все звери вокруг него.

В тишине неустанно и безутешно маленькая синичка, бесконечно повторяя, высвистывала две жалобные нотки, призывая своих птенцов.

Ну, это-то Капитану было понятно: так синички зовут за собой своих голодных птенцов, еще до того глупых, что хотя летать они уже научились, но есть сами еще не умеют. Только перелетают за

матерью с ветки на ветку, боясь отстать, трясут от нетерпения крылышками и широко разевают рты, пока им не сунут в рот что-нибудь вкусное. Сегодня синичку поймали, и завтра птенцы напрасно будут трясти крылышками и разевать рты...

Но тут Капитан стал прислушиваться к невнятному бормотанию обезьян. Детеныш хныкал не переставая, а седой обезьяний дедушка то сердито, но осторожно его шлепал, то ворчливо почесывал шерстку на его маленькой головке.

— Чего ты хныкаешь? Темно?.. Да ведь это просто ночь! Спи! Придет утро, и мы опять поскачем по веткам за бананами!.. Спи. Чего ты боишься? Забыл, какие у меня зубы? Любого кусаю, кто тебя тронет!

Старик скалил длинные желтые зубы, а маленький боязливо тянулся, дотрагивался до них тонкими черными пальчиками и, восторженно пискнув, успокоенно забивался обратно к нему под мышку.

Только в большой клетке, где полным-полно было воробьев, было весело. Там отчаянно расчирикался городской воробей, хвастаясь перед своими деревенскими родичами.

— Чиф-чиф-чиф!.. — петушился он, прыгая по жердочке вперед и назад. — Вам повезло! Попали в город в первый раз в жизни. Ну, так надо вам порассказать, как у нас тут устроена жизнь! Слушайте. Весь этот город наш, воробыный! Поняли? Мы заняли все лучшие места. Живем

на высоких скалах, на самом верху! А пониже нас, там, где понаделаны квадратные дырки, там ютятся люди. Мы их не трогаем, они нам не мешают. Сидят себе, высовывают носы из своих дырок. Летать-то не могут! Не то что мы: фр-р-рс — и перелетел с одной скалы на другую. А они об этом и думать не смеют!

Уж про себя я не говорю, я все-таки не рядовой воробей! Меня знают! Лучший голос на всей крыше! Да я сколько раз один на один на скворца ходил! Я у вороны вот какой кусок булки утащил! Все видели! А люди такие жалкие существа! Зачем-то бегают внизу целый день туда-сюда, чего-то чирикают, а смысла никакого нет! Даже корма под ногами подобрать не умеют. Да что говорить! Скакнуть сразу двумя лапками не могут! Сперва потащат одну, потом потянут другую кое-как! Смотреть жалко!

У меня в одном окне живет знакомый. Он человек. Толстый, громадный. Летом сидит у окна гладкий, белый, а зимой делается всегда серый, пушистый. Пух отрастает. А перышка — ну ни одного! Все повылезли, что ли? Да и глуповат: под окошком у него есть корытце, и вот он где-то насобирает отличных свежих хлебных крошек или зернышек, высунется из окошка и все их в корытце спрячет. Только он отойдет, мы сразу кидаемся, набьем пузо до самого клюва. Прямо со смеху помираем. А на другой день, глядишь, он опять позабыл, куда прятал свои крошки, при-

тащит и опять сыплет в корытце, никак не догадается, чудака, чтоб самому все склевать!..

Капитан грустно улыбался, прислушиваясь к хвастливой болтовне воробья, но тут подняли лай собаки, заволновался в своей клетке маленький енот, возбужденно застрекотали белки, кошки подняли вой, и медвежонок от возбуждения стал прыгать на месте и вертеться, как волчок.

Железная дверь склада снова откатилась на стальных роликах, и лампочки загорелись ярче.

Капитан вскочил и снова львиной походкой двинулся вдоль ряда прутьев своей клетки.

Безголовые носильщики, суетливо перебирая короткими железными ножками на резиновых подошвах, вкатили тележку с клеткой, где, вздрагивая и злобно огрызаясь после каждого толчка, бесновались три крупных диких льва.

Кладовщик шел впереди, выбирая место, куда ставить клетку.

— Сюда! — скомандовал он безголовым.

Клетку подкатали вплотную к той, где сидел Крокус. Дверцы приподняли, и кладовщик железным прутом после отчаянного сопротивления вогнал всех трех львов, осатаневших от испуга, злости и унижения, в клетку, где, прижавшись в уголок, сидел Крокус.

Кладовщик опустил дверцы, непрерывно ворча:

— Катай вас тут по ночам! Возят, возят, уже и клетки ставить некуда!.. Спокойной ночи, поставьтесь не слопать друг друга до завтра!

С этими словами он плюхнулся на тележку, и безголовые покатали его к выходу.

Злобно проследив глазами за удалявшейся тележкой, после того как ворота снова задвинулись, все три льва, тревожно втягивая ноздрями воздух, медленно двинулись прямо на Капитана.

«А дело-то дрянь, — мелькнуло в голове у Капитана. — Сколько лет я был на волосок от гибели в клетке со львами, и ничего. А теперь, кажется, и волоска у меня нет, чтобы на нем повиснуть!..»

Глава 17

ТАЙНА ЕРЗАЮЩИХ НОСОВ

Ежик очень далеко! Не найдет его никто!..

Песенка не очень длинная, но содержательная для того, кто понимает. Рифма, пожалуй, не из самых лучших, но только что сочинивший ее Мухолапкин был просто в восторге, до того она ему самому понравилась.

Он лежал, накрывшись с головой одеялом, и, дрыгая ногами, напевал ее на разные голоса. Сперва на плясовой мотив, раз десять подряд, потом делал маленький перерыв, чтобы отхохотаться вволю и подрыгать ногами, и снова запевал ее протяжно и заунывно, что вызывало у него новый взрыв хохота и дрыганья ногами.

Получалось что-то среднее между «Чижиком» и похоронным маршем, но, к счастью, из-под одеяла никто этого не мог слышать.

Наконец, чтоб не задохнуться, он, тяжело дыша, откинул одеяло. Но, прежде чем заснуть, долго еще лежал и улыбался в темноте, представляя, как это его ежик сейчас в полной безопасности топчет лапками по полу в убежище у Коко и, может быть, в эту самую минуту тоже усмехается своей ежиной усмешкой, вспоминая Мухолапкина.

Потом он заснул и спал спокойно, и ему даже во сне снилось, что уже на другой день он из обыкновенного преступника делается крупным заговорщиком...

Наука до сих пор еще не выяснила, почему всем ребятам гораздо больше нравятся задние дворы, пустыри, заросли колючих кустов или лопухов, чем чистенькие дорожки и аккуратные цветочные клумбы. Но Мухолапкину, как и многим другим, нравились именно заросли и задние дворы.

Поэтому утром следующего дня он сидел на задворках, заваленных строительным мусором, забравшись на расколотый пополам железобетонный блок, и, посвистывая себе под нос, рисовал на плите зеленым мелом портрет улыбающегося ежа.

Лучше всего получались колючки и улыбка — все остальное было не очень-то похоже, но все равно было приятно как воспоминание.

— Эй, ты! — окликнули его одновременно сразу два голоса.

И Мухолапкин, не оборачиваясь, ответил:

— Эге-ге-гей! — По голосам он узнал соседей — близнецов брата и сестру, живших пятью этажами выше.

Они вскарабкались на блок, держась за руки, стали у него за спиной и одновременно вздохнули. Возможно, никто не обратил бы внимания на то, что они близнецы, если бы они не ходили всегда парой и, чуть что, не хватались бы крепко за руки, чтоб поддержать друг друга, столкнувшись с какой-нибудь опасностью или неприятностью.

Вот и теперь: крепко держась за руки, они стояли и смотрели, как Мухолапкин подбавляет еще парочку зеленых иголок на спину ежа.

— Нравится? — со скромной уверенностью спросил Мухолапкин.

Близнецы переглянулись, опять тяжело вздохнули, и девочка неуверенно проговорила:

— Нам нравится. Да?

— Да, — подтвердил мальчик. — Нравится. Это потому, что он такой веселый.

— Сразу видно, что ему очень весело... А тебе, Мухолапкин, значит, его не жаль?

Мальчик толкнул сестру локтем и быстро проговорил:

— Это она нечаянно сказала глупость! Чего тут жалеть? Это же чувство! А чувства все вредные.

А жалость — это даже стыдное чувство... И еще вредное... Ну да я уже сказал...

— Ни капелечки мне его не жаль! — вызывающе пропел Мухолапкин. — С чего это я стану его жалеть?

Близнецы опять переглянулись, повернулись, одновременно сели и стали сползать с блока на землю. Мухолапкину стало как-то обидно, уходят, ничего не спрашивая, как будто нечего у него выпросить, когда тайна его так и распирает изнутри.

— Я даже очень рад. Только это тайна, — небрежно бросил он вслед близнецам, но они не оглянулись, и он поспешил добавить: — Да ведь он неплохо устроился. Здорово хитрый ежака, поискать такого!

Близнецы повернулись к нему разом, точно на одной пружинке, и выпучили глаза.

— Как это — устроился?

— Что значит — устроился?

— Тайна! — загадочно усмехнулся Мухолапкин.

— Разве у тебя его не забрали?..

— На Чучельномеханический комбинат?

— Я же говорю — тайна. Что вы, не понимаете: если я вам все расскажу, какая же это будет тайна?

Близнецы нахмурились и с минуту сосредоточенно размышляли. Потом девочка предложила:

— А ты нам скажи, это будет и наша тайна. Ты только ответь: разве твоего ежика не пустили в набивку?

— Я клятву дал молчать!

— Да ты можешь ничего не говорить, — сказал мальчик. — Мы будем спрашивать, и если «да», ты сделай какой-нибудь знак.

— Какой такой знак? — подозрительно осведомился Мухолапкин. Девочка предложила:

— Ну, кивни головой.

— Вот еще! — презрительно усмехнулся Мухолапкин. — Да ведь это почти то же самое, что сказать вслух.

— Ну, подмигни одним глазом!

— Еще чего: мигать! Это же каждый дурак поймет! Хороша тайна!

— А знаешь что? — сказала шепотом девочка, придвигаясь вплотную к Мухолапкину. — Ты сумеешь сделать носом так — свернуть кончик носа на сторону?

Мухолапкин попробовал.

— Кажется, сумею.

— Ну так вот, когда ты повернешь кончик носа направо, это будет значить «да», а налево — «нет».

— Попробуем, — нерешительно согласился Мухолапкин. Девочка быстрым шепотом спросила:

— Твой ежик жив?

Нос решительно свернулся направо, и близнецы быстро обрадованно переглянулись.

— Он у тебя?

Нос съездил влево и вернулся в нейтральное положение.

— Его теперь не найдут? Он спасся?

Нос Мухолапкина горделиво два раза подряд свернулся вправо.

Близнецы ахнули и уцепились друг за друга, точно утопающие за спасательный круг (причем каждый из них был и утопающим, и спасательным кругом для другого). С двух сторон они стиснули Мухолапкина и сразу в оба уха зашептали:

— Тогда ты спаси и нашего Тузика!.. Ну, скажи, спасешь?.. Ну, пожалуйста, пожалуйста, как-нибудь спаси! — И они с волнением и надеждой уставились на кончик Мухолапкиного носа.

Но нос даже не дрогнул. Конечно, Мухолапкин отлично знал развеселого толстолапного Тузика, общего пса близнецов, такого пятнистого, как будто его сшили из разных лоскутов. Конечно, хорошо бы ему помочь, но... Он все еще колебался и раздумывал, как вдруг девочка потянулась рукой к его нахмуренному лицу и очень мягким, просто даже нежным прикосновением пальца сдвинула ему набок кончик носа — в правую сторону.

— Значит, «да»? Ведь ты сделал знак «да»? Правда? — умоляюще шептала девочка.

И суровый Мухолапкин, глядя в ее переполняющиеся слезами глаза, решительным движением мужественно свернул нос вправо и буркнул:

— Только не реви, пожалуйста! Подставляйте уши, запоминайте, что я вам скажу. И помните, что каждое мое слово — тайна.

Сбившись в кучку, они довольно долго шептались. На прощание Мухолапкин громко повторил:

— Не забудете сигнал? Я два раза мяукну, как дикий камышовый кот!

— А как мяукает дикий камышовый кот?

— Точно так же, как и обыкновенный! А теперь расходитесь незаметно по одному... Что? Ну ладно, по двое!

И они разошлись в разные стороны, через каждые десять шагов оборачиваясь и легким движением кончика носа давая знать, что все в порядке.

Был поздний вечер, и черный Шлаковый пустырь стал еще чернее. Как всегда, розовое зарево загорелось над главными улицами города. По автостраде вдалеке проносились со свистом машины, лягушки заливались в болотцах, а по реке плыли к выходу в море разноцветные огоньки судов, и волны, набегая на берег, слегка покачивали стоявшие на приколе заброшенные железные баржи, и они тихонько поскрипывали, вспоминая старые дни, когда они еще не были такими ржавыми, и у них на борту тоже горели цветные огоньки, и они плавали по реке и тоже уходили в море...

В густых лопуховых зарослях возле заброшенной канализационной трубы слышалось приглушенное мяуканье.

Мухолапкин мяукнул диким котом, прислушался и мяукнул погромче.

В ответ не遠деке кто-то пискливо мяукнул кошкой. «Неплохо, — с удовлетворением подумал Мухолапкин. — Близнецы начинают понемногу разбираться в тайной сигнализации». Но тут впереди кто-то потихоньку тьякнул собакой. Странно!.. И тут издали кто-то еще подал сигнал грубоватым мяуканьем.

Через минуту Мухолапкин едва поспевал поворачиваться во все стороны — казалось, весь пустырь подает условленные и безусловные сигналы! Что это могло значить?

Вот опять кто-то тьякнул собакой... Слегка взвизгнул щенком. И тут же из зарослей выскочил самый настоящий щенок, а вдогонку за ним — незнакомый мальчик с обрывком одеяла в руках. Сделав отчаянный бросок, он накрыл убежавшего щенка одеялом, туго запеленал его и прижал к груди.

С другой стороны, спотыкаясь, выползли близнецы, мяукнули и остались стоять, оглядываясь по сторонам.

Девочка сказала:

— По-моему, вот из этого куста мне послышалось мяуканье дикого камышового кота...

— Ясное дело, дикого! — раздраженно прошипел Мухолапкин, вылезая из куста и поднимаясь на ноги. — А как очутился тут этот парень со щенком?

— Ты уж не злись, пожалуйста, — умоляюще сказала девочка. — Мы ему только сказали, чтоб

он на всякий случай приходил сюда, к заброшенной трубе, когда стемнеет. И мы взяли с него очень хорошую клятву, что он будет молчать. Вот он и принес сюда своего щенка.

— Да, и я еще раз могу поклясться: я человек верный! — сказал мальчик со щенком в одеяле. — Я только одной девочке обещался помочь. У нее должны отобрать кролика, который очень дружит с ее кошкой. Это она там мяукала. И она даст клятву... девочка, а не кошка, я говорю...

— Хорошенькое дело! — строго прошипел Мухолапкин. — Хорошенькая это будет тайна, если все кругом переключаются и все будут знать! А кролик тоже тут?

— Я же говорю, они с кошкой друг без друга не могут.

Мухолапкин махнул рукой:

— Ладно уж. Держите вы своих зверей покрепче, чтоб больше не выскакивали и не подавали сигналов. Валяйте за мной в трубу...

Он зажег фонарик и пошел впереди, освещая дорогу. Следом за ним двинулись близнецы, потом мальчик со щенком, за ним девочка с кошкой и кроликом, а затем еще один мальчик с живым свертком подмышкой, еще две девочки, еще четыре мальчика...

Добравшись до другого конца трубы, Мухолапкин стал у выхода и начал пропускать мимо себя по одному всех заговорщиков, и у него чуть ноги не подкосились, когда они потянулись

мимо него, робкие, сконфуженные и умоляющие, но непреклонные, длинной цепочкой.

Так они длинной вереницей промаршировали оставшийся путь по пустырю и, добравшись до калитки, потихоньку постучали.

Коко отворил им калитку, к которой теперь был привинчен новенький стальной запор, пропустил всех во двор, приговаривая:

— Скорей... живей... бегом проходите, сюда!.. Ничего себе улов! Это кто? А, кошка. Сажай ее вот в эту корзину с крышкой. Собачонку — сюда! Кролика сажать к кошке? Ладно, усаживайтесь!.. У кого-нибудь еще есть белки? С белками подойдите сюда. Вот беличье отделение!.. Барсук? Этого придется подержать на веревочке... А теперь, ребята, живо бегите по домам. И не забудьте: проболтаетесь — и крышка всем вашим белкам, щенятам и кошкам! Прощайтесь, и живо!

Ребята торопливо в последний раз погладили, приласкали и успокоили своих зверей. Близнецы наклонились над корзиной с Тузиком, и девочка, сделав вид, что ей необходимо что-то важное шепнуть ему на прощание, торопливо чмокнула его в пестрый шелковистый лоб. Мальчик укоризненно ткнул ее локтем в бок и только слегка подергал Тузика за ухо на прощание, и оба они шмыгнули носами и хныкнули одновременно.

После этого все ребята кинулись врассыпную через пустырь по домам. Только Мухолапкин задержался на минутку, чтобы небрежно спросить:

— Да!.. Позабыл спросить, как там ежака мой себя чувствует? Ничего? Топает? — И, замерев от волнения, слушал ответ.

— Он, кажется, подружился с поросенком, — значительно шепнул Коко.

И Мухолапкин вприпрыжку помчался домой, смеясь от радости.

Глава 18

СТАРУШКА-ТЯЖЕЛОВЕС

Гамак, натянутый между двух деревьев, плавно покачивался над кудрявой зеленью морковки, петрушки и артишоков, а в гамаке покачивался Коко с газетой в руках. Посреди газеты он проткнул пальцем дырочку, через которую мог наблюдать за одной стороной забора, а роговые очки (оставшиеся от старой цирковой пантомы) давали ему возможность видеть все, что у него происходило за спиной: в одно из стекол было вставлено круглое зеркальце.

Сама газета его ничуть не интересовала, в ней только повторялись малоприятные обещания «очучелить» или даже «расплющить» под прессом всех, кто будет мешать всеобщей автоматизации или недостаточно восхищаться Новым Порядком.

Так, притворяясь беззаботно отдыхающим дачником, ничего не подозревающим и беспечным, Коко зорко наблюдал и ждал.

На душе у него было тяжело и тревожно. Старый друг Капитан Крокус попал в руки проклятого Почетного Ростовщика, а в трехстах метрах от того места, где качался в гамаке Коко, в заброшенной старой барже, в разных отделениях копошились, боясь подать голос, всевозможные запрещенные зверушки, мелкие и крупные. Для того чтобы выглядеть как можно более беззаботным, он принялся напевать песенку «Сладкие, сладкие грезы». Сердце его до того было переполнено горечью, что все мысли его вращались вокруг самых горьких в мире вещей. Сначала он думал о желчных каплях. Потом о хинине. Потом о полыни. Потом о горчице. Он был очень беззаботным и жизнерадостным человеком, и потому, начав думать о горчице, он вспомнил вскоре и о сосисках. Он был очень добрый, но и очень толстый человек и так любил вкусно поесть! И после сосисок он стал думать о сладком пудинге. Это был довольно большой горячий пудинг на блюде. Но ему он показался маловат, и он в мыслях представил пудинг вдвое большим и причмокнул от удовольствия. Потом добавил в него побольше изюму. Облил густым душистым шоколадным соусом, и на душе у него становилось все спокойнее и легче, и он потихоньку задремал, вдыхая аромат соуса и улыбаясь, и уронил газету так, что кончик носа высунулся в дырочку.

Вскоре за забором послышалось легкое равномерное сопение, потом осторожное царапанье,

и над забором появился шмыгающий по сторонам стеклянный глазок, укрепленный на конце эластичной, подвижной трубочки.

Убедившись, что Коко заснул, стеклянный глаз осмотрел весь двор, и мягкий трубчатый нос засопел, втягивая в себя воздух. Затем появилось целиком над забором довольно противное существо или, вернее, аппарат — Комбинос. Обычно полиция пользовалась в своей работе обыкновенными примитивными механическими носами, умевшими только вынюхивать. А Комбинос умел еще и подсматривать и записывать все, что слышал и видел.

Снаружи он был похож на кастрюлю, которую перевернули вверх дном и поставили на двух очень больших ящериц или совсем маленьких крокодилов, каждый на шести быстрых, бесшумных лапках с присосками. А спереди мягко покачивалось нюхательно-записывающее приспособление с глазком наверху. В целом он был красив, как старая кастрюля, и приятен для глаз, как помесь пиявки с крокодилом.

Комбинос, осторожно нащупывая дорогу, спустился по забору во двор. Еще мгновение, и спрятался бы, нырнув в густую траву, если бы не муравей.

Это был муравей-разведчик, посланный на поиски диких букашек, которых можно было бы, как коров, пригнать в муравейник или устроить на них охоту, как на стадо антилоп. Спускаясь с

дерева, он обнаружил привязанную к нему веревку, влез на нее, стараясь понять, что это такое и не пригодится ли это в муравейнике, пробежал, внимательно все ощупывая, по газете, вскарабкался повыше и теперь стоял в нерешимости перед громадной, пышущей жаром темной пещерой.

«Может быть, она ведет к центру земли? — подумал муравей. — Или за ней простираются теплые муравейные земли, где пасутся несметные стада тучных молочных букашек? Или там скрывается злобное племя муравьев-врагов?» И муравей осторожно начал спускаться в пещеру.

Он нырнул в пещеру, которая была ноздрей задремавшего Коко. Коко вздрогнул и чихнул. Муравья страшным взрывом вместе с потоками воздуха отбросило далеко на траву, а вспугнутый Комбинос мгновенно повернул и бросился обратно к забору и перелез через него.

С необычайной для такого большого и толстого человека легкостью Коко вывалился из гамака, не повредив ни одного артишока, подбежал к забору и, подтянувшись на руках, заглянул на ту сторону.

Оставляя след в траве, Комбинос суетливо мчался от забора на бесшумных ножках. Коко спрыгнул на землю, подобрал камень и, опершись ногой о перекладину, снова привстал над забором, прицелился и пустил изо всех сил камень вслед беглецу.

Из ста мальчишек, может быть, только один мог бы попасть в такую маленькую и увертливую цель. Но Коко много лет был жонглером, и у него была верная рука. Камень со звоном ударил Комбиноса по верхней крышке. Он мгновенно окутался облачком вонючего дыма и завертелся вокруг своей оси, шелкая в воздухе зубчатыми кусачками, точно челюстями.

После того как у него сработали оба оборонительных приспособления, он опять побежал дальше, оставив медленно расплывающееся вонючее облачко слезоточивого газа.

Коко вытер пот со лба и снова повалился в гамак, чтобы отдохнуть и поразмыслить.

«Просто покоя не дают, окаянные! Ну что ты скажешь, так и повадились один за другим!.. Первого такого я преспокойно схватил каминными щипцами для угля, отнес и утопил в реке. Второго я поймал в капкан, сунул в печку и закрыл дверцу, чтобы он там записывал, как трещат угли, да нюхал, как пахнут горящие дрова, пока весь не расплавится. И вот они уже подослали третьего. Хорошо еще, что они подсылают только сухопутных комбиносов, которые и плавать-то не умеют! А вдруг они выдумают еще каких-нибудь плавучих, которые станут обнюхивать воду да и унюхают что-нибудь на барже!

А я ни за что не могу этого допустить!

Я знаю, что безвыходных положений на свете не бывает. Но где же, в таком случае, выход? Вы-

хода нет! Убежать я не могу, потому что тогда зверушки подохнут с голоду. Остаться я тоже не могу, потому что эти комбиносы обязательно что-нибудь да пронюхают! Выхода нет! И все-таки выход где-нибудь есть, только я его не могу найти. Главное, надо сохранять полное спокойствие. Но как сохранять спокойствие, когда я ужасно волнуюсь?.. А когда человек волнуется, ему лучше всего пойти и хоть немного закусить...»

Так он и сделал: пошел в дом и стал закусывать. Но даже во время еды он все время думал и придумывал разные планы, один несбыточнее другого.

Он очень грустно, но с аппетитом жевал бутерброды, один за другим, вздыхал и качал головой, приговаривая:

— Ах, до чего же я легкомысленный человек! Мне надо как можно быстрее обдумать свое ужасное положение, а в голову мне все время приходят только разные забавные сценки для цирковых выступлений, смешные случаи да старые сказочки... Ай-ай, до чего я непростительно легкомысленный!..

В калитку робко постучали, и Коко, дожевывая последний бутерброд, пошел отворять. Дряхлая, согнутая в три погибели старушка, униженно кланяясь, робко вползла во двор, жалобно кряхтя под тяжелой ношей.

Шаркая ногами в деревянных башмаках и опираясь на палочку, она захныкала:

— Пожалей, батюшка, бедную старушку, пусти отдохнуть у тебя где-нибудь в уголочке! Совсем я из сил выбилась, — безутешно бормотала старушка, горестно качая головой и кланяясь так низко, что ее нос каждый раз чуть не цеплялся за землю.

Коко внимательно ее оглядел, сам умилился до невозможности и запричитал еще жалобней, чем сама старушка:

— Бедная ты, несчастная! Небось косточки-то у тебя все ломит, жилочки-то все тянет? А?

— Ломит, сердешный, ломит косточки все до единой! Старая стала! Пожалей бедную, дай водички испить, во дворике у тебя посидеть. Пожалей сироточку, нет у меня ни отца ни двора, ни кола ни матери!

— Просто не знаю, чем тебе и помочь, бабуся. Двора у меня тоже нет, я тут в гостях, отца-матери тоже — сам сирота. Могу предложить кол, да зачем он тебе?

— Пусти уж меня, родненький, хоть в дворике у тебя посидеть, водички попить. Пожалей старую! Только тем и живу, что собираю хворост себе на пропитание! Вот вязаночку набрала! — И старушка ткнула пальцем, показывая на большую вязанку, под тяжестью которой у нее гнулась спина.

— Вижу, вижу, — с трудом сдерживая рыдания, причитал Коко в тон старушке. — До чего же ты слабенькая, до чего дряхленькая, все равно как былиночка степная... Да водичка-то тебе, пожалуй, не по вкусу придется. Лучше научу я

тебя, как зарабатывать себе на хлеб получше, чем этим хворостом!

— Вот уж спасибо тебе, родненький! Научи, научи старую, неразумную... Научи, сынок, как заработать на хлебушек!

— А вот как, былиночка: шла бы ты, бабоня, в грузчики. Работа тебе как раз по плечу, хорошо бы заработала!

Старушка икнула от удивления, собралась с духом и залилась слезами:

— Ай, грешно смеяться над старенькими, над хиленькими да трухлявенькими!

— Бодрей смотри на жизнь, бабоня! — с неожиданной бессердечностью стал покрикивать Коко. — Ты еще старушка довольно свеженькая, бодренькая! Гляди, сколько в твоей вязаночке железного хвороста — килограммов сто двадцать, никак не меньше!

Старушка надулась, злобно посматривая на него исподлобья, и уклончиво пробормотала:

— Ну, уж ты скажешь... Сто двадцать!.. Обижаешь старого человека! Тут, может, и ста не будет!

— Ладно, ладно, я ведь отлично знаю, откуда ты явилась!

— Ничего подобного, вот и не оттуда! — гаркнула старушка и, прикусив язык, опять было захныкала: — Все потешаешься над бедной. Стыдно насмешничать... Водички бы, попить бы!..

— Какой дурак тебя надоумил нагромоздить себе на спину сто килограммов ржавых труб и гнутых железных прутьев? Чего ты мучаешься?

Старушка подумала и неуверенно промямлила, пряча глаза:

— Чего ты ко мне придираешься? Наш брат старые-престарые старушки все, как одна, любят собирать вязаночки хвороста в лесу. Даже написано так...

— Написано — в лесу. А ты, дуралей, где собирал? На свалке?

Старушка шмыгнула носом и вздохнула:

— А что, это не хворост, что ли? — Она капризно передернула плечом. — Хворост! Придираешься ты! Какой ни на есть, а хворост!

— Ну-ка, разогнись, а то скрючившись держать столько железа — спина затрещит даже у такого здоровенного мужичиши, как ты.

Старушка повернулась, вышла бодрым строевым шагом из калитки и, отойдя на несколько шагов, с грохотом свалила тяжесть на землю. Потом выпрямилась во весь рост, потирая поясницу, и, оказавшись здоровенным детиной, с надутым видом стала (вернее, стал), уставясь в землю, концом сапога со злостью поддавать мелкие кусочки шлака, которым был усыпан пустырь.

— А откуда мне знать? Я в лесу ни разу в жизни не был. Я же городской. Мне велели собрать вязанку, я и собрал. А кто его знал, что он не хворост?

— Ну, принести водички?

— Отстань ты со своей водичкой! Привязался тоже!.. — грубо буркнул неудачливый сыщик и широко зашагал прочь.

«Ну, кого теперь еще придется ждать? Уже стали живых шпигов подсылать! Вот до чего дошло! Ай-ай-ай, чем это кончится?..» — озабоченно думал Коко, глядя вслед размашисто шагавшему по пустырю сыщику.

Глава 19

СОСИСОЧНОЕ ДЕРЕВО

Возвратившись в полицейскую костюмерную, сыщику пришлось снова взяться за альбомы, где описывались всевозможные способы маскировки и изменения наружности для сыщиков, шпионов, шпигов, соглядатаев и доносчиков.

Со злостью он перелистнул страничку, где была изображена старушка в чепчике, деревянных башмаках и с вязанкой хвороста на сгорбленной спине.

— Чтоб черти взяли всех старушек, все хворосты и чепчики! Ну, да не беда, я еще перехитрю этого хитрого клоуна! Я ему покажу! Чтоб я да не сумел так загримироваться, чтобы проникнуть в любой дом неузнанным? Ха!

На следующей странице был рисунок с объяснением, как замаскироваться трубочистом.

— Ну что ж, попробуем! — сказал сыщик и в несколько минут переоделся, замазал лицо ваксой и, скрестив руки на груди, стал перед зеркалом. — Нет, это тоже слишком просто! Не лучше старушки!

Он сбросил костюм трубочиста и быстро переделался парикмахером, потом балериной, пивной бочкой, но все казалось ему недостаточно хитро, а ему хотелось придумать что-нибудь такое хитрое, чтоб никто на свете не смог его разоблачить.

Напрасно он, уже спеша и нервничая, переодевался водолазом, мусорщиком, фонарным столбом, — все было не то!

Наконец лицо его прояснилось, и он воскликнул:

— Ага, придумал! Уж в этом костюме никто меня не разоблачит!

Ему понадобилось всего несколько минут, чтобы одеться и тщательно загримироваться сыщиком. Это была дьявольская хитрость: ведь никому и в голову не могло прийти, что загримированный сыщиком человек на самом-то деле и есть сыщик!

Нисколько не опасаясь, что теперь его кто-нибудь узнает, он отправился снова на Шлаковый пустырь...

К вечеру на Шлаковом пустыре все точно оживало: какие-то тени пробирались по заброшенной трубе, перешептывались и в те мгновения, когда вспыхивал у кого-нибудь в руке фонарь, обменивались странными знаками, загибая кончик носа.

Бедный Коко, истомленный за день борьбой с разными комбинсами, так и подбиравшими-

ся к нему со всех сторон, уже перестал чему-либо удивляться и махнул рукой на все предосторожности.

Еще не успевало как следует стемнеть, как с разных сторон крадучись появлялись посетители. Долговязые подростки, малыши с плохо вытертыми носами, решительные, суровые девочки в спортивных брюках пробирались по трубе или через лопухи, прижимая к груди какого-нибудь кролика, мышонка, галчонка, белку, котенка, зяблика и чаще всего собачонку, щенка, взрослую собаку или старую, заслуженную, кроткую, все понимающую собаку, прожившую много лет в семье.

Иногда это просто был маленький мальчик с сосиской, зажатой в руке. Он совал ее в руки Коко, неумело сделав знак кончиком носа, и, страшно довольный собой, бежал назад.

Все дети, сдавшие своих зверей на спасательный пункт Коко, каждый вечер приносили для них еду.

Не удивительно, что какой-нибудь мальчик таскал котлеты или пирожки своей собаке. Гораздо удивительнее, что многие, у кого на барже не было даже своего кузнечика, тоже стали набивать карманы бутербродами, кусками пирога и котлетами, которые в другое время с удовольствием съели бы сами.

Сотни карманов штанов мальчиков и фартуков девочек в эти дни украсились странными

жирными пятнами — механические воспитатели это отмечали и делали вывод: знак неряшливости! А на самом деле это был знак смелости, протеста и верности.

Самые доверенные ребята — Малыш, Ломтик и Мухолапкин с близнецами — помогали теперь принимать новых зверей и сортировали съестные припасы, иначе Коко было бы просто не справиться.

К счастью, маленький курчавый мальчик в этот вечер привел через пустырь маленького ослика и, обливая его морду слезами, стал умолять отвести его туда, «где не трогают зверей». Этот ослик очень пригодился.

На нем Коко отвез корзинки с едой на баржу, а потом и два ящика — один кошачий, другой собачий, а третий сборный — со всяким мелким зверьем.

Потом он роздал корм, успокоил жителей баржи, всячески уговаривая их не визжать, не лаять и не мяукать громко, чтоб не привлечь к себе внимания.

Персик долго восторженно облизывал своего хозяина и, охмелев от радости встречи, даже откусил на память кусочек язычка от его ботинка.

Только Нерон, вопросительно поглядев на клоуна, снова уронил тяжелую голову на лапы и опять уставился на отверстие люка, откуда он ждал появления Капитана Крокуса. Он твердо решил или увидеть, как Капитан появляется в

этом люке, или умереть, не сдвинувшись с места и не переставая ждать.

Вконец расстроенный и усталый после тяжелого трудового дня, Коко поздно вечером возвращался, украдкой пробираясь от берега к дому. И все время мучительно искал и не мог найти выхода из положения, становившегося все более безвыходным. Больше всего его огорчало, что ни одного серьезного, глубокомысленного, хитроумного плана не складывалось у него в голове! Зато там так и теснились разные забавные цирковые сценки вроде пантомимы о хитром парикмахере, намылившем тротуар перед домом своего врага...

У самого дома заметил он притаившегося в тени человека, одетого сыщиком. Коко просто-душно подумал, что это самый обыкновенный сыщик, не подозревая, что на самом деле это необыкновенно хитрый, даже самого себя перехитривший сыщик!

Скрываться было бесполезно. Коко зажег у себя в комнате свет и даже отдернул занавеску, чтоб со двора лучше было видно все, что происходит в доме.

Сыщик перемахнул через забор, спрятался между грядок и, не пропуская ни одного движения, начал наблюдать.

Немного погодя Коко зажег фонарь и с корзиночкой в одной руке и садовыми ножницами в другой вышел во двор, с большим чувством мечтательно напевая песенку:

Луна сияет. Спят сады!
Лягушки скачут у воды.
Коко награда за труды —
Сосисок спелые плоды.

...На следующее утро два полицейских врача в белоснежных халатах ввели сыщика в кабинет Шефа полиции. Сыщик самоуверенно усмехнулся.

— Ну как? Проверили? — спросил Шеф.

Оба врача кивнули:

— Проверен. Полностью нормален. Физически здоров, умственных способностей нет. Упражнение по надеванию наручников выполняет на «отлично». Письменное упражнение по составлению доносов тоже на «отлично». К работе годен.

— Хорошо, — сказал Шеф и обратился к сыщику: — Теперь повторите все, что вы мне рассказали.

— Слушаю! — бодро начал рапортовать сыщик. — Порученный моему наблюдению так называемый клоун Коко вышел в сад с корзинкой и ножницами в руках, напевая песенку «Уже поблекли, отцвели сосисок нежные цветы», и приступил к сбору плодов с сосисочного дерева.

— Стойте! — рявкнул Шеф. — Вы отдаете себе отчет, что такое «сосисочное дерево»?

— Никак нет. Себе я никогда не отдаю отчета — только вам как своему непосредственному начальнику я обязан отдавать отчет.

— Вы видали? Вы слышали когда-нибудь про сосисочное дерево?

— Никогда.

— Откуда же вы взяли его?

— Очень просто. На моих глазах упомянутый клоун Коко ножницами срезал выросшие на дереве сосиски, выбирая которые поспелее. Стебельки сосисок он срезал ножницами, а самые сосиски складывал в корзиночку. При этом он приговаривал: «Ага, поспела!.. Ну, а ты еще зелената... Ну, не беда, дойдешь на подоконнике!» Собрав урожай сосисок, он вернулся в дом и стал закусывать собранными плодами таким способом: он отрезал ломтик от своей галоши, на него накладывал сосиску, а кусочек шляпы клал сверху. Шляпу он не резал, а просто отрывал кусочками. Все это я точно зафиксировал.

— И вы видели, как он съел свою галошу?

— Никак нет, он ее не доел; наверно, хотел кусочек приберечь на завтрак. Потом он закурил сигару, и когда она хорошо разгорелась, он ее тоже съел и потерял себе живот. После этого он стал зевать, сказал, что пора спать, открыл дверцу шкафа, повесил себя за петельку пиджака рядом с халатом и захлопнул дверцу. Я хотел продолжать наблюдение, но тут гляжу — кто-то так преспокойно облакачивается мне на плечо. Оказывается, не кто иной, как сам клоун Коко. Стоит себе и наблюдает в окошко с таким интересом, как это он там, в комнате, сам закрывается в шкаф. После этого я при-

нял решение поскорей явиться обо всем доложить. А после доклада вы меня отправили к врачам на освидетельствование, а теперь я вам снова...

— Хватит! — рявкнул Шеф. — Последнее: как вы объясняете то обстоятельство, что этот клоун подглядывал в окошко в то самое время, когда он сам себя вешал за шиворот в платяной шкаф рядом с халатом?

Сыщик стал думать. Он побагровел от усилия. Наконец он просиял и четко отбарабанил:

— Я так объясняю — скорей всего, очень уж ему было любопытно поглядеть!

— Тьфу! — плюнул Шеф и сделал знак сыщику убираться.

Глава 20

ЛЬВИНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Когда к нему втолкнули трех разозленных львов, Капитан Крокус в львиной одежде сидел, забившись в самый угол своей клетки, и напряженно ждал, пока не задвинется дверь склада и все уйдут.

И вот железная дверь, прокатившись по роликам, захлопнулась, щелкнув замком, и Капитан Крокус поспешил встать во весь рост.

— Отойдите, пустите меня вперед, — глухо проворчал старый лев с густой длинной гривой. — Тут чужак! Я ему задам!

Обыкновенный неопытный человек никогда бы и не догадался, что лев так много сумел сказать своим коротким ворчанием. Но Капитан Крокус знал, что львиный язык намного короче человеческого. Один и тот же звук, только произнесенный по-разному, разным тоном, может иметь ровно тридцать три разных значения, начиная от «я тебя в клочья разорву» и до «я на тебя наброшусь, чтоб вместе поиграть». Отлично понимавший по-львиному Крокус, едва только старый лев кинулся на него, спокойно сел на пол и дружелюбно сказал (говорил он все-таки с трудом):

— Друг... Друг!.. Не хочу драться... Поделюсь пищей!

Старый лев остановился, заморгал и, склонив голову набок, внимательно стал его разглядывать. Раза два он с недоумением понюхал шкуру Капитана.

Дело в том, что люди могли принимать за льва Капитана, застегнутого «молнией» в львиную шкуру, но лев сразу же учуял неладное.

Капитан поспешил добавить:

— Я не лев. Я человек-друг. Друг! Я поделюсь пищей.

Он медленно расстегнул «молнию» и наполовину вылез из своей шкуры. Пока старый лев подозрительно обнюхивал голову шкуры, Капитан задумчиво ее поглаживал.

— Если ты человек, почему ты попал в западню для львов? — подозрительно пробурчал старый лев.

— Эти люди — мне враги. Львы — друзья!

— Люди нам враги. А ты не совсем человек. Может быть, ты немножко лев?

— Ты прав, пожалуй, я немножко лев.

Молодая львица одним прыжком подскочила к Крокусу и рыкнула:

— Сейчас я тебя ударю лапой наповал!

Капитан Крокус улыбнулся: у львицы были веселые, шаловливые глаза и в голосе слышалось лукавство, а не ярость. Он тихонько дунул ей в ноздри, и она затрясла головой и, ласкаясь, подтолкнула его лапой так, что он едва не свалился.

Старый лев сердито буркнул:

— Не балуйся, не время баловаться! Мы в западне, тут пахнет кровью и убийством. Уррэаха! Люди все время прячутся от нас за прутьями решетки, их никогда не достать. И только они сами умеют делать проход между прутьев!

— Я умею делать проход! — сказал Крокус. — Но если мы выйдем из клетки, то попадем в другую ловушку — вот среди этих стен. А из нее нет выхода.

— Все равно, сделай проход, большая ловушка лучше! — промурлыкала молоденькая львица. — Хочу, хочу поскорей! Бегать!

— Надо сделать проход в стенах, — сказал Крокус. — Тогда можно бежать!

Старый лев, подталкивая носом подбородок Крокуса, обнюхал его шею и голову со всех сторон, тихонько ворча:

— Все люди нас только ловили, и запирали, и кололи острыми палками. Почему ты хочешь открыть нам проход? Ты, наверное, почти совсем не человек? Ты почти лев, да?

— Львиный человек! — мурлыкнула молоденькая львица и дружелюбно толкнула его плечом.

В этот момент взволнованный и пронзительный голос протяжно запел:

— Льви-и-иный человек! Львиииный! Миауу! Миеуу!.. — и невнятно, торопливо промяукал: — Упустить!.. Упустить всех! Всех!.. Фрр-р!..

Это протяжно пропел и оборвал, расфыркавшись от волнения, большой дымчатый кот с горящими глазами. По-львиному произношение у него было отвратительное, вроде лепета детеныша. Но львы все-таки поняли.

Тотчас все кошки замяукали, застонали, завывали, заскребли от нетерпения когтями пол своих клеток. Они на все голоса молили:

— На крышу... Пустите нас только на крышу!!! Мя-а-а!..

Тут лохматый и рваный, одноглазый и одноухий бездомный пес, который так долго жил среди бездомных кошек, так много с ними дрался, что и объясняться по-ихнему научился отличным образом, разобрал, о чем орут кошки, и загалдел густым торопливым лаем:

— Львиный человек всех выпустит! Всех! Всех! Всех! Живо, живо!

Ручной енот, ни звука не понимавший по-львиному, тотчас понял все, что по-собачьи пролаял рваный одноухий пес. Он торопливо залепетал по-своему. Два барсука, услышав его голос, шумно задышали и начали переговариваться. Все это услышали кролики, подхватил попугай, заухала сова, зачирикали все птицы, большие и маленькие, белки возбужденно застрекотали и защелкали, собаки подвывали, захохотал филин, и в общем гаме совсем потонул голос синички, которая, плохо разобрав, в чем дело, уже кричала своим птенцам: «И-ду! И-ду!»

Капитан Крокус крикнул на ухо старому льву, и тот оглушительно рявкнул. Все звери сразу замолчали, а некоторые даже на спину попадали от этого грозного рыка. Тогда старый лев сказал дымчатому коту:

— Всем молчать! Львиный человек будет искать выход для всех!

Дымчатый кот угодливо перемяукал все это одноухой собаке, та отрывисто перелаяла еноту, и так все передавали от одного к другому, пока не поняли все. Все припали к сеткам и решеткам, за которыми были заперты, и стали следить за каждым движением Капитана Крокуса.

Капитан окончательно сбросил шкуру и внимательно стал ощупывать запор клетки. Он даже улыбнулся, найдя секрет замка. Уж он-то знал все клеточные замки на свете.

Замок щелкнул, и Крокус вышел из клетки и прикрыл снова дверцу.

Старый лев крякнул одобрительно, но не двинулся с места.

Внимательно осматриваясь по сторонам, Капитан пошел вдоль длинного ряда клеток и зарешеченных ящиков — к выходу.

Все кошки и собаки, теснясь и толкаясь, припали носами к сеткам, во все глаза следя за Крокусом. Обезьяний дедушка, подхватив детеныша, в волнении бегал вдоль решетки, высматривая, не открывается ли уже где-нибудь проход.

Ежи тяжело сопели, просовывая черные мордочки в ячейки сетки, целая толпа разных собак, большущих собачищ и маленьких собачонок, поваливая хвостами, умоляюще чуть слышно умильно стонали от нетерпения, не смея громко лаять. Кошки мяукали шепотом, напирая на решетку, а старый обезьяний дедушка сдавленно гукнул и протянул вперед своего обезьяненка, показывая, что именно его надо раньше всех отсюда унести.

А енот вскочил на дыбы, уцепившись передними лапками за сетку, и долго смотрел ему вслед своими обведенными кругами глазками, необыкновенно похожий на зашитого в меховую шкурку смертельно встревоженного крошечного человечка в больших роговых очках.

Железная дверь на роликах по краям была глубоко вдвинута в стену. Изнутри на ней не было ни одной щелки: просто толстая гладкая железная стена, автоматически раздвигающаяся механизмом с кнопкой или рычагом снаружи.

Капитан осмотрел и ощупал каждый сантиметр двери, хотя уже понял — здесь, как в каждой тюрьме, запоров изнутри не может быть.

Он слышал позади себя тяжелое дыхание и знал, что, обернувшись, увидит сотни устремленных на него с надеждой глаз. Поэтому он не оборачивался, а делал вид, что пробует что-то, на что-то надеется, уже прекрасно отдавая себе отчет, что открыть эту дверь своими силами так же легко, как вскрыть несгораемый сейф ножом для открывания консервов.

Что же делать? Открыть клетки? Выпустить львов и ждать, пока за ними не придут?..

Минута за минутой уходили, складывались в часы, и каждая минута казалась бедному Капитану длиной в час, а каждый час — как самые длинные и самые противные сутки в жизни...

Глава 21

ЛАБИРИНТ БЕЗ ВЫХОДА

Уже некоторое время, прислушиваясь, Капитан слышал какое-то царапанье за дверью. «Наверное, еще какой-нибудь несчастный зверек, застрявший в промежуточном помещении», — подумал Капитан.

Зверек поцарапался, потом довольно сильно ударил лапой в дверь... нет, скорее даже копытцем — удар был довольно звонкий.

Потом слышалось какое-то хныканье, похожее на плач. Терять Капитану было нечего, и он решился спросить:

— Кто там?

— А тебе какое дело, дрянь! — яростно отозвался тонкий голосок из-за двери. — Вот открой дверь, тогда узнаешь! Открой!

— А что ты тогда сделаешь? — осторожно осведомился Капитан.

— Как дам тебе в нос, так будешь знать! Открывай, трус паршивый! Чего ты трусишь, я ведь маленький! — Голосок был тоненький, но прямо-таки дрожал от ненависти.

— Не очень-то я тебе поверил! — как можно равнодушнее заметил Капитан, хотя сердце у него быстро забилося. — Если бы захотел, ты бы сам открыл дверь да и вошел! Запор-то с твоей стороны!

— Врешь, трус несчастный! Нет у меня тут никакого запора! — И дверь опять лягнули ногой.

— погоди, не бесись одну минутку!

Мальчик опять лягнул, и Крокус умоляюще повторил:

— Удержись, не бесись одну секунду. Ну?.. Погляди, там, кажется, справа, а может быть, слева должна быть кнопка!

— Врешь, лгун несчастный! — завопил мальчик. — Никакой кнопки тут нет, тут просто... какая-то штучка торчит из стены.

— Рычажок?

— Ну, может, рычажок.

— Нажми его! Нажми скорей!

— А вот не стану! — злорадно проговорил голос мальчика. — Раз ты просишь, я и не стану!

Капитан от досады стукнул себя кулаком по голове. Неужели он все испортил? Стиснув зубы, с громадным усилием улыбнулся и зевнул:

— Ну, как хочешь... Конечно, если ты побаиваешься...

За дверью раздался визг бешенства, топот, и вдруг железная стена ворот раскололась надвое и с легким шумом разъехалась на две стороны. На пороге оказался взъерошенный мальчик. Он стоял, широко расставив ноги, крепко сжав кулаки, прищурив заплаканные, красные и припухшие, но злобные глаза.

— А-а-а! — завопил мальчик. — Вот ты где! Это ты все наделал! Ну, погоди! — Он пригнулся, кинулся вперед, с разгона стукнул Капитана головой в живот и принялся с удивительной быстротой и энергией без остановки молотить его кулаками.

После отчаянного сопротивления Капитану с большим трудом удалось схватить драчуна в обнимку, оторвать от земли и крепко прижать к себе. Но и в таком стесненном положении мальчик продолжал дрыгать руками и ногами, как заводной чертенок.

— Да перестань ты дрыгаться! Не бесись, выслушай меня! — терпеливо и настойчиво повто-

рял Капитан, в то время как мальчик, вцепившись ему в волосы, дергал их во все стороны, одновременно отчаянно пытаясь как-нибудь брыкнуть Капитана ногой.

— Пусти!

— Хорошо, я тебя отпущу, если ты обещаешь...

— Обещаю залепить в нос!

— Ну, так я не буду торопиться. Может быть, у тебя кончится завод.

Наконец брыканье стало ослабевать, и вцепившиеся в Капитана Крокуса руки стали совсем вяло подергивать его волосы.

— Пу... сти...

— Ну, а теперь, когда, я тебя отпущу, ты...

— ...в нос... — прохрипел мальчик.

Он еле дышал от усталости. Капитан осторожно поставил его на пол и отпустил руки. Мальчик пошатнулся, протер себе один глаз, залитый слезами злости и потом, с трудом разглядев стоявшего перед ним Капитана, вялым движением отвел назад руку и... стукнул Капитана прямо в нос!

К счастью, драчун так ослабел, что удар получился не очень сильный.

Потирая нос, Капитан примирительно сказал:

— Ну вот, она сбылась наконец, твоя мечта. Можем мы с тобой поговорить спокойно? Как ты сюда вошел? Зачем? И не приглядывайся больше к моему носу, хватит!

Мальчик с трудом отвел глаза от его носа и минуту тяжело дышал, не в силах разговаривать.

Он совсем было утих, но вдруг подскочил как ужаленный, принял боксерскую стойку и крикнул:

— А ты кто такой? Ты чучельщик? Говори! — Он уже шагнул вперед, чтоб снова кинуться в сражение, но что-то его остановило.

— Да ты погляди кругом, сумасшедший! Не видишь, куда ты попал?

Мальчик удивленно оглядел длинные ряды клеток с притаившимися зверями и вдруг, что-то вспомнив, безнадежно махнул рукой, шлепнулся на пол и заревел, закрыв лицо руками.

Он плакал так самозабвенно и безутешно, что даже не заметил, что его недавний противник стоит, наклонившись над ним, поглаживает по голове и ласково приговаривает что-то успокоительное. Мальчик каким-то образом уже полностью убедился, что Капитан вовсе не принадлежит к тем, кому он так жаждал дать в нос.

Капитан достал носовой платок и стал вытирать мальчику глаза. Сначала тот сердито толкался и отворачивался, но вскоре Капитан почувствовал на своей руке, в которой был зажат мокрый комочек носового платка, маленькую шершавую руку. Немного погодя мальчик оттолкнул руку с платком, вскинул голову и, глядя прямо в глаза Крокусу, собравшись с силами, заговорил. У него даже заскрипело что-то внутри от натуги, так трудно ему было заговорить:

— Они его набили, жабы противные!.. Ненавижу!.. Набили моего Уголька, вот что они сделали!

— Это собака?

— Что значит — собака! — ожесточенно вскинулся мальчик. — Это мой Уголек, и вот что они с ним сделали! Я его прятал в стиральной машине, когда за ним приходили. Один раз он просидел три часа в холодильнике и молчал, потому что он все понимал. Но они его выследили без меня, схватили и увезли, когда я хотел с ним убежать куда-нибудь из города совсем! И я бросился за ними, под фургоном проехал сюда и пробрался, чтоб его спасти, и вот я его нашел... А теперь мне все равно, я никому не верю, и тебе тоже, и я всех ненавижу и ничего не боюсь, и я... Эх, хоть бы дать кому-нибудь в нос за это!

Капитан понимающе кивал, слушая его рассказ. Чучело угольно-черной собаки с грустным выражением пожилой морды лежало на боку сразу за раздвижной дверью.

— Видно, что славная была собачка, — сочувственно заметил Капитан.

— Что ты понимаешь! — опять взвился мальчик. — Он был щенком, когда я родился, но потом он рос быстрее меня и стал уже пожилой. Он всегда тосковал, когда мы уходили из дому, и так радовался, когда мы возвращались благополучно. А когда я был один раз очень болен, он ничего не пил и не ел и лежал у моей двери много дней, и я знаю, он собственной лапы не пожалел, чтоб меня вылечить. Даже когда я просто купался, он бросался в воду и старался меня вы-

тащить на берег! И теперь он был уже почти старый, и он так привык, чтоб с ним обращались с уважением... Ну, хоть бы уж его просто убили. А его сначала напугали, очень обидели, швырнули в фургон, привезли сюда, и он ждал и надеялся, что я ему помогу!.. Теперь всех буду ненавидеть всю жизнь! Не желаю разговаривать! И ни на одну собаку больше не посмотрю!

Капитан едва успел схватить его за плечо — так стремительно он кинулся к выходу.

— Отстань! Ненавижу! И тебя ненавижу! — вырываясь, кричал неумный мальчишка.

— Нельзя ненавидеть всех! — не отпуская его, твердо сказал Капитан. — Если ты ненавидишь тех, кто сделал чучело из твоего Уголька, ты не можешь ненавидеть тех, из кого тоже хотят сделать чучела.

— На всех мне теперь наплевать! Уголька мне никто не вернет!

— Нет, стой, сперва посмотри в глаза всем этим зверям, кошкам, собакам, белкам, еноту. Ты не хочешь им помочь?

— Я сюда пришел за Угольком, а теперь...

— Ты думаешь, что ты его очень любил? Чушь! Можешь уходить! Если бы ты любил его по-настоящему, ты не бормотал бы всякой чепухи. Ты бы просто стал защищать всех других попавших в беду. Всех обиженных — за одного обиженного. А тебе бы только по носам щелкать. Безмозглый, бездушный щелкун! Уходи!.. Брр!.. С каким

отвращением твой Уголек сейчас отвернулся бы от тебя! Лапы бы тебе не подал!

— Врешь, подал бы!.. — топнул ногой мальчик.

— Ни за что! — презрительно отчеканил Капитан и отвернулся, прислушиваясь к натужному сопению у себя за спиной.

Немного погодя он почувствовал, что его потихоньку толкают пальцем в поясницу и дергают за штаны.

— Ну, а как их спасти-то? — сварливо пробурчал вполголоса мальчик. — Ты дело говори, а нечего там рассуждать... Ой, да тут и обезьяенок! Я таких маленьких не видел! А этот как называется, в очках, на меня уставился? И всех их сюда притащили на чучела! У-у, гады! Говори скорей, чего делать. Я отчаянный человек теперь!

— Ты выход знаешь?

— Я уже и сам запутался. Да все равно четыре железных дурака сторожат выход и один живой. Они никого не выпустят.

Стараясь ступать как можно более неслышно, они пошли по длинному, без единого окна полукруглому бетонному коридору. В полутьме поблескивали вделанные в пол рельсы для вагонеток, на которых доставлялось сырье на конвейер Чучельномеханического комбината. В тишине глухо ворчали вентиляторы. Что-то зловеще шипело у них под ногами. Включались с мягким шорохом и начинали жужжать какие-то

механизмы. Тонкие трубы тянулись вдоль стен, то убегая к самому потолку, то, ныряя, и исчезали в полу.

На развилке беззаконного коридора рельсы ушли влево. Нерешительно переглянувшись, они двинулись вправо по тому ответвлению, где не было рельсов. Несколько глазков, вделанных в стену на разной высоте, чуть поблескивали. На всякий случай они проползли так, чтоб не попасть в поле зрения их лучей.

Наконец они добрались до чего-то очень похожего на обыкновенную лестницу черного хода. Здесь было полутемно, грязно, на площадке валялись полуразломанные ящики — видно было, что сюда давно не ступала нога человека. А если и ступала, то не для того, чтобы хоть немножко прибрать и подмести.

Перелезая через ящики, они поднялись наверх, вышли в новый полукруглый коридор и увидели первое и единственное окно, проделанное на высоте четвертого этажа. Внизу виднелся со всех сторон замкнутый высокой каменной стеной двор, гладкий, как бетонный стол, без единой травинки или трещинки.

Все было мертво, голо и освещено, как днем, только за стеклом что-то неровно шелестело и шуршало: там шел обыкновенный, живой дождь и водяные капли, прилетевшие с темного ночного неба, начинали светиться, попадая в свет ярких фонарей.

С каким-то облегчением мальчик и Капитан постояли у окна страшного комбината, радуясь, что есть еще на свете дождь.

Не успели они отвернуться от окна, как что-то ярко сверкнуло в полутьме, промчавшись сверху вниз. Это была маленькая кабина узкого, как снаряд, лифта. Рядом с шахтой лифта вилась винтовая лестница. Капитан ощупал свой громадный пистолет и бесшумно двинулся по лестнице вниз, туда, куда умчался лифт.

Нижнее помещение было ярко освещено, и они остановились, прижимаясь к стене и не решаясь перешагнуть порог света.

Глава 22

ВЫХОД ИЗ ЛАБИРИНТА

Капитан отлично понимал опасность заблудиться в бесконечных коридорах и переходах Чучельномеханического комбината.

Он даже подозревал, что они уже слегка заблудились. Приближалось утро, и Капитан чувствовал, что те самые длинные, медлительные минуты, которые еле ползли, пока он мучился без дела в ожидании у задвинутых железных дверей, теперь стали какими-то коротышками и помчались вскачь.

Капитан с отчаянием чувствовал, что надежда на спасение несчастных зверей тает в нем, как ледяная сосулька на горячей сковородке.

Рядом, в ярко освещенном помещении, слышалось какое-то пошаркивание, невнятное бормотание и причмокивание. Вдруг явственно донесся смешок. Неприятный смешок. Так может хихикать от удовольствия человек, увидев, что другой шлепнулся в грязную лужу. Ничего более приятного такой смешок не мог выражать.

Капитан Крокус осторожно заглянул за угол.

Громадный ярко освещенный зал с широкими полками по стенам был весь заставлен длинными рядами чучел. А вдоль этих рядов шаркая, неторопливо подвигался господин Почетный Ростовщик с записной книжечкой. Он пересчитывал чучела, отмечал что-то острым карандашиком и, пытливо вглядываясь, двигался дальше. Сделав очередную заметку, он сочно причмокивал, точно во рту у него расплывался большой кусок халвы, и приговаривал:

— Сто белочек и еще одна белочка!.. Ах ты проказница! Навострила ушки? А поздно! Попалась!.. Маловато сегодня белочек... А вот кошечки нынче удались!.. Двести восемьдесят шесть кошечек. Урожай на кошечек! Мяу-мяу?... А вот и собачки, смирные скотинки, не лают, не кусают... Ну, что смотришь, будто укусить хочешь? Не укусишь, дрянь! — И, скривив рот, он два раза стукнул по носу чучело большой широкогрудой пастушьей овчарки.

Почетный Ростовщик подходил все ближе к двери, так что разговаривать даже шепотом было опасно. И Капитан принял мгновенно един-

ственно правильное решение: объясняться при помощи знаков!

Он изобразил двумя пальцами ножки бегущего человека, чтобы узнать, проходил ли раньше мальчик по этому помещению. Затем он высоко вопросительно поднял брови и ткнул пальцем в сторону входа в зал, чтобы уточнить, о чем идет речь. И наконец, нахмурясь, покрутил пальцем вокруг лба, призывая мальчика хорошенько подумать и все припомнить.

Мальчик понятиливо кивнул. Он был уверен, что совершенно точно понял все знаки Капитана. Первое: «Не боишься идти дальше?», второе: «Тогда иди туда», третье: «Веди себя храбро, как индеец, голова которого украшена боевым убором из орлиных перьев».

Он презрительно усмехнулся и, прежде чем Крокус успел его остановить, смело бросился вперед с твердым намерением не посрамить предполагаемого индейского головного убора.

Капитан Крокус схватился за голову, но было уже поздно.

Услышав за спиной быстрые шаги, Почетный Ростовщик обернулся как ужаленный. Мальчик подбежал и, слегка подпрыгнув, с необыкновенной быстротой стукнул господина Почетного Ростовщика в нос.

— Не укусит?... Вот тебе! — И снова: бац!

Но в третий раз ему уже ударить не удалось. Почетный Ростовщик проворно нырнул под пол-

ку с чучелами и там, согнувшись в три погибели, очень ловко начал отбрыкиваться ногами, так что к нему никак нельзя было подступиться. При этом он выхватил из кармана маленький аппаратик, величиной с обыкновенную зажигалку прошлого века, нажал кнопку и быстро проговорил прямо в нее что-то полушепотом.

Капитан Крокус с пистолетом наготове бросился на помощь мальчику, скрываться было уже бесполезно! Но в то же мгновение что-то с силой толкнуло его в бок так, что он отлетел обратно к лестнице. Мимо него со свистом пронеслись два безголовых железных муравья.

Почетный Ростовщик пискнул в свою «зажигалку»: «Взять сырьевого мальчика!» — И в ту же секунду безголовые муравьи своими восемью парами рук сцапали, окольцевали, спеленали и сжали мальчика так, что тот не мог шевельнуться.

Тогда Почетный Ростовщик выбрался из-под полки. Очень спокойно он негромко скомандовал:

— Свет! Малую потрошильно-набивочную машину 24-ВЖ включить!

Тотчас весь комбинат осветился мертвенным зеленым светом без теней, и где-то вдалеке зарокотали ожившие моторы, сотрясая стены комбината легкой дрожью.

Почетный Ростовщик, поеживаясь от удовольствия, подошел поближе и пощелкал мальчика по носу точно так, как недавно щелкал потрошеную овчарку.

— Забрался маленький хитренький преступничек? А? Ах, до чего хорошенькое сердитенькое чучело из тебя приготовят! Обещаю, что мы тебя поставим вот на эту полочку. Среди собачек и котяточек!

Он, кряхтя, нагнулся и откинул крышку люка. За ней открылось черное отверстие горизонтальной трубы, по дну которой с легким шуршанием мчалась бесконечная лента подачи на конвейер.

— Мальчика отправить на... — смакуя каждое слово, командовал Ростовщик.

И безголовые, легко подхватив спеленатого мальчика, подскочили к открытому люку, ожидая конца команды. Но господин Почетный Ростовщик, вместо того чтобы командовать «на конвейер», неожиданно сказал: «Ик! ...уп!... эп!... ип!...» — каждый раз громко икая, и безголовые, только бессмысленно дергаясь от готовности все выполнить, прислушивались к этой странной команде, которую никак не могли понять.

Может быть, в первый раз за всю жизнь оба непоседливых бегающих егозливых глаза господина Почетного Ростовщика сошлись, остановились, застыли и уперлись в одну точку, круглую и очень черную, точно это было крошечное окошечко, через которое видна очень далекая дорога. В двадцати пяти сантиметрах от носа господина Почетного Ростовщика зияло отверстие ствола громадного пистолета Капитана Крокуса, нацеленного ему в лоб.

— Сию же минуту отпустите мальчика. Я считаю до трех. Раз... два...

— Не выношу нечетных чисел! Остановитесь на двойке! — завизжал Ростовщик. — Мы отлично договоримся по-хорошему!.. Э-э, да ведь это Капитан Крокус, мы же с вами такие старые приятели!

— Не пробуйте что-нибудь шепнуть в вашу окаянную зажигалку, — холодно сказал Крокус. — Это будет команда «три».

Ростовщик, скрипнув зубами, быстро опустил подбиравшуюся потихоньку ко рту руку, в которой была зажата «зажигалка».

— Но без моей, как вы называете, зажигалки я даже не могу командовать им отпустить мальчика. Они работают только от нее!

— Хорошо, — сказал Крокус. — Но если вы попробуете сказать одно лишнее слово, оно будет последним. Я не промахиваюсь.

— Вы, Капитан? Такой благородный? Никогда не поверю, что вы способны стрелять в человека. В безобидного старичка. Вы же добренький! За всю жизнь вы ни в одного льва не выстрелили! Вы не сможете. Нет!

— Да, — сознался Крокус, — мне это будет очень противно и трудно. Мне потребуется сделать большое усилие над собой, чтоб пристрелить даже вас. Но даю вам честное слово, я это усилие сделаю!

— Вот как? — с сомнением пробормотал Почетный Ростовщик, и глаза его опять забежали во

все стороны, как две охотничьи собаки, выпущенные в разные стороны в поисках какой-нибудь мелкой дичи в кустах. — Так зачем же нам ссориться? Я прикажу его отпустить.

— Говорите по словам, медленно!

Почетный Ростовщик поднес «зажигалку» ко рту, заскрипел зубами и, не спуская глаз с дула, проговорил:

— От-пус-ти-те сырье-вого маль-чи-ка...

Крокус чуть-чуть покосился и увидел, что восьмирукие клещи разжались и мальчик, вскочив на ноги, лягнул ногой одного из безголовых и плюнул другому в то место, где у того могла бы быть морда.

Господин Почетный Ростовщик, уловив этот момент, отскочил в сторону и торжествующе завопил:

— Тревога!.. Тревога!.. Бери сырье!

Капитан Крокус не успел выстрелить, потому что железные клещи налетевших на него железных муравьев уже схватили его и стиснули восьмью обручами. Пистолет, упав на пол, выпалил, как небольшая пушка; господин Почетный Ростовщик завизжал от страха, когда толстая пуля, рикошетом описав несколько зигзагов и отскочив в последний раз, прожужжала в сантиметре от его носа. Вдруг он почувствовал резкую боль в руке и выронил на пол «зажигалку».

А мальчик, укусивший его за руку, схватил ее и крикнул:

— Отпустить сырье!

Капитан почувствовал, что клешни раскрылись. Он бросился на помощь мальчику, которого уже схватил Ростовщик и теперь выворачивал ему руку, чтоб отнять машинку.

Машинка покатила по полу, Ростовщик упал на нее плашмя всем телом, успев крикнуть:

— Взять мальчишку!.. Тревога!

Но тут Капитан хватил Почетного Ростовщика особым «львиным» ударом так, что тот выпучил глаза и сел на пол. Капитан подхватил «зажигалку», скомандовал:

— Отпустить мальчика!

Но едва клешни разжались, как Ростовщик, вцепившись в руку Капитана, крикнул:

— Взять его!

Теперь все трое катались по полу и кричали в «зажигалку», а обалдевшие укладчики хватали то одного, то другого и тут же отпускали, пока задыхающийся Почетный Ростовщик не крикнул:

— Сырье на конвейер!

Капитан в эту минуту вырвал наконец и крепко сжал машинку в кулаке. А того, у кого в руках была машинка, муравьи не трогали. Он услышал, как завизжал господин Почетный Ростовщик, и увидел, как безголовые впихнули его в открытый люк и захлопнули крышку. В воздухе повис удаляющийся, такой отчаянный, точно он летел на санках с крутой горки, визг умчавшегося по конвейеру Ростовщика.

— Отпустить! — еле мог пробормотать ошеломленный Капитан, когда безголовые снова сцапали мальчика.

Машинка в его руке непрерывно квакала, спрашивая:

«Какая тревога? Какая тревога?..»

Капитан прислушался: по всему зданию неслись тревожные звонки, гремели отодвигаемые двери.

«Какая тревога? Какая тревога?..»

— Внимание! — крикнул Капитан. — Пожарная тревога! Пожарная тревога!

Машинка удовлетворенно квакнула: «Ага!», щелкнула и замолчала. Тотчас звонки смолкли и глухо загудели по всем помещениям пожарные сирены.

Мальчик вдруг закричал, указывая на пустое место на полке среди длинных рядов чучел:

— Вот здесь он стоял! Тут я его нашел, моего Уголька! А потом я его взял с собой и пошел вон в ту сторону.

— Бежим! — крикнул Капитан, хватая его за руку.

— Ага! — квакнули оба безголовых муравья и побежали за ними следом, переваливаясь, как утята за старой уткой.

— Стойте, болваны!.. Вы вот чего... Хватайте друг друга! Так! Крепче! И не пускайте!

Укладчики налетели друг на друга, обхватили своими клешнями и так застыли.

Капитан с мальчиком бежали, схватившись за руки. Навстречу им мчались, кудахтая и пересвистываясь индюшиными голосами, автопожарные

с огнетушителями и автотермометрами, выискивая место пожара. Мимо Капитана они промчались, даже не взглянув в его сторону.

Все двери распахивались по пожарной тревоге, пожарные и автосторожа носились по этажам и свистели тревожно и недоуменно, нигде не находя огня.

Где-то вдали сквозь отворившиеся ворота был виден выход во двор, где косой дождь заливал фонари и хлестал о каменную стену ограды.

А вот наконец и длинный склад, где томится несчастное живое сырье комбината. С самого порога Капитан крикнул старому льву:

— Проход открыт!

Молоденькая львица подпрыгнула от восторга, почти перевернувшись в воздухе. Старый лев рывкнул, но его не испугались даже кролики. Даже маленький енот в очках теперь свирепо тряс свою железную сетку, точно почуял в своих слабых лапках богатырскую силу.

— Живо открывай все клетки! — приказал Капитан мальчику и сам стал торопливо отодвигать все засовы и задвижки.

— А они меня не цапнут? Нет? А друг друга не слопают?

— Живей, живей все открывай! — торопил Капитан. — Никого они не тронут! У зверей есть Закон общего бедствия. Когда начинается лесной пожар или наводнение, Закон вступает в силу. Звери никогда не нарушат закона.

Длинные бетонные коридоры комбината наполнились лаем, кудахтаньем, ревом, чириканьем. Собачья стая мчалась к выходу вперемежку с зайцами и лисятами. Кролики толкались с маленькими собачонками, а кошки еле поспевали следом. Медлительные ежи и белки и морские свинки теснились вокруг ног Капитана, семенили, как могли, старались от него не отставать.

Молодой лев попробовал было броситься напролом вперед, но получил от старого льва такую затрещину, что долго тряс головой и чихал, отскочив на прежнее место. Сам старый лев сдержанно шел так близко от Капитана, что тот чувствовал все время его плечо у своего колена. С другого бока, цепляясь одной рукой за его пояс, бежал вприпрыжку обезьяний дедушка, прижимая малыша к груди.

Едва добравшись до выхода, вылетели на волю воробьи во главе с хвастунишкой, умчалась, мечась из стороны в сторону от спящих фонарей, синичка.

— Открыть ворота! — скомандовал Капитан, поднеся «зажигалку» ко рту.

Ворота, у которых теснились подбежавшие первыми собаки, даже не дрогнули. Напрасно капитан повторял приказ. Наконец аппаратик квакнул: «Не понял!»

— Открыть все ворота! — скомандовал Капитан, и ворота мгновенно распахнулись, а аппаратик квакнул: «Ага!»

Собаки всех мастей, лохматые и гладкие, пятнистые, маленькие и большие, толпой кинулись на улицу, едва начали открываться ворота. Некоторые кошки тоже убежали большими прыжками, но большая часть зверей продолжала тесниться вокруг Капитана.

Старый лев, раздувая от нетерпения ноздри, толкнул Капитана в колено и буркнул:

— Не вижу тропы

Капитан и сам не знал, но, к счастью, увидел тот самый громадный черный автофургон, в котором зверей доставляли на комбинат.

Он распахнул дверцы фургона и крикнул, подставляя мосточки:

— Скорей все сюда!

Львы сразу же бросились за Капитаном, дымчатый кот крикнул одноглазому псу, тот — еноту, и все повалили по мосткам, теснясь и спеша в открытый фургон.

Один только обезьяний дедушка ни за что не пожелал лезть со всеми, а втиснулся рядом с мальчиком и Капитаном в кабину водителя.

Механические пожарные и сторожа все еще носились с огнетушителями и градусниками, в десятый раз обегая одни и те же коридоры.

Капитан осторожно вывел фургон на улицу и тотчас дал полный ход. Фургон понесся сквозь тьму и дождь с бешеной скоростью.

Несколько минут спустя Капитан вспомнил, что аппаратик все еще зажат у него в руке. Он

нажал кнопку, и тотчас квакающий голос доложил:

«...можно получить чучело... Повторяю: потрошительно-набивочная машина операцию закончила. Можно получить чучело... Повто...»

— А, будь ты проклята! — с отвращением крикнул Капитан и вышвырнул машинку через окно.

Глава 23

ВЕЛИКИЙ СЫЩИК

Телефон в кабинете Шефа полиции сам умел сортировать получаемые сообщения. Если известие было неважное, он тихонько, чуть слышно звякал и умолкал. Если важное, громко звонил. И только если сообщение было очень уж важное, он трезвонил, гудел и стучал, подпрыгивая по столу.

На этот раз он сразу загредел в три звонка, загудел, завизжал, затанцевал по столу как сумасшедший, грохнулся на пол и продолжал бесноваться, катаясь по полу, так что два секретаря, кинувшись на четвереньки, ловили его по всей комнате, стучаясь лбами, и еле поймали, загнав в угол.

Такого с ним еще никогда не бывало. Наконец Шеф полиции схватил поданную ему трубку, не дрогнув, выслушал все сообщение до кон-

ца и, ни на минуту не теряя присутствия духа, рухнул в обморок.

Секретари его подхватили, усадили в кресло и опрыскали освежающими составами.

Быстро придя в себя, Шеф отпихнул секретарей и, грозно стиснув зубы, прорычал:

— Преступники бросили нам вызов!

Нужно было срочно донести Тайному совету многоэтажников и самому Генерал-Кибернатору о случившемся. И он приказал секретарям:

— Пишите!.. Дело такое... как бы это выразиться... В общем, так: «С сырьевого склада Чучельномеханического комбината сбежало несколько мелких, незначительных зверей. Почти все они уже пойманы. Господин Почетный Ростовщик, потрясенный тем, что на вверенном ему производстве произошла задержка в подаче сырья, чтобы загладить свою вину, сам прыгнул в чучелонабивочную машину и произвел из себя чучело». В таком роде надо писать, поняли? Брысь!

Секретари кинулись прочь сочинять донесение, а Шеф несколько минут сидел неподвижно, уставясь взглядом на трубку телефона, и раздумывал, не пора ли вызвать самого знаменитого гениального сыщика в городе — Тити Ктиффа.

В ту же минуту телефон деликатно звякнул, и в трубке раздался голос:

— Хелло, Шеф, говорит Тити. Мне казалось, вы хотели меня видеть?

— Поразительно! Откуда вы это могли узнать?

— О, это так просто, — процедил знаменитый Тити Ктифф. — Как всегда, я все сопоставил, взвесил и пришел к выводу.

— Умоляю вас, Тити, бросайте все и бегите ко мне!

— Отлично. Я уже здесь! — Дверь отворилась, и Тити спокойной походкой вошел в кабинет.

— Изумительно! — пробормотал Шеф. — Вы знаете, зачем я вас вызвал?

— Да, я сопоставил и взвесил. Небольшое досадное происшествие на комбинате. Полиция уже сбилась с ног? Зашла в тупик?

— Ну конечно сбилась! Зашла!

— В таком случае, — невозмутимо раскуривая трубку, продолжал цедить Тити, — я вам скажу, в чем тут дело. Это тайный заговор. Это дьявольский заговор. Опасный и подрывающий основы генерал-кибернаторской власти! Грозный последствиями! Запутанный заговор!

— Да не может быть! — воскликнул Шеф, в восторге всплескивая руками. — Прямо настоящий заговор? Подрывающий? Запутанный?

— Да, и я его распутую!

— Только не сразу? — испугался Шеф. — Ни в коем случае не следует торопиться.

— Безусловно, нет. Потребуется время. Вы знаете мой метод. Я не срезаю верхушки. Я не останавливаюсь, пока не раскопаю все корни!

— Наконец-то, наконец-то! Сколько лет у нас не было ни одного заговорчика, и вот наконец! —

вдохновенно выкрикивал Шеф, бегая по комнате. — Ужасный! Опасный! Сами понимаете, полиция без заговора — это же почти детский дом! С нами перестают считаться!.. Примите мои поздравления, Тити! Принимайтесь за дело, а когда вы все раскопаете, мы мобилизуем всю полицию и накинемся! И накроем! Мы им покажем! Приступайте!

Тихий голос спокойно процедил у него за спиной:

— *Уже!*

Шеф остановился посреди комнаты и обернулся. На том месте, где только что сидел Тити, никого не было.

— Что «уже»? — тревожно воскликнул Шеф, оглядываясь на все стороны.

Из-за двери донеслось:

— Уже приступил!..

— Неслыханно!.. Гений!.. — благоговейно прошептал Шеф.

Тити Ктифф не был обыкновенным сыщиком. Он не был даже необыкновенным сыщиком. Он был сыщиком гениальным. Поймать опасного преступника или накрыть целую шайку было для него рядовым, скучным, будничным делом. Его интересовали только самые запутанные, сложные дела, когда, как мы уже видели, полиция сбивалась с ног и утыкалась в тупик. И тогда он брался за дело, и как только все корни оказывались вытащенными и вместе с листочками и ве-

точками упрятаны в лучшую городскую тюрьму, он терял к делу всякий интерес.

Ленивым жестом он засовывал в боковой карманчик своей бархатной тужурки только что полученный от благодарного начальства чек, подставлял стул к платяному шкафу и влезал на него, доставал сверху футляр с арфой, закуривал трубку и, задумчиво перебирая струны, начинал наигрывать «Ночную серенаду».

Вполне возможно, что он стал бы выдающим-ся арфистом, если бы ему удалось хоть раз доиграть свою серенаду до конца. Но обычно не успевал он добраться и до середины, как его прерывали сообщением, что обычные сыщики уже опять въехали в свой излюбленный тупик и умоляют его прийти на помощь.

Он со вздохом укладывал арфу в футляр, влезал на стул, засовывал ее обратно на шкаф и принимался распутывать новое дело.

Глава 24

СТО НЕОЖИДАННЫХ ВСТРЕЧ

Поросенку приснилось, что он все еще артист и они вместе с Коко выступают на цирковой арене, залитой светом. В ушах у него звучала веселенькая мелодия песенки, он увидел самого себя снова нарядным и красивым, в парчовом халате и красной феске, снова почувствовал на себе вос-

хищенные взгляды тысяч зрителей, и вдруг на него набросилось злодейское Чучелище с вилкой, он во сне взвизгнул от обиды и проснулся.

В трюме старой баржи было темно и сыро. За железной стенкой, где-то совсем рядом, плескалась и чмокала вода, по палубе барабанил дождь. Только что он был счастлив и все было так хорошо, и вдруг опять баржа, сырость, тягостное ожидание! И он безутешно захныкал и задрожал от страха, одиночества и тоски.

Но тут что-то мягкое легло на него — большая лапа подгрребла поросенка под мышку ко льву, и горячий сухой язык лизнул его морду.

Поросенок понемногу перестал дрожать и согрелся, зарывшись мордой в теплую львиную шерсть, и они молча лежали рядышком, чувствуя себя очень несчастными, но не совсем одинокими.

Потом Нерон потянулся, вяло отпил из чашки немного воды и снова уронил голову — он давно ничего не ел и только пил. Поросенок из вежливости нехотя привстал на передние ножки, тоже обмакнул морду в чашку и еще мокрым языком облизал львиную нос. Нос был такой горячий и сухой, что Персик это сразу заметил и встревожился.

Спотыкаясь в темноте, он пошел в угол, нашел там ловко припрятанную, слегка обгрызенную морковку от вчерашнего ужина, которую он приберегал на черный день, принес и подсунул ее к самой морде льва.

Но напрасно он пробовал уговорить Нерона откусить хоть кусочек, напрасно делал вид, что хочет отнять у него морковку, чтоб раззадорить, напрасно сам откусил и громко хрупал и чмокал над самым ухом льва — Нерон даже не понюхал вкусный овощ, по убеждению Персика необыкновенно полезный для восстановления душевных сил.

Да что там морковка! Целая дюжина отбивных котлет с аппетитными косточками высыхала нетронутая около миски с водой!

На что были Нерону котлеты, когда его разлучили с Капитаном Крокусом, когда он был заперт на железной барже, когда он так и чуял вокруг себя врагов и надвигающиеся несчастья!..

Чтоб не обидеть поросенка, он тихонько дотронулся до него лапой и перевернул на спину, как бывало в дни их прежней счастливой жизни, когда они играли в свою любимую игру. Обрадованный тем, что его друг проявил хоть какой-то признак оживления, поросенок уселся прямо против его морды и в который уже раз принялся его учить хрюкать. Это была заветная мечта Персика. Единственным недостатком друга он считал то, что тот не умеет хрюкать, и очень старался его научить. Ведь сам-то он выучился рычать полвиному. Во всяком случае, он в этом был уверен. Другим казалось, что они слышат смесь хрюканья с поросычьим верещанием, но сам Персик был уверен, что у него получается очень похоже на рыканье разъяренного льва.

Теперь он, усевшись против льва, ткнул его пяточком, приглашая быть внимательным, как можно лучше и раздельнее ласково хрюкнул и замолчал, приглашая повторить этот нежный и мелодичный звук.

Но сколько он ни хрюкал на разные лады — умоляюще, требовательно, угрожающе, — ничего не помогало: лев лежал, безнадежно уронив голову на лапы, даже не шевельнув хвостом. Он был безутешен.

Выбившись из сил, опечаленный Персик понял, что и на этот раз ему не избавить друга от его главного недостатка, замолчал и лег, подбившись к нему под бок...

В крошечном круглом окошечке где-то неизмеримо далеко светила одинокая звезда, и Нерон не моргая смотрел на нее, вспоминая, как когда-то, давным-давно, когда он был маленьким глупым львенком с неуклюжими толстыми лапами, его красавица мама по ночам мурлыкала ему на ухо рассказы о сказочном свободном вельде, где звезды не заперты в маленькие темные окошки, а пасутся на свободе неисчислимыми вольными стадами...

А в то время в маленьком домике на Шлаковом пустыре, стоявшем на высоком берегу реки, всего в нескольких сотнях шагов от старых причалов с баржами, Коко сидел перед камином, безнадежно схватившись руками за голову.

— Нет, нет, и не пробуйте меня утешать, я все равно безутешен! — восклицал он, обеими руками отмахиваясь от утешений, как от мух. — Мы сидим перед камином и слушаем, как пост-реливают поленья и весело гудит пламя, нам тепло и уютно! А в это время этот бесстрашный, этот добрый человек, мой лучший друг, дожидается ужасной казни, и ему сейчас, наверное, холодно, и ему, наверное, одиноко, а я сижу у камина и ничем не могу ему помочь! Нет, я этого не вынесу! Я выйду и сяду на землю под дождем, пускай мне тоже будет холодно! Пускай мне тоже будет плохо! — И он зарыдал от всей души, но по старой клоунской привычке таким смешным голосом, что все окружающие бросились его обнимать и утешать, одновременно улыбаясь и плача.

Этих окружающих было несколько: Малыш со своим приятелем Ломтиком, мужественный Мухолапкин и оба близнеца.

У них у всех было теперь столько возни с приемкой и сортировкой всех пирожков, бутербродов, котлет и овощей, которые тащили ребята со всех концов города, что они часто не уходили домой до ночи.

— Ну, попробуйте что-нибудь придумать! Пожалуйста! — умоляли близнецы.

— Вы же такой хитрый!

— Ведь всегда в конце концов вы всех обливали водой! Неужели вы больше не сумеете?

— Нет... Нет!.. — в отчаянии безнадежно мотал головой Коко. — Я поглупел от горя... Наверное, я постарел от всех этих неприятностей и не могу ничего больше придумать! Теперь самый глупый сыщик обведет меня вокруг пальца!

— Да не отчаивайтесь вы так, Коко! — упрашивал Ломтик. — Давно ли вы околпачили самого настоящего живого сыщика! И как только вы сумели это сделать!

Коко порыдал еще немножко и слабо улыбнулся:

— Это такие пустяки! Старый номер. Делаешь вид, что вешаешь пальто в шкаф вместе с собой, а сам быстренько выскальзываешь из него и, обещав вокруг дома, даешь сзади пинка дуралею, который, разинув рот, подглядывал за тобой... Я бы никогда не рискнул пуститься на такой номер с человеком, который несколько раз в жизни побывал в цирке... Но как я могу помочь моему другу? Ему ничто не поможет! Он просто самый благородный человек на свете и пожертвовал собой! Все кончено! Благородство наказано и порок торжествует! Не утешайте меня, я безутешен!

Коко снова закрыл лицо ладонями, ребята охватили его со всех сторон и начали трясти, чтобы не дать снова разрыдаться, как вдруг сквозь шум дождя все услышали странный, тревожный звук.

— Машина... — прошептал Мухолапкин.

— Полиция!

Все замерли, прислушиваясь. На дворе слышались чьи-то быстрые, решительные шаги.

— Ребята, сидите тихо! — прошептал Коко. — Это за мной. Если меня схватят и увезут, боритесь до конца. Поцелуйте моего бедного Персика.

В дверь нетерпеливо застучали.

— Выше головы, ребята! — гордо произнес Коко, вздернул подбородок и, сделав самое презрительное, какое только мог, лицо, толкнул ногой дверь.

Дверь распахнулась, и на лице Коко изобразилось что-то очень странное. Он всплеснул руками, повернулся и бросился бежать прочь от двери в самый дальний угол комнаты. Ребята ахнули и разинули рты — уж этого никто не ожидал от человека, который столько злодеев бесстрашно облил водой.

Добежав до угла, Коко быстро повернулся и с пронзительным воплем со всех ног бросился обратно к двери, точно брал разбег для рекордного прыжка в длину. И тут на один момент в дверях возникла и тотчас почти исчезла в объятиях Коко фигура Капитана Крокуса.

— Милый, проклятый, дорогой, окаянный мой друг! — вопил Коко, обливая Капитана радостными слезами. — Ты истерзал мою душу! Ты возвратил мне радость жизни!

Капитан, тоже очень растроганный, крепко тряс ему руку. У него был суровый и решительный вид. Усы его впервые за долгое время снова

показывали своими стрелками примерно без десяти два.

Старые друзья Малыш и Ломтик бросились приветствовать Капитана, но тут же слегка попятились: осанистый гривастый лев мягкой походкой входил следом за Капитаном в комнату. За ним появилась настороженная морда второго, и тотчас же двумя игривыми прыжками выскочила на середину молодая львица. Правда, вместе с ними преспокойно вошел незнакомый мальчик.

Малыш протянул Капитану руку, намереваясь приветствовать его самым крепким пиратским рукопожатием, но из-за спины Крокуса неожиданно высунулась длинная черная рука обезьяньего дедушки.

— Где ты их всех набрал? — восторгаясь и ужасаясь, восклицал Коко, вежливо здороваясь вслед за Малышом с дедушкой.

— Скорей, скорей! — говорил Капитан. — Это не все! Там у меня полный фургон всякого народа. Нужно срочно устраивать всех на барже!

В это время обезьяний дедушка невозмутимо, точно из гостей вернулся к себе на квартиру, вспрыгнул на кресло, стоявшее перед камином, и протянул руки к огню. Маленький обезьяненок, цепляясь за старшего, влез и повалился на мягкое сиденье; блаженно дотягиваясь и обрадованно попискивая, он точно задался целью равномерно, со всех сторон обжариться на огне.

— Как тебе удалось оттуда выбраться? — тербил своего друга Коко. — Эти славные львы не едят обезьян?.. За тобой никто не гонится?.. А что это за хмурый симпатичный мальчик?

— Да, да, познакомьтесь! — торопливо отвечал Капитан. — Мы боролись с ним вместе. Пожмите ему руку, это храбрый и решительный товарищ. Считайте, что я знаю его уже десять лет, не меньше. Правда, я не успел спросить, как его зовут, но мне кажется, Щелкунчик ему очень подойдет из-за его пристрастия улаживать разные недоразумения при помощи стуканья и щелканья.

Мальчик, подавив смущенную, но не лишенную самодовольства улыбку, что-то буркнул и всем по очереди протянул руку.

— Скорей, скорей! Нельзя терять ни минуты! — повторил Капитан. — Нам нужно успеть спрятать все зверье на барже, пока еще хлещет дождь и смывает все следы. А потом я уведу фургон куда-нибудь подальше и сброшу его с моста в воду.

Он низко нагнулся и, положив руку на голову старого льва, потихоньку с ним заговорил. Лев слушал внимательно, моргая и щурясь на огонь, потом что-то буркнул в знак согласия, доверчиво потерся своей щекой о щеку Капитана и решительно встал.

Молоденькая львица вскочила, забежала за спину Капитана и, поднявшись на задние лапы, положила передние на плечи Капитана.

— Все шалости у тебя на уме, дурочка, — не оборачиваясь, ласково сказал Капитан, когда львица, ухватив его за руку зубами, стала делать вид, что старается ее отгрызть напроочь. Молодой лев подскочил, собираясь принять участие в игре, но быстро успокоился, получив с ходу легкую оплеуху от старого льва.

— Пошли! — решительно сказал Коко.

Он принес теплый клетчатый плед и хотел набросить его на плечи обезьяньего дедушки, но старик вырвал плед у него из рук и неуклюже, но решительно и туго завернул в него своего маленького, сколько тот ни брыкался и ни копошился, стараясь выбраться на волю.

— А теперь пойдем, я вас отнесу, — добродушно предложил Коко, протягивая руки.

Но старик, отодвинувшись, еще глубже забился в кресло и что-то сердито залопотал.

— Иди же ко мне на ручки! — ласково предложил Коко. — Почему ты не хочешь? Ну чего ты ругаешься, славный старичок?.. Эй, Капитан, он не желает со мной идти!

Дедушка взволнованно замахал руками, подзывая к себе Капитана. Они поговорили вполголоса.

Капитан все старался втолковать старику, что обязательно надо поскорей уходить, а обезьяний дедушка волновался все больше и все быстрее лопотал и тянул Капитана Крокуса к себе поближе.

Наконец Капитан понял. Встревоженно вглядываясь в глаза старика, он присел на корточки перед креслом, внимательно выслушал пульс на волосатой темной руке. Потом он ободряюще потрепал дедушку по плечу.

— Что случилось? — спросил Коко.

— Старик заболел. У него жар... Нельзя ему уходить на баржу, там слишком холодно. Придется его оставить тут, у огня. Надо его полечить — беднягу простудили...

Дедушка, прислушиваясь к разговору, постукал себя кулаком в грудь, тяжело вздохнул, озабоченно оглянулся по сторонам, точно что-то отыскивая, и стал тереть край пледа.

— Да, да, — уверил Капитан, — мы его хорошо закутаем, — и принес с постели теплое шерстяное одеяло.

Тогда дедушка осторожно развернул складки пледа и вытащил из них овоего хвостатого брыкающегося внучонка. Минуту он грустно смотрел на него, держа перед собой, потом протянул его Капитану.

Крокус укутал маленького с головой, взял на руки, легко коснулся тяжелой головы старого льва, давая знак двигаться, и пошел к выходу. Ребята во все глаза смотрели на него вопросительно. Он улыбнулся и кивнул.

Одеваясь на ходу, Малыш, Мухолапкин, близнецы, Ломтик и новый заговорщик Щелкунчик бросились следом — во двор под дождь.

В комнате остался только один старик. Проводив всех взглядом, обезьяний дедушка закутался в одеяло с головой, оставив только глаза и нос и став в таком виде гораздо больше похожим на обезьянью бабушку, и печально уставился на огонь.

А в это время от громадного черного фургона, стоявшего под дождем в темноте на пустыре, к берегу реки тянулась весьма странная процессия: окруженный львами Капитан с дрыгающимся обезьяненком на руках, за ним следом, держась подальше от львов, целая орава растерянных собак и собачонок, за ними вприпрыжку белки и несколько корзин кошек, которых тащили ребята, и еще корзина с морскими свинками, енотами, кроликами и прочей тварью помельче, дрожавшими от страха и промокшими на дожде.

Отставая и догоняя друг друга, испуганно вскрикивая и потихоньку попискивая, ворча и перешептываясь, вся эта процессия, далеко растянувшись по дороге, начала спускаться с крутого берега к реке. Кое-кто слетел кувырком, поднялся визг, на крикунов зашикали, и мало-помалу все взобрались на старый причал и затем по прогибающимся доскам — на палубу заброшенной баржи, ставшей теперь чем-то вроде ковчега.

Хлопья ржавчины, слоями слезавшей с железной палубы, хрустели, как сухие листья, под ногами людей, шуршали под лапами львов и чуть шелестели под крошечными лапками морских свинок.

Изо всех иллюминаторов баржи, прижимая к стеклам носы, пяточки и рыльца, тревожно всматривались в темноту старожилы баржи, встревоженные шумом среди ночи.

Капитан Крокус первым взбежал на борт баржи, спрыгнул в люк и едва успел повернуть ручку железной двери одного из отсеков трюма, как на него со стоном обрушился всей своей тяжестью Нерон. Не удержавшись на ногах, Капитан с размаху сел на пол и радостно обнял громадную лохматую голову, а Нерон, бережно придерживая одной лапой своего друга, с такой силой принялся его облизывать, точно решил совсем напрочь слизать у него с лица нос!

Прижавшись к самому уху льва, Крокус что-то торопливо ему нашептывал, а тот в ответ так же едва слышно бурчал и тихонько порывивал, обдавая друга жаром взволнованного дыхания.

Старый лев некоторое время внимательно разглядывал и прислушивался ко всему происходящему, потом дружелюбно пробурчал:

— Львиный человек... Львиный человек... Да, да... Львиный!

Капитан встал и обеими руками одновременно погладил обоих львов. Старый лев и Нерон довольно натянуто обнюхали друг друга, но то, что оба они слегка пахли Капитаном, его руками, табаком и одеждой, успокоительно действовало на обоих. Они неторопливо улеглись поодаль и стали вежливо, без назойливости поглядывать друг на друга.

Когда все успокоилось, из-за косматой гривы Нерона нерешительно выглянуло рыльце поросенка.

Старый лев удивленно потянул воздух и прищурился, повернув голову. Персик капризно и слегка встревоженно хрюкнул. Он, видимо, побаивался.

— Львиный поросенок... — сурово, но спокойно пробурчал Нерон и небрежно лизнул поросенка.

Молоденькая львица, сгорая от нетерпения, подвинулась поближе, и Нерон грозно предупредительно кашлянул, чуть приоткрыв рот.

Но тут львица сама отпрянула в сторону: с таким пронзительным визгом поросенок промчался мимо самого ее носа.

В отсек вошел Коко, и Персик, не переставая визжать, ухватил его за штанину и неистово трепал ее из стороны в сторону, выражая таким способом восторг неожиданной встречи. А как известно, тонкий пороссячий визг такая пронзительная штука, что, если суметь его направить в одну точку, он легко просверлит железный лист. Поэтому Коко поспешил схватить Персика и зажать ему рот. Потом он поставил его обратно на пол, и смысленный Персик продолжал визжать уже шепотом.

Коко открыл крышку люка и, спустившись на нижнюю палубу, зажег фонарик, чтоб заглянуть в отсек, где были одни собаки. На свет сейчас же сбежалась со всех сторон, начала теревить и тол-

коть его от нетерпения целая собачья толпа. Каких только собак тут не было! Крупные пастушеские овчарки, у которых умные глаза едва проглядывали сквозь густую курчавую шерсть; бульдоги с мордами добродушных злодеев; низенькие таксы с длинным телом и скорбными глазами; дрожащие собачонки на тонких лапах; собаки с мягкими ушами, висящими до полу, как лопухи; толстенькие пугливые комнатные собачонки и широкогрудые бойцы, гроза волков, — все они окружили Коко и смотрели на него во все глаза.

Коко со вздохом развел руками:

— Да, мои славные, я знаю, чего вы от меня ждете. Но пока еще мы не можем вас выпустить. Я знаю, тебе, крошка, очень хочется обратно на свой матрасик, к своей хозяйке! А тебе-то другого хочется! Тебе бы в горы, промчаться по свежим лугам впереди хозяина, когда он в седле объезжает стада!.. Да не виляйте вы хвостами, не смотрите на меня так. Надо подождать, встречайте-ка лучше новых. Они вымокли до последней шерстинки!

И он впустил новую партию только что прибывших собак и, прикрыв за ними дверь отсека, пошел устраивать остальных.

Ребята хлопотали изо всех сил, стараясь рассортировать всех зверей по подходящим помещениям, а Персик, обожавший всякий шум и суету, чувствуя себя на барже хозяином, носился, попадаясь всем под ноги, и помогал как мог:

то, ухватив какую-нибудь собачонку за хвост, старался втащить ее в отделение для кроликов, то пытался белку загнать в каюту, где помещался ослик, то бросался искать Коко, до смерти перепугавшись, что тот опять пропал.

— Просто не знаю, что делать, — встревоженно сказал Капитан Крокус. — Львы меня не отпускают. Они так взволнованы... И так мне доверяют и надеются на меня!

— Оставайся с ними! — весело сказал Коко. — Переночуй на барже. А я, как только всех расквартирую, пойду сяду в автофургон и живо расправлюсь с ним!

— Я никогда не видел тебя за рулем. Опомнись! Разве ты умеешь управлять машиной?

— Не слишком! Но тем и лучше. Даже если не захочу, я обязательно ее разобью вдребезги или опрокину в реку, а это-то нам и нужно. Оставайся! Все будет в порядке!

Глава 25

ВЕЛИКИЙ СЫЩИК НАЧИНАЕТ ДЕЙСТВОВАТЬ

Громадный черный фургон стоял брошенный, с распахнутыми дверцами в темноте под проливным дождем.

Накинув на голову пальто, Коко подбежал к мерзкой тюрьме на колесах, вскарабкался на ме-

сто водителя и поскорей захлопнул за собой дверцы. После этого он отряхнулся, поежился и, потирая руки, стал разглядывать стрелки, рычажки и приборы, стараясь хоть немножко разобраться, что к чему.

Через минуту он воскликнул:

— Ага, теперь все понятно!

Машина загудела, дернулась с места задним ходом и чуть не вломила в забор.

Коко остановил машину, нахмурился и осторожно стал тянуть рычажки в разные стороны, нажимая по очереди педали и стараясь больше не попасть на задний ход.

Неожиданно машина послушалась: дернулась сильным рывком вперед и помчалась по пустырю.

— Только и всего! — самонадеянно воскликнул Коко и увидел прямо перед собой обрыв высокого берега над рекой.

Он едва успел отчаянно крутануть руль в сторону и услышал, как шлак и комья земли посыпались из-под самых колес с обрыва.

Машина мчалась, подпрыгивая на холмиках, ныряя в низинки, со свистом разбрызгивая громадные лужи, а Коко нисколько не мешал ей мчаться полным ходом, только иногда слегка помогал ей объехать сторонкой слишком уж глубокою яму.

— А я-то, признаться, думал — это трудно! — захохотал Коко и начал насвистывать веселую пе-

сенку. — А оказывается, она едет почти что сама, только не надо ей мешать ехать куда хочется!

Машине захотелось выскочить на автостраду, и она прямо туда и выскочила. Тут помогать ей справляться с дорожными препятствиями стало еще легче, и Коко начал управлять одной рукой.

— Все идет отлично! — подбадривал он себя. — Теперь мне нужно только утопить эту машину в первой же встречной речке, и тогда я могу идти домой... Ага, вот и река!.. Мост! Вот она, самая середина. Теперь крутой поворот руля, и... — И он благополучно проехал по мосту.

Не то чтобы руль не послушался его руки, но рука не послушалась его головы! Одно дело — знать, что нужно утопить машину, чтобы скрыть все следы, другое дело — шлепнуться вместе с машиной с высокого моста в темную воду.

Следующий мост проскочил мимо с такой быстротой — просто мелькнул и остался позади, так что Коко и опомниться не успел!

— Ну, погоди у меня! — яростно стиснув руль, заорал Коко. — Так ты, оказывается, трусил! Даже вспотел от страха? (Он действительно слегка вспотел.) Тебе жарко? Сейчас ты у меня проветришься, когда будешь лететь с высоты в прохладную водичку!

И он несомненно выполнил бы свое отчаянное решение, если бы случайно не взглянул на прибор, с полной точностью показавший, что он проехал с начала своего сумасшедшего путеше-

ствия уже двадцать миль. Двадцать миль — это всего несколько минут на машине, но целый день ходьбы пешком. Конечно, если ему придется идти обратно!

Новый мост приближался, надвигался, летел навстречу машине. Коко решился на все. Но топать обратно целые сутки пешком в ночных туфлях под дождем!.. И он благоразумно решил осторожно повернуть машину, чтоб утопить ее где-нибудь поближе к дому.

Он нажал по очереди на несколько педалей, одна из которых несомненно была тормозом, плавно повернул руль, и ему представилось, что он совсем маленьким мальчиком катается на карусели, сидя на деревянной лошадке, а карусель вертится все быстрее!..

Плохо прикрытая дверца распахнулась, и Коко вылетел с деревянной лошадки в темноту, в то время как черный фургон, продолжая вертеться, пробил перила моста и с громким всплеском рухнул вверх колесами в реку.

— Прощайте, мои милые, — прошептал Коко, чувствуя, что летит куда-то вдаль.

Перед ним мелькнуло в последний раз мужественное усатое лицо Капитана Крокуса, растерянная мордочка осиротевшего Персика, славные лица ребят, львы, ежики...

Почему-то особенно много ежеиков с длинными гибкими иголками! Он лежал на ежиных иглах и тихонько покачивался, не шевелясь, заж-

мурясь и даже кротко улыбаясь, хотя его показывало со всех сторон.

Наконец он открыл глаза и понял, что лежит, слегка покачиваясь после падения, на ветках густых прибрежных кустов.

Посреди реки еще расходились круги от утонувшего фургона.

Коко пошевелился и начал потихоньку выбираться из чащи. Весь исцарапанный и слегка ошеломленный, он встал наконец на ноги и тихонько поплелся к автостраде, с которой только что совершил такой удачный полет.

В темноте он споткнулся о какой-то холмик и упал. Это была огородная грядка. Нашупав пышный морковный хвостик, он выдернул морковку, стряхнул с нее землю и задумчиво сунул в рот, вспомнив, что это любимое лекарство Персика для ободрения в тяжелые минуты жизни.

Через минуту он уже бодро шагал к дому, усмехаясь и пожимая плечами:

— А еще болтают, что с этими новейшими автомобилями трудно управляться! Ха!..

В тот самый момент, когда фургон пускал свои последние пузыри со дна реки, великий сыщик Тити Ктифф принялся распутывать нити преступления.

Он преспокойно закурил трубку и, пуская струйки дыма к потолку дежурной полицейской комнаты, стал дожидаться каких-нибудь

интересных сообщений. Вскоре полицейские сыщики сообщили, что видели живого кролика, пробежавшего через площадь, и Тити сказал: «Ага!»

Четыре кошки, задрав хвосты, галопом промчались по крышам. Тити Ктифф сказал «ага-га» и приподнял бровь.

Была замечена настоящая живая собака, метавшаяся по улицам.

Великий сыщик сорвался с места и через минуту уже мчался в бесшумной полицейской машине туда, где была замечена собака. Он очень скоро ее догнал и, не выпуская ее из виду, осторожно стал за ней следить.

Собака перестала метаться. Она нанюхала правильную дорогу и понеслась во весь дух. Она мчалась, но мчалась очень медленно, потому что не умела быстро. Скоро она привела своих преследователей к бедному домику на окраине. Здесь все было очень старое. Не просто старое, а старинное старое. Четыре потрескавшиеся стены, казалось, устали поддерживать просевшую посередине крышу. А может быть, именно крыша-то и не давала усталым стенам улечься на покой, разом развалившись на все четыре стороны.

Зато ветхому заборчику валиться было некуда, так он был со всех сторон плотно окружен высоченными стенами многоэтажных домов.

Собака подскочила к двери, призывно тявкнула, заскулила, и через минуту дверь скрипну-

ла, и на крыльцо выглянули двое старичков с испуганными лицами.

Лампочка над их головами зажглась, и теперь Тити Ктифф мог хорошенько разглядеть собаку. Никогда он не видел такой некрасивой собаки. Трудно было даже сказать с уверенностью, какого она цвета. Похоже было, что ее зашпаклевали и загрунтовали, а покрасить позабыли, отчего она так и осталась не то желтоватая с сероватыми пятнами, не то сероватая с желтоватыми.

Старичок, увидев собаку, затрясся от бешенства, затопал ногами, затряс кулаками:

— Пошла отсюда, гадина!.. Убирайся, откуда пришла, мерзкая!

Напрасно несчастная зашпаклеванная собака юлила всем своим нескладным длинным телом и толстым облезлым хвостом, умолая, и радуясь, и взвизгивая, и униженно ласкаясь! Старичок свирепел все больше, он даже замахивался носовым платком и ногой в мягкой ночной туфле, так что собака, припав к земле, в страхе зажмуривалась.

— К хозяевам своим убирайся, мерзкая механическая тварь! — топотал старичок. — Вот принесу топор и изрублю всю твою механику, фальшивая тварь! Не смей притворяться, поддельная душонка!

— Киш!.. Пошла!.. — слабо отмахивалась и старушка.

Но когда старичок разъярился до того, что, раз десять замахнувшись, наконец пнул собаку но-

гой и та взвизгнула и повалилась на спину, старушка брезгливо ткнула ее пальцем и сказала:

— Вставай и... убирайся! — И вдруг охнула: — Ой... Что же это?.. Она вроде как... теплая.

— Ну так что? — с отвращением плюнул старичок. — Теплая! Батарейки, проводочки подогревают, вот и теплая!

— Но у нее... глаза... — растерянно, с испугом бормотала старушка, — моргают.

— И пусть моргают. Я иду за топором! У, гадина! И вправду смотрит, будто наша красавица, которую замучили на Чучельном комбинате. Не смей смотреть на меня, чучело!

Тем временем собака, воспользовавшись тем, что ее только ругают, но больше не собираются избивать носовым платком, ободрилась, живо вскочила на ноги и юркнула в дом. На ходу она сунула нос в мисочку, стоявшую на полу, торопливо понюхала какую-то щелку в углу и, опрометью кинувшись к старому вытертому коврику, прямо с разбегу улеглась, свернувшись калачиком, и взволнованно, дрожа всем телом, стала ждать, что с ней будет дальше.

Старички разом оба покачнулись и с такой силой прислонились друг к другу, что, если бы немножко промахнулись, оба рухнули бы стоймя в разные стороны.

Одновременно всплеснув руками, они засеменили к ней, присели на пол у ее коврика и наперебой стали ее утешать, поворачивать, трогать, заглядывать ей в глаза и гладить в четыре руки.

— Я же тебе говорила, что тепленькая! — ахала старушка.

— Эко, тепленькая! — торжествовал старичок. — И глаза могут обмануть! Но когда Пальмочка побежала первым делом понюхать щелку, где в позапрошлом году жил мышонок, вот тогда я убедился, что это наша собачка, а не заводная мерзавка!

Спохватившись, старички вспомнили кое о чем и бросились затворять дверь. Но в дверях уже стояло двое полицейских.

— Именем закона! — сказал Тити равнодушно. — За укрывательство запрещенного живого сырья Чучельномеханического комбината вы арестованы. Собака будет отправлена по назначению.

Он снова вернулся в машину и спросил:

— Есть новости?

Радио ответило:

«Обнаружен в реке фургон, угнанный с комбината. У моста на двадцать шестой миле автостреды».

— Сейчас буду!

Он посмотрел на стиснутый многоэтажными домами домишко. Старичок со старушкой, шлепая ночными туфлями, онемевшие от горя, плелись к машине в сопровождении полицейских. Идти им было очень неудобно, потому что они, спускаясь по ступенькам, с двух сторон, обеими руками каждый, держали собаку. А она, успоко-

енная и счастливая, что все так хорошо кончилось и они все трое опять вместе, восторженно старалась дотянуться и кого-нибудь благодарно лизнуть.

К двенадцати часам дня Тити Ктифф уже знал с точностью до одной десятой количество сбегавших с комбината животных, осмотрел вытащенный из воды черный фургон, в основном разгадал тайну дергающихся носов и сальных пятен на карманах у ребят и уже знал, что по вечерам устраиваются подозрительные тайные сборища в домике на Шлаковом пустыре.

Он мгновенно все взвесил, логически сопоставил и пришел к единственно правильному выводу.

Первое: поскольку в сборищах принимают участие столько мальчиков и девочек, несомненно основная масса заговорщиков — дети.

Второе: поскольку собираются они неизменно на Шлаковом пустыре, нет сомнения, что центр заговора находится именно на Шлаковом пустыре, а не в каком-нибудь другом месте!

Третье: узнать, разнюхать, выведать и подсмотреть все, что происходит на собраниях заговорщиков, может только мальчик, который сумеет пробраться на Шлаковый пустырь!

Сделав все эти полные железной логики выводы, Тити Ктифф уже больше не колебался. Он знал, что ему нужно делать, чтобы докопаться до самых корней!

Глава 26

ЗАГАДОЧНЫЙ «УКОРОТИН»

На самой середине лаборатории в здании Химического центра города стояла огромная прозрачная чаша из никому не известного металла, наполненная очень странной жидкостью синевато-желтого, молочно-оранжевого цвета с бегущими, точно водяные жучки, егозливыми зеленноватыми блестками.

С очень странным бульканьем эта холодная жидкость непрерывно кипела, выпуская миллионы разноцветных пузырьков, которые лопались, всплывая на поверхность, с таким звуком, точно кто-то крутил ручку игрушечной балалайки.

Посередине чаши, погруженный по самую шею в эту булькающую жидкость, вспыхивающую цветными искорками, лежал не кто иной, как великий сыщик Тити Ктифф, переливаясь всеми цветами радуги.

Вокруг него на стенах лаборатории от самого пола и до потолка моргали, светились, покачивали стрелками, подмигивали цветными глазками сотни приборных досок самых сложных и автоматизированных систем, механизмов и аппаратов.

Четверо ученых-операторов, едва успевая уследить за всеми сигналами, бегали вдоль стен, озабоченно приглядываясь и торопливо нажимая кнопки, а иной раз поспешно взбегая на стре-

мянку, чтобы заглянуть в какое-нибудь тревожно замигавшее окошечко под самым потолком.

И только один дряхлый, но еще вполне бойкий старикашка неторопливо, с важным видом прохаживался вокруг кипящей чаши, время от времени окуная в жидкость большой градусник и поглядывая на старый жестяной будильник, прицепленный к его жилету на золотой цепочке.

Это был знаменитый ученый, владелец и пожизненный директор лаборатории Химического центра, доктор Тромбони. Ему только недавно исполнилось сто четырнадцать лет, и прошло более четырнадцати лет с того момента, как он позабыл таблицу умножения.

Девяносто пять лет назад он изобрел зажигалку, после чего перестал заниматься наукой, а стал торговать зажигалками, страшно разбогател, прославился на весь город и все, что было изобретено или открыто в науке после зажигалки, стал считать жульничеством. Он решительно ничего не хотел признавать из того, что изобретали другие. Даже электричество он так и не признал, уверенный, что его нарочно, ему на зло, выдумали его конкуренты, из зависти к его зажигалке.

Однако ума у него все-таки хватало на то, чтобы не мешать другим ученым работать в его лаборатории. А в тех случаях, когда им удавалось сделать какое-нибудь важное открытие, он, снимая ермолку, раскланивался на все стороны пе-

ред фотографиями и, скромно улыбаясь, мямлил, что он тут почти не при чем.

Настоящие ученые, работавшие в его лаборатории, все это знали и примирились со всем, нисколько не мешая ему расхаживать по всем помещениям с градусником и будильником. Они не обращали внимания, даже когда он начинал немного путать; например, взглянув на термометр, говорил: «Эге, никак уж двадцать седьмой час выше нуля, то-то мне кушать хочется!» или, уставясь на будильник, качал головой: «Восьми градусов нет, чтой-то сквозит, прохладно делается!»

Он всегда делал вид, что всеми руководит и всех проверяет. Это было легче, чем справляться с будильником.

Ведущий оператор, но отрываясь от приборов, сказал:

— Внимание! Через сорок шесть секунд заканчиваем сеанс. Приготовьтесь!

— Правильно! Сорок шесть! — одобрительно заметил доктор Тромбони. — Я все ждал, когда вы это скажете. Молодец!

Он суетливо обмакнул термометр в воду, нечаянно упустил его и, поднеся к носу будильник, бодро объявил:

— Шесть градусов десять минут седьмого! Это очень важно! Запомните!

— Очень приятно, обязательно запомним, — сказал второй оператор и обратился к товарищу:

— Приглядывай только, чтоб он не подходил к приборам, а то он опять чего-нибудь натворит.

Третий кивнул и громко сказал:

— Следите получше за своим будильником, господин директор! Не отрывайтесь от него ни на секунду, а то мы в будильной технике себе не очень доверяем.

— Ага, сообразили? Вот именно это я все время и говорю! — продребезжал Тромбони и засуетился в поисках градусника.

Увидев его на дне чаши, куда он его упустил, он сейчас же полез его доставать, но один из операторов вовремя схватил его за шиворот и довольно бесцеремонно оттащил в сторону.

— Да, что вы, господин Тромбони, позабыли, что нельзя туда руки совать! Покажите, не попала ли вам жидкость на кожу?

Двое операторов ваткой стерли случайные брызги с рук Тромбони, пока он хныкал и грозился и тянулся обратно к чаше:

— Кто посмел уронить мой градусник в воду? Уволю! Беспощадно выгоню с позором! Достать, а то всех поувольняю... Поувольниваю!.. Поувольниваю!.. Не смейте меня сбивать, когда я рассуждаю!..

— Достанем, достанем, не кипятитесь, господин директор, — отмахивался второй оператор. — Да ведь нельзя же руками. Вы что, позабыли совсем, что в этой жидкости все уменьшается в размерах! Приятно вам было бы, если бы у вас по-

лучился вид рака, когда у него начинает отрастать новая клешня взамен оторванной?

— Ага, вот именно это я вам все время и подсказываю! Поняли? — тупо бормотал Тромбони.

— Не суйтесь только, не мешайте, — сказал третий оператор и щипцами достал градусник. — Погодите, не хватайте, его надо еще промыть!

— Вот именно этого я требовал — промывать все на свете во что бы то ни стало, в том смысле, что ни в коем случае! — самодовольно заключил Тромбони. — Я требую только внимания и пунктуальности.

Ведущий оператор объявил:

— Сеанс окончен! — и выключил ток.

Жидкость в чаше перестала кипеть, переливаться радугой и сделалась вся ровной, молочно-белой.

— А теперь я! — ревниво запищал Тромбони, подскочил к ведущему и вцепился в его руку, лежавшую на рычажке переключателя. Шепотом, чтоб не слышали остальные, он спросил: — Покажите, за какой дергать. За этот?

— Вот этот! Только тяните осторожно, не окуните его с головой.

— Кого это «с головой»?

— Тьфуты! Да пациента, которого мы там купаем!

— Ах, вот оно что... Правильно, что я вам и толковываю все время! Все дело в пациентах!

Тромбони осторожно потянул рычажок. Сетка, лежа в которой Тити Ктифф был похож на кильку

посреди большого блюда с белым соусом, поднялась в воздух, и он стал похож на пеструю лягушку, попавшую в сетку. Сетка плавно перенесла его за край чаши, подставила под сильный душ, бывший снизу, сверху и с боков, и после этого перенесла на середину зала и опустила прямо на пол.

Ведущий оператор, помогая ему подняться на ноги, любезно заметил:

— Немножко жестковато, не правда ли? У нас не совсем приспособлено, дело в том, что с человеком мы проделываем этот опыт впервые. Как вы себя чувствуете после укоротина? Судя по приборам, нормально.

— Отлично! — бодро сказал Тити Ктифф. — Только под душем немножко пощипало. А в самой кастрюльке было неплохо. Немножко пахивало маринадом.

— Отличная наблюдательность! — одобрил ведущий. — В известном смысле мы действительно вас как бы слегка маринуем. Что касается душа, то он просто прекращает действие укоротина. Ведь вы желаете только временно уменьшиться, вам не хотелось бы навсегда остаться в таком укороченном состоянии?

— Конечно, нет! Нет, нет! Мне это нужно совсем ненадолго... Просто, знаете, требуется по работе.

— Но ванны у нас вам придется принимать каждый день, иначе вы очень быстро начнете снова расти и вернетесь в какие-нибудь две недели к прежним размерам.

— Старый осел! — вполголоса выругался второй оператор. — Поглядите только, что он опять натворил, этот Тромбони! Бухнул в раствор металлический метр, которым мы измеряем пациента! Теперь им ничего нельзя будет измерять — никто не знает, насколько он укоротился.

— Не беда, — сказал ведущий оператор, — измерим сегодня обыкновенным сантиметром. Ну-ка, станьте к стеночке!

К этому времени Тити Ктифф успел уже высушиться под сушильной струей и натянуть матросскую рубашку и коротенькие штанишки. Он стал к стене, и его обмерили со всех сторон, вдоль и поперек, сверху донизу.

— Ну как? — спросил Тити.

— Вполне нормально. За сегодняшний сеанс вы укоротились еще на десять сантиметров. Теперь нужны только легкие ежедневные ванночки для поддержания вас в нужных размерах... Смотрите, курточка с двенадцатилетнего мальчика болтается на вас так, как будто мама одела вас в костюм старшего брата.

Глава 27

МАЛЮТКА ДЕТЕКТИВ

Шеф полиции города был очень опытным полицейским и отлично справлялся со своими трудными обязанностями. Но теперь полиция

просто с ног сбилась: мало того, что нужно ловить людей, — теперь приходится гоняться за собаками, канарейками, ежами и львами!

Произошло ужасное таинственное преступление на Чучельномеханическом комбинате! Что пропали звери — это еще куда ни шло, но они уехали в автомобиле и сбросили фургон в воду! Это необъяснимо! Но этого мало. Еще эта скандальная история с господином Почетным Ростовщиком!

В своем рапорте Шеф очень убедительно и красиво объяснил, каким образом и почему господин Почетный Ростовщик решил из себя самого сделать чучело, и все получилось гладко. Но одно дело объяснить что-нибудь другим, а другое — поверить в это самому. А Шеф полиции ни на минуту не верил той ерунде, которую сообщил в рапортах господам многоэтажникам в Тайном совете или репортерам городских газет.

Теперь, вернувшись с заседания, где он делал доклад о событиях на Чучельномеханическом комбинате, он то и дело вздрагивал всем телом, вспоминая, как сам господин Генерал-Кибернатор лично скрежетал зубами, вопил, орал, верещал и рычал свое обычное: «Переловить!.. Очучелить!.. Набить опилками, соломой, трухой, стружками... Распотрошить! Расплющить! Всех пушу на чучела! Поймать, доставить!» — до тех пор, пока чуть не захлебнулся от бешенства.

Сидя у себя в кабинете, Шеф еще часа два все вздрагивал, приговаривая при этом каждый раз «бррр-р» и вспоминая эти малоприятные обещания господина Генерал-Кибернатора, которые могли ведь относиться и к самому Шефу!

Чтобы немножко прийти в себя, он открыл потайное отделение своего несгораемого сейфа и достал оттуда бутылку специального полицейского рома, от которого он быстро приходил в себя — то есть совершенно переставал чувствовать себя человеком и становился только полицейским.

Он выпил рюмочку, тяжело перевел дух и вздрогнул, но уже послабее, чем прежде. Выпил еще и вздрогнул уже еле-еле. Налил еще и понес было рюмочку себе ко рту, заранее пришепывая губами, как вдруг опять вздрогнул и обернулся, расплескав несколько капель.

— Кто посмел пустить сюда мальчишку? — рявкнул Шеф уже настоящим полицейским голосом.

— А я сам вошел! — нахально ответил мальчуган. — Чем кричать, я бы на вашем месте предложил мне сигару. И налил рюмочку!

— Ах ты поганец! — не помня себя от удивления, всплеснул руками Шеф. — Ты лучше скажи, когда тебя твой папа порол в последний раз?

Мальчик призадумался, почесал одну об другую ножки в носочках и коротеньких штанишках и, добросовестно припомнив, ответил:

— Полагаю, упомянутое вами событие имело место около тридцати трех лет тому назад.

Шеф впился взглядом в большеголового мальчика в матросской курточке. Его личико что-то отдаленно ему напоминало. Но что? Что-то совершенно невозможное. Наконец Шеф ударил кулаком по столу и рявкнул:

— Тебе не говорили, что ты на кого-то похож?

— Говорили. Но в разное время я бываю похож на разное. Я думаю, что сейчас я похож на себя, когда я был маленьким. А когда я был маленьким, мама мне часто говорила, что я сам на себя не похож.

— Ты смеешься надо мной, чертенок!.. Или вышутите надо мной, господин... э?..

— Хорошо, — невозмутимо сказал мальчик, — я вам помогу: я напоминаю вам себя. Разрешите представиться: Пафнутик!

— Но ты напоминаешь... А ведь вы и есть...

— Тити Ктифф, к вашим услугам, — процедил сквозь зубы мальчонка так, что Шеф сразу узнал знаменитого сыщика. — Напомню еще раз, что не отказался бы от доброй рюмки полицейского и сигары!

— Боже мой! — с восхищением воскликнул Шеф, любясь маленькой фигуркой в матросском костюмчике. — Тити! Вы превзошли самого себя! Кто вы теперь?

— Я маленький зловредный заговорщик!

— Великолепно! Но можете ли вы теперь... курить? И выпить? Ведь вы...

— Больше чем когда-либо, Шеф. Не забывайте, что я уменьшился весь, кроме головы. Голова-то мне нужна прежняя. И эта голова хочет курить. Я целый день трусь среди этих окаянных малышей и ни разу не закурил.

Дрожащей от восторга рукой Шеф нацедил полную рюмку и пододвинул ящик с сигарами.

Сыщик с жадностью затынулся несколько раз подряд и хлебнул из рюмки.

— Ну, как идут у нас дела с заговором, Тити? Налаживается?

Попыхивая сигарой, сыщик снисходительно кивнул:

— Считайте, что заговор у нас уже есть!

— Неужели вы уверены? У нас есть настоящий, добротный, опасный заговорчик? А? Уверены?

— Вот тут! — Мальчонка хлопнул себя по карману матросских штанишек с золотыми пуговками. — Он у нас в кармане!

— Великолепно! И много заговорщиков в него впутано? Хотелось бы побольше, вы же понимаете! Кто они?

— Как вы можете догадаться по моему облику, это главным образом Маленькие Взрослые, или, как было принято говорить в прежние времена, так называемые дсти... Еще налейте, пожалуйста, никак не могу избавиться от вкуса всех сластей, которыми эти чертенята меня пичкают... Итак, это Маленькие Взрослые, получившие Дипломы об Окончании Детства. Крошки взрос-

лые! Подростки-взрослые! Малютки-взрослые! И все они вовлечены в преступный заговор с целью вернуться обратно в детство, снова сделаться детьми!

Шеф всплеснул руками во второй раз, а это с ним бывало очень редко. Обычно он не чаще чем один раз в год всплескивал руками от удивления.

— Какая роскошь! Кошмарный заговор! Чучел теперь у нас будет, чучел!.. И очень много этих заговорщиков?

Тити Ктифф пустил струю вверх и, дождавшись, когда она достигла потолка, торжествующе процедил:

— Масса!.. Я раскрыл тайну вертящихся носов и жирных пятен. Носами они подают сигналы, а пятна делаются оттого, что они прячут в карманах бутерброды и пирожки. По этим данным я сразу подсчитал число заговорщиков. Через два дня провел второй подсчет, и что же? Число заговорщиков увеличилось в два раза!

— Ай-ай-ай! Да это не заговор, а конфетка!

— Вот именно. Только не напоминайте мне о конфетках, а то как бы меня не стошнило... — продолжал крошка Тити Ктифф. — Я высчитал, что если так пойдет дальше, то скоро больше пятидесяти процентов всех детей города станут заговорщиками. А когда число их снова удвоится, создастся невыносимое положение: детей станет не хватать! Заговорщиков будет больше, чем детей, а этого не может быть!

— Блестяще! Как только подойдет к ста процентам, мы их сразу — цап! И потребуем награды за раскрытие заговора поштучно!.. Еще рюмочку, прошу вас... Вам неудобно, что ножки у вас болтаются, не достают до пола? Вот обопритесь, тут скамеечка! Значит, вы проникли в среду заговорщиков?

— Я очень близок к самому центру. Еще несколько дней, и все будет как на ладони... Если выдержу эти сладкие сосульки, которыми они со мной делятся. Они прямо-таки суют мне в рот свои мерзкие сласти! Они меня, кажется, жалуют!

— Что это за слово, простите?

— Старинное, отмененное... Я нашел в старом словаре... Но не вполне понял его значение. Теперь слушайте. Вот что мне понадобится для работы... — Он вынул и полистал маленький блокнотик. — Первое: папу и маму. Чертенята так и напрашиваются в гости, спрашивают, где я живу. Второе: квартирку, семейные альбомы с фотографиями, чтоб там было все — бабушки, тетки и всякая чепуха... Это все на всякий случай... Да, вот еще: железную дорогу, кубики. Кажется, все... Уфф, до чего я устал! Вот только сейчас, когда дышу воздухом Полицейского управления, отдыхаю душой!.. Чудесная сигара!.. Теперь извините, я не могу терять времени!..

Тити Ктифф достал из школьной сумочки коробку цветных карандашей, взял со стола лист

бумаги с бланком Главного полицейского управления и со вздохом принялся рисовать.

— Сегодня же я должен выучиться рисовать картинку. Какой в ней смысл, я еще не знаю, но все ее почему-то рисуют.

Он нарисовал домик с двумя окнами, приделал красную крышу с трубой...

— Да, вот именно так это рисуется. И дым нужно пустить из трубы эдаким штопором!..

— Здорово получается! — следя за его рукой, сказал Шеф. — Очень недурно. А что это торчит зеленое?.. А-а, елка! Как это я сразу не догадался!.. А это что такое?

Тити Ктифф, склонив голову набок, пробормотал несколько невнятно из-за того, что кончик языка высовывался у него изо рта и двигался, помогая руке, водившей цветным карандашом:

— Дорога! Она должна втыкаться прямо в дверь. А потом как можно больше извиваться. Вот здесь она будет толстой-претолстой, а у края бумаги сойдется в ниточку... Вот так... — И он начал потихоньку фальшиво напевать:

Плакса-вакса, гуталин,
На носу горячий блин!

— Это вам тоже нужно заучить?

— Обязательно!.. Ритуальная песенка, вернее всего, своеобразный пароль... Ну, мне пора. Пе-

ред сном надо еще потренироваться скакать на одной ножке! А ерзать носом я уже умею лучше многих!.. Еще одну затяжку!.. Уфф!.. Все бы ничего, но как вспомню обо всех этих размякших мармеладках и шоколадках, которые они мне суют в рот липкими пальцами! Брр! — Его передернуло, будто он сунул пальцы в штепсель. — Невыносимо!.. Прощайте, Шеф, не забудьте мое имя: Пафнутик!

Он сгреб цветные карандаши, ссыпал в коробочку, засунул ее в школьную сумку, в последний раз затянулся громадной крепкой сигарой, кивнул на прощание своей большой тяжелой головой на тонкой детской шейке и исчез, бесшумно притворив за собой дверь.

Глава 28

ПЫЛАЮЩИЕ КОСТРЫ И ТАЙНЫЕ ЗАГОВОРЩИКИ

Посреди главной площади города был круглый бронзовый бассейн с фонтаном, посреди бассейна была бронзовая скала, вокруг которой бушевали застывшие бронзовые волны, где резвились наяды и мальчишки катались на дельфинах под присмотром бородатого Нептуна с трезубцем в руках.

А с вершины бронзовой скалы на проезжающие автомобили и прохожих, скрывая легкую

улыбку на бронзовых губах, смотрели разные боги и богини: Аполлоны, Дианы и прочие.

Скульптура эта была очень старинная, так что ее по-настоящему давно бы пора было уничтожить и пустить бронзу на что-нибудь полезное для автоматизации. Но она была оценена в такую громадную сумму, что ее в городе уважали за дороговизну.

А после веселого случая с полицейским, который измочалил свою дубинку, пытаясь разогнать это скопище древних богов, фонтаном стали интересоваться даже приезжие туристы.

Теперь невдалеке от фонтана дымило два громадных костра. Вся площадь была оцеплена полицейскими, и оркестры играли бодрые марши.

На одном костре, потрескивая, горели сотни больших и маленьких резиновых и деревянных, пластмассовых и всяких прочих фигурок: сотни разных Буратино, гномиков, осликов, зайчиков, Петрушек, поросят и обезьян, трубочистов, Дедов Морозов, всяких игрушек, напоминавших о запрещенном сказочном народце.

На втором костре горели целые горы пестрых книжек — это были сказки; их собирали по всему городу и свозили на площадь специальные команды.

И тут же на специальном помосте красовалась маленькая жалкая чучельная группа: старичок со старушкой, держащие на руках некрасивую, как следует не покрашенную собаку. А над их головами возвышался плакат:

**Это они
хотели ОБМАНУТЬ нашего
ВЕЛИКОГО ГЕНЕРАЛ-КИБЕРНАТОРА
и осмелились прятать
эту СОБАКУ!
Смотрите с ОМЕРЗЕНИЕМ на их
гнусные чучела!**

У старичков вид был вовсе не омерзительный, а скорее очень удивленный, такой, точно им не дали договорить чего-то, и они замерли на полуслове и им от этого немного грустно.

Бронзовые боги, купаясь в вонючем дыму, смотрели со своей скалы, пряча усмешку, а дельфины, казалось, с удивлением высовывали острые носы и не прочь были, кажется, вовсе нырнуть в свои бронзовые волны.

Игрушки корчились, лопались, обугливались и превращались в пепел, когда пожарные поливали их сверху легкими струйками горячего.

Книжки сказок вели себя по-другому. Их большие листы с пестрыми картинками иногда вдруг распахивались и, подхваченные потоком горячего воздуха, взлетали над площадью, а многие даже перелетали через крыши, взмахивая обгорелыми краями страничек, как крыльями.

Большая часть вспорхнувших листков падала обратно на площадь, но некоторые улетали совсем, куда-то далеко, может быть за черту города, в те страны, где сказки не были запрещены.

А некоторые падали на крышу дома, стоявшего на краю площади.

Но и эти листки не оставались там лежать спокойно — они, как птицы, только присаживались на минутку, взлетали и, пролетев несколько шагов, садились снова, а затем поднимались в воздух и улетали.

Несколько маленьких фигурок метались по крыше, запыхавшись, стараясь не упустить ни одного листка. Стоило какому-нибудь листку прикоснуться к крыше, как кто-нибудь на него кидался, накрывал, как бабочку, и бережно прятал за пазуху.

— Поймал! — пискнул Мухолапкин, подпрыгнув с опасностью для жизни, и шлепнулся плашмя на самом краю крыши, так что голова свесилась над площадью.

Малыш и Щелкунчик схватили и оттащили его за ноги от края.

— Молодец! — сказал Щелкунчик. — Только в следующий раз ты так поймаешь тумбу там внизу, на площади, а лететь туда далеко!

— Держи-и! — закричал Ломтик и кинулся ловить в воздухе большой лист с нарисованными лебедями.

Лист покружился у него над головой и сел на крышу.

— Что у тебя? — крикнул Малыш, следя, задрав голову, за порхающими в воздухе листками.

— Сказка про лебедей! Только ни конца, ни начала!

— Ага, поймал «Красную Шапочку»! — торжественно воскликнул Щелкунчик. — Только волк оторван.

— А у меня даже названия нет. Какой-то король дерется с драконом. И кажется, ему плохо приходится. Похоже, дракон его слопаёт... Тут еще замок и какая-то женщина с узлом, и из окон смотрят противные рожи и хохочут...

К тому времени, как догорел костер, каждый из них набрал целую пачку обгорелых листочков, и на каждом из них так и теснились гномы, русалки, дурачки, короли, драконы, ведьмы, корабли, ковры-самолеты, джинны и сказочные города, хрустальные дворцы, пещеры и замки.

В то время когда с площади пожарные убирали остатки костров, в гуще толпы мелькнуло несколько мальчиков. Никто не обратил внимания на то, что все они выглядели странно пузатыми. У каждого под рубашкой был спрятан его улов полусгоревших сказок...

С наступлением вечера они, как всегда, собрались отправиться на Шлаковый пустырь — там дела было теперь по горло. Ломтик забежал на минутку к себе домой. Он никак не мог пропустить время ужина. Кашей еще согласился бы пожертвовать, но мысль, что он может упустить сладкий пирожок или ломтик пудинга со сливовой подливкой, была сильнее его.

Только один Малыш согласился подождать его, чтоб идти вместе. И ждать ему пришлось

недолго. Ломтик кубарем скатился с лестницы, и даже при плохом освещении было видно, что одно ухо у него стало в полтора раза больше другого и светится, как красный сигнал светофора.

Это случилось уже не в первый раз, и Малыш ничего не стал спрашивать у своего друга, а Ломтик, быстро шагая к пустырю, молчал и только натужно сопел, как человек, который поднял и тащит непосильную тяжесть. Уже на полдороге Малыш сказал:

— Если приложить лягушку, говорят, сразу как рукой снимет! Погоди, я сейчас попробую поймать.

— Иди ты!.. — буркнул Ломтик, который в эту минуту ненавидел весь мир и все человечество. Но все-таки сел на краю болотца и стал ждать.

Малыш промахнулся по первой лягушке, но вторую удачно накрыл шапкой и осторожно взял в руку.

— Давай ухо, сейчас я тебя вылечу!

Он осторожно поднес лягушку к лицу Ломтика и приложил к больному уху. Лягушка сразу задрыгала всеми четырьмя лапками, точно ее в воду пустили.

— Ну как? — участливо спросил Малыш.

— Кажется, помогает. Только она щекочется.

— Потерпи... Теперь она, наверное, уже согрелась, я ее приложу к тебе спинкой... Ну как?

— Лучше!

— Я говорил, что лягушки помогают!.. А за что он тебе надрал ухо?

Ломтик угрюмо помолчал, осторожно трогая ухо. Малыш отпустил нагретую лягушку. Она в два прыжка добралась до своей лужи и с разбегу шмякнулась туда, спеша освежиться в прохладной воде.

— Видишь, как она распарилась от твоего уха... — сказал Малыш. — За что это твой отец так рассердился?

— Нашел у меня за рубашкой листки, которые я наловил на крыше... Ну, и ясное дело, теперь побежит сдавать их пожарным. Пока он еще был он, он бы этого никогда не сделал. А теперь он что хочешь сделает. Вовсе может оторвать ухо. Что ему!

— Как это... он... не он?.. — со страхом, шепотом спросил Малыш. — Ты думаешь, он — не он?

— Да какое сомнение может быть! У него руки совсем другие стали: твердые, как железо. И он не позволяет слова сказать против чего-нибудь самого малюсенького... ну, что жалко тебе слона из Зоопарка... И он заставляет меня каждое утро шаркать ножкой перед секретным портретом Генерал-Кибернатора, перед этой... — Ломтик осторожно понизил голос до самого тихого шепота, — перед этой круглой кляксой!

— Значит, ты уверен, что твой отец... автомат? — с ужасом прошептал Малыш.

— Точно! Я тебе давно говорил, что подозреваю, а теперь-то только дурак не поймет. Мой старик был славный малый, чихал на все, смеял-

ся над полицией и мне советовал не очень-то верить всякой ерунде, какую вколачивают в школе нам в голову... А этот, теперешний, — он сам ни разу не пройдет по комнате, без того чтобы не шаркнуть ножкой и не вытянуться перед портретом Генерал-Кибернатора... А портреты ты знаешь у нас где? В каждой комнате висят, даже в уборной. Мы целый день только вытягиваемся во фронт и щелкаем каблуками, другой раз, пока щелкаешь, уже опоздаешь сделать что-нибудь или кипятком ошпаришься... Зато в уборной я запрუსь и сижу все время с высунутым языком — показываю портрету язык и строю противные рожи, когда никто не видит!

— Молодчага, правильно делаешь! — горячо пожал ему руку Малыш. — А то сам себя перестанешь уважать! Ну, пошли, пора на дежурство.

Они зашагали к дому Капитана Крокуса по пустырю, который еще недавно был настоящим пустынным пустырем, а теперь стал пустырем очень оживленным и многолюдным.

С разных сторон шуршал в темноте шлак от осторожных шагов, кто-то оступался, тихие голоса перекликались, маленькие фигурки крадучись выбирались из отверстия заброшенной трубы...

То и дело скрипела калитка.

Она едва успевала закрыться, как в нее стучался уже следующий посетитель: мальчик или девочка.

Редко кто являлся в одиночку, чаще всего появлялись пары, четверки, а иногда и целая цепочка — человек пять-шесть, держась за руки, потому что путешествие через темный пустырь многим казалось страшноватым.

И все, кто приходил, сразу же отправлялись в сарай. Там горел фонарь и около трех больших корзин дежурили близнецы и Мухолапкин.

Над каждой корзиной красовались дощечки с рисунками: на одной чернилами была нарисована косомордая собака, с мечтательным выражением смотревшая на бутерброд, спускавшийся к ней прямо с неба.

На второй дощечке был нарисован козел (его можно было узнать по рогам), улыбаясь во весь рост, он жевал пучки чернильных спиралей и завитушек, изображавших сено.

Над третьей корзиной висел плакатик с белой, у которой хвост не поместился на дощечке, отчего она не очень была похожа на белку. Поэтому для ясности сбоку были пририсованы орех и яблоко.

Дежурные близнецы с Мухолапкиным следили, чтобы всю принесенную еду складывали в нужные корзины, а то уже бывали случаи, когда львам попадали пирожки с капустой, а кроликам — мясные котлеты!

Малыш положил два яблока в беличью корзинку, сосиску в собачью, конфету на всякий случай сунул козлу, занятому чернильной закуской.

Ломтик, которому, по обыкновению, совершенно нечего было класть в корзины, потому что все съедобное, что он собирался принести зверям, как-то само собой укладывалось до последнего кусочка, ломтика и крошки в самого Ломтика, только повертелся около сарая и хотел было идти в дом, как вдруг заметил среди знакомых ребят большеголового мальчика. Он стоял в стороне с большим пакетом под мышкой.

Нельзя сказать, чтоб он выглядел совершенным уродом, но весь его вид — старообразное унылое лицо и круглая тяжелая голова на тонкой шейке, болтавшаяся («Как арбуз на ниточке», — подумал Ломтик), — вызывал жалость.

Уже не в первый раз, вспомнил Ломтик, видел он этого малыша в матросском костюмчике — какого-то жалкого и неумелого, всегда старавшегося неуклюже подражать окружающим ребятам.

Ломтик подошел и, сложив руки на животе, пристально стал его рассматривать.

— Тебе говорил кто-нибудь, что ты здорово чудной парень? — серьезно спросил Ломтик, продолжая разглядывать его во все глаза.

— Один человек говорил.

— Ну, так он тебе не соврал, — сочувственно уверил Ломтик. — Как тебя зовут?

— Пафнутик.

— Вот это да!.. — ахнул Ломтик. — Но знаешь, тебе, пожалуй, даже подходит. Такое же чудное имя, как ты сам... Ну, покажи, что это ты там приволок.

Пафнутик развернул свой пакет. Оттуда пахнуло запахом, от которого у понимающего человека текут слюнки. А Ломтик был очень понимающий.

— Пахнет просто до невозможности!.. Прямо трудно рядом стоять.

— Да, — согласился скромно Пафнутик. — Это потому, что они слоеные и начинка из взбитых сливок с бананово-ананасным сиропом и разными орехами.

— И откуда только такие берутся? — благоговейно прошептал Ломтик.

— У моего отца кондитерская фабрика. У него всякие пирожки пекутся. И если они получают-ся не совсем ровные, они не идут в продажу, и он их отдает мне. Я могу брать сколько угодно. Хоть целый мешок.

— А-а, вот это жизнь! — мечтательно ахнул Ломтик.

В это время из сарая вышел Мухолапкин.

— Ну, есть еще кто-нибудь? Корзины почти полные.

Какой-то малыш с крутым яйцом, зажатым в кулаке, спросил, кому его отдавать: козлам, белкам или собакам?

— Разберемся, — сказал Мухолапкин, взял у Пафнутика пакет и положил в корзину. — Пошли поговорим с Коко.

На пороге дома появился Коко и пригласил всех входить. Пафнутик, по обыкновению, плел-

ся в самом хвосте с унылым и покорным видом, но глазки его так и бегали, все примечая. Дождавшись, когда все вошли и дверь закрылась, он потихоньку вернулся обратно к сараю. Оттуда слышалось легкое похныкивание Ломтика. Он стоял у корзины со слоеными бананово-ореховыми пирожками и жадно жевал и глотал. При этом он сопел и чмокал от наслаждения и хныкал от стыда и страха, что его могут поймать.

Пафнутик подождал немного и скромно хихикнул.

Ломтик проглотил сразу такой громадный кушище, что у него гукнуло в горле, и в ужасе обернулся.

— Вкусненько? — вкрадчиво, но с легким нахальством спросил Пафнутик.

Ломтик громко захныкал и бросил оба недоеденных пирожка обратно в корзину.

— Это все ты виноват, свиньища кондитерская! Нарочно притащил свои пирожки, которые пахнут так, что человеку выдержать невозможно! Лопал бы сам, а не подбивал людей. Змей! А теперь все меня будут презирать из-за тебя, скажут, что я отнимаю у несчастных зверушек!

Пафнутик примирительно заметил:

— Советовал бы тебе доесть твои огрызки. По ним ведь все равно догадаются, что это ты.

— И пусть! Все равно я пропащий человек! Я жадина, самая уж настоящая!

— Доешь, доешь...

— Еще советы подает, змея! — ненавистно прохныкал Ломтик и замахнулся на Пафнутика. Потом быстро выхватил оба огрызка из корзины и запихнул в рот.

— Я ведь могу никому и не говорить, — глядя в сторону, невинно произнес Пафнутик.

— Так я тебе и поверю, пирожник паршивый!

— Я не паршивый, я хороший, — быстро заговорил Пафнутик. — Ты же видишь, я ношу пирожки, я сочувствую, я хочу помогать и стараться делать, как все ребята... и мне нравятся всякие сказки, а от меня скрывают, считают за маленького, и мне обидно!..

— Чего от тебя скрывают?

— Вот мы все носим пирожки, и котлеты, и бутерброды, и морковку. А куда они идут? Ты мне только одно слово скажи, и я догадаюсь и буду еще больше носить!

— Отстань. Не знаешь, и знать не надо!

— Я тебе завтра принесу две дюжины таких пирожков — отдельно для тебя!.. Ну не слово, одну буковку хоть скажи!

— Уйди!

— Ладно, пойду. Придется, видно, рассказать, что я принес сегодня ровно двадцать четыре пирожка, пусть пересчитают, сколько осталось.

— У-у, головастик ядовитый! Ну, первая буква «б». Хватит с тебя!

— Значит, туда и деваются корзины? Скажи еще только одну буковку.

— А тогда никому не скажешь?

— Сегодня не скажу.

— Змей!.. Ну, вторая буква «а». Больше все равно не скажу. Бежим в дом, нас искать станут!

— Завтра будут тебе пирожки! — подмигнул Пафнутик.

Глава 29

ДРАКОН И РВАНЫЙ ХАЛАТИК

В доме топился камин, и Коко, сидя посреди комнаты на полу и сокрушенно качая головой, разбирал и раскладывал обожженные по краям листки сказок, принесенные ребятами. Весь пол вокруг него был занят мальчиками и девочками. Они сидели так же, как и Коко, скрестив по-турецки ноги, и следили за руками Коко, перебиравшими листки.

— Вот листок с картинкой из «Маленькой Русалочки»! Вы помните эту сказку?.. (Ребята помнили.) Хорошо! «Братья-лебеди». Тоже помните? Ну, «Красную Шапочку» я вам рассказывал прошлый раз. А вот кусочек шествия гномов из «Белоснежки», ее-то вы хорошо запомнили?

— Запомнили! Все запомнили!

— А надолго?

— Совсем запомнили! — кричали в азарте ребята. — Навсегда!

— Только на ваши головенки у меня и надежда! — грустно сказал Коко. — Скоро в городе не станет книжек со сказками. Не станет и меня. Но то, что в ваших глупых лохматых головенках, нельзя сложить в кучу и поджечь!

— Не глупых!.. — смеясь, заспорили с Коко ребята. — Не лохматых!.. А вот тут кто нарисован? Мы этой сказки не знаем!

Коко со вздохом рассмотрел листок и сказал:

— Тут молодой король и старый дракон — они сражаются не на жизнь, а на смерть, вот что тут нарисовано!

— Сказку! Сказку про старого дракона!.. Рассказывай!

«Ах ты боже мой, — сказал себе Коко. — Только совершенно безнадежно легкомысленный, вконец несерьезный человек может сидеть и рассказывать детям сказки, когда бедный друг Капитан Крокус прячется со всей нашей скотиной на барже, где его вот-вот найдут сыщики. Когда все гибнет: цирковые клоуны, животные и сказки! А детей превращают в тупые автоматки, а взрослых — в набивные чучела! Если бы я был хоть сколько-нибудь серьезным человеком, у меня на душе было бы черно, как на угольном складе безлунной ночью. Все безнадежно, а я благодаря своему легкомысленно-клоунскому характеру, испытывая глубокую душевную грусть, остаюсь в жизнерадостном настроении. Наверное, мне помогает злость против этих тай-

ных мерзавцев, управляющих нашим несчастным автоматизированным городом. Что мне остается? Рассказывать побольше сказок, чтобы они не погибли вместе со мной? Ну, и буду рассказывать, буду! Буду!...»

— Ладно, ребята, начинается сказка!

Сидя на полу, Коко пододвинулся и оперся о подлокотник кресла, в котором сидел, кутаясь в плед и перекатывая в зябнувших ладонях горячий каштан, обезьяний дедушка. Он чувствовал себя плоховато и теперь просиживал перед камином целыми днями и больше всего любил дружелюбно почесывать при этом макушку Коко, когда мог до нее достать. Теперь он сразу же потянулся и почесал макушку и даже не убрал руки с головы Коко, точно заранее одобряя все то, что тот собирался делать.

Камин, куда теперь все усталились, полный россыпью пылающих углей, жил своей волшебной жизнью. Там перебегали и переливались золотистые, алые и синие огоньки, сияющие здания громоздились и рушились и рассыпались с чуть слышным звоном и тотчас возникали новые, дыша в лица сидевших перед камином жаром и светом...

— ...Так вот, этот молодой король, — начал рассказывать Коко, — был, в общем, очень порядочный парень. Ему здорово досталось от семиглавого старого дракона. По правде говоря, дракон задал ему перцу, но у дракона все-таки сердце было

крокодиле, а у молодого короля — настоящее человечье. Дракон кусал его от злости, а молодой король сражался, чтоб спасти своих людей, которых пожирал дракон. Понимаете? Дракону просто хотелось жрать, а молодой король любил людей и во время боя думал о маленьких человечках, которых дракон сожрет, если победит, и он решил лучше погибнуть, чем позволить дракону безобразничать в своем королевстве.

И именно поэтому молодой король победил дракона и отрубил у него все семь голов! Устал он, я вам скажу, как дровосек, который целый день рубил дубовый лес тупым топором, зато все жители бросились целоваться от радости, размахивать флагами, платками, полотенцами с балконов и с крыш, пустились плясать и дудеть в трубы и натащили королю в его замок целую гору жареных гусей, пирогов, колбас и всякой всячины!..

Ну, прошло некоторое время, все поуспокоились, колбасы были съедены, и гуси тоже, и королю пришлось поехать в лес поохотиться самому, чтоб раздобыть чего-нибудь себе на обед. Ехал он, ехал по лесу, пока, наконец, не заблудился и очутился на маленькой полянке около бедной хижины. И там он встретил девушку с граблями, которая ворошила сено. И была она приветливая и разумная, с льняными волосиками и веселыми глазками. Молодой король просто ахнул: куда лучше она была всех его знакомых соседских королев, герцогинь и баронесс! Куда им!

Она напоила молодого короля ключевой водой и вывела на дорогу. И он смотрел на нее с восхищением и все время надеялся, что она окажется в конце концов царской дочерью, которую заколдовала злая колдунья, как это нередко случается в сказках. Но в этой сказке, как на грех, этого не случилось!

Девушка была просто прелесть: и красавица, и умница, и стоило на нее посмотреть, как королю хотелось смеяться от радости. Но ничего не поделаешь — она оказалась самой простой крестьянской девушкой, и ничего королевского в ней не было, хоть тресни!

Вот тут молодому королю пришлось помучиться похуже, чем со старым драконом: ведь жениться королю на мужичке — это просто скандал на весь свет, а без нее ему опротивело все на свете, и он забросил все дела и только все ездил на охоту и сбивался с дороги, чтоб поболтать с девушкой, у которой было очень красивое имя, но все окружающие звали ее ласково Рваный Халатик — до того она была бедная.

Девушке молодой король тоже пришелся по душе, и она, может быть, одна из всех не забыла историю с драконом, но все равно и слышать не желала, чтоб стать королевой.

Ну, как только она стала отказываться, король окончательно решил жениться на ней, наплевать на своих соседей и придворных, и стал ее изо всех сил уговаривать.

Но та твердила ему все одно и то же: «Я верю, что ты меня любишь всем сердцем, пока я Рваный Халатик, но, когда я стану королевой, в один прекрасный день мы можем поссориться, и тут-то твои придворные напомнят тебе, что я не прирожденная королева и не баронесса. Вот тогда, в злую минуту, ты возьмешь да и прогонишь меня!»

В конце концов она все-таки согласилась выйти замуж за короля, но взяла с него клятву: если они когда-нибудь поссорятся и он вдруг решит ее прогнать, он позволит ей унести с собой из замка три ноши, чего она пожелает — самого дорогого, только не больше, чем сможет поднять и унести на спине.

После этого они поженились и зажили счастливо. А скоро в замке запищал и задрыгал ножками маленький будущий король, и все было бы хорошо, если бы не придворные.

Они не переставая хихикали за спиной у короля, насмехаясь над королевой: растопыривая пальцы, как грабли, они представляли, что сгребают сено, и чуть не лопались со смеху!

Король все это замечал и поскрипывал зубами, но терпел.

Однажды он все же поссорился с женой, и тогда он выместил на ней всю злобу, порядком накопившуюся в нем, пока ему приходилось терпеть унижения от своих спесивых индюков-придворных, гордившихся своими родовыми хвостами, когда поблизости не было драконов!

Королева преспокойно выслушала приказ убраться, откуда пришла, и стала собирать свои пожитки: старые платья, ночные туфли и чепчики. Все это она связала в узел, взвалила на спину, и придворные, себя не помня от радости, кинулись отворять ворота и спускать подъемный мост. И она прошла по мосту, вышла из замка и сложила свою первую ношу на лугу, среди зеленой травки за замковым рвом.

Король бесновался и топал ногами, но ему все-таки было немножко не по себе, и потому он как только мог грубее кричал:

— Что ты таскаешь всякую дрянь, дуреха! Бери лучше вот эти золотые цепочки и ожерелья, бери побольше. Сколько бы ты ни взяла, я буду считать, что легко отделался!

Но королева Рваный Халатик, вернувшись в замок, расстелила на постели одеяло, усадила на него своего сына, маленького королишку, закутала и понесла из замка, а он смеялся от удовольствия и махал отцу на прощанье ручкой!

Тут короля чуть-чуть не хватил удар. Уж этого-то он никак не ожидал. Он чуть было не вырвал своего сынишку силой, но ведь он дал клятву и отступить от нее не мог. И он только дергал себя за волосы, и кусал губы, и топал ногами от бешенства и горя, украдкой глядя из окошечка башни, как королева со своей второй ношей переходит через ров по мостику и сажает своего сына среди зеленого лужка и возвращается обратно за третьей ношей...

Но на этом месте Коко, у которого пересохло горло, прервал рассказ и сказал:

— Уф-ф-ф!.. Я сам устал, точно мне пришлось таскать все эти ноши по крутым лестницам каменной башни, через весь двор, в ворота и через мостик на луг!

Дети закричали со всех сторон:

— Две ноши!.. Ты рассказал только про две!

— Сейчас будет и третья. Кто угадает, что королева захватила с собой в третий раз? Ведь это была последняя, больше она ничего уже не могла с собой унести. Ну?

— Я знаю! — обрадованно засмеялся Ломтик. — Сказать? Ясное дело: она пошла на кухню, в кладовую, собрала там все сладкие пирожки, и колбасы, и шоколад, и груши, и все, что было, и унесла с собой! Верно?

Коко заметил, что маленький Пафнутик, снисходительно улыбаясь, молчит.

— Ну, ты догадался?

— Конечно! Если она была разумная женщина, она должна была захватить совсем другое! Уж не колбасу, конечно!

— Правильно!

Пафнутик скромно улыбнулся:

— Конечно, она взяла ценные бумаги, акции, облигации, чековую книжку короля и наличные из королевской кассы!

— Ловко! — закричали одни дети.

Но другие замахали руками на Пафнутика, закричали, загалдели:

— Сам ты «ценная бумага»!

— Попал пальцем в небо!

И Коко пришлось продолжать самому:

— Итак, она вернулась в последний раз в башню, и, когда она проходила через замковый двор, придворные гроздьями висели, чуть не вываливались из окошек, так им не терпелось поглядеть, что будет дальше, и запереть ворота, как только королева Рваный Халатик выйдет со своей последней ношей.

Король был вне себя от горя, что у него отняли его маленького королишку. Он стоял багровый как свекла и кусал кулаки, чтобы не зареветь или не убить кого-нибудь, и тут к нему подошла королева Рваный Халатик и сказала:

— А теперь садись ко мне на спину ты, моя самая тяжелая ноша!

Больше ей в этом замке ничего не нужно было! Это даже король понял!..

И вот придворные увидели очень скоро, как король с королевой вышли из ворот на лужок, и королева взяла на руки сына, а король взвалил на спину узел с чепчиками, ночными туфлями и платьями, и, крепко держась за руки, они вместе вернулись в замок!

— И они устроили пир! — в восторге закричал Ломтик.

— Здорово! — воскликнул Пафнутик. — Вот это ловкий ход, ничего не скажешь! Это пещище ценных бумаг!

И тут Коко впервые очень внимательно на него посмотрел и подумал: «До чего странный мальчик!.. Жалкий и странный!»

Сказка кончилась, и Коко спросил:

— Все запомнили?

— Все-о!

— Надолго?

— Насовсем!

И Коко, вытирая пот со лба, с облегчением подумал: «Ну, будь что будет, а еще одна сказочка надежно припрятана!..»

Глава 30

ТАКАЯ УЖАСНАЯ, ЧТО ЕЙ И НАЗВАНИЯ НЕТ

Поздней ночью, когда ребята давным-давно разбежались с пустыря, притихли в своих болотцах лягушки и все звери, от львов до самого маленького крольчонка, сопели во сне, свернувшись в отсеках железной баржи, Коко осторожно спустился с откоса крутого берега, прошел по причалу и три раза тихонько кашлянул. ' ' '

Капитан Крокус выглянул из окошечка своей маленькой железной каютки, где он теперь про-

водил все дни и ночи, вышел на палубу и спустил для Коко длинную доску — сходню.

Тяжело пыхтя, Коко прошел в каюту и осторожно сложил в углу кипу обгорелых листов сказочных книжек.

— Бедные сказки! — сказал Капитан Крокус, бережно разглаживая листки. — Вас арестовывают и казнят, точно страшных преступников... А ты сегодня опять что-нибудь рассказывал ребятам?

— Конечно, рассказывал. Каждый вечер мне удастся спасти две-три сказки. Иногда только одну, если она длинная. Сегодня была длинная. Вот эта, про старого дракона, молодого короля и девушку Рваный Халатик. Я ее порядочно подзабыл, так что пришлось, может быть, кое-что и приврать, но мне кажется, сказки на это никогда не обижаются, если делаешь это от чистого сердца... Ведь правда?

— Мне тоже так кажется. А как себя чувствует наш дедушка?

— Он скучает, но здоровье лучше: постоянное сидение перед огнем камина ему идет на пользу... И он ужасно любит мне почесывать макушку. Если так пойдет дальше, определенно прочешет мне хорошую лысинку!.. Как ты тут на барже? Сидишь себе, как на ковчеге, битком набитом всяким зверьем, и чувствуешь себя как Ной? Помнишь старую легенду о том, как Ной спасал-

ся вместе со всякой скотинкой и зверятиной от наводнения на корабlike собственной конструкции, под названием «Ковчег»?

— За Ноем не охотилась полиция! — грустно улыбнулся Капитан. — Но я, пожалуй, чувствую себя немножко Ноем.

— И я сейчас тоже, — жизнерадостно объявил Коко. — Только мы оба отличаемся от старика тем, что сидим и не ноем, верно?

— Ныть и жаловаться — никчемное занятие. Но на что мы можем надеяться, как ты думаешь?

— Если б я знал на что, я бы с утра до ночи все время только бы на это и надеялся. И чувствовал бы себя отлично. Но, откровенно говоря, я совершенно не могу придумать, на что бы это нам начать надеяться, а?

— Да, старина, — сказал Капитан Крокус. — Дела правда плоховаты, и на ум мне приходят странные вещи. Я вдруг начинаю вспоминать молодость и даже детство, когда я был маленьким, и я задаю себе вопрос: не зря ли я прожил жизнь?

Коко сокрушенно покачал головой:

— Знаешь, я неисправимо легкомысленный тип! На уме у меня все больше разные глупые смешные истории, значит, мне гораздо легче приходится в тяжелое время, чем тебе... Во-первых, мы еще не прожили, а постараемся еще пожить. Но все равно, мы прожили не зря. Ты только вспомни: дети! Как они любили тебя, пугались, сочувствовали, восхищались твоей храбростью и

твоими львами! Не стану приbedняться, меня они тоже любили. Тайные заседатели из Совета Многоэтажников со своим генерал-болваном знают, что делают, когда хотят нас уничтожить. Ведь мы учили ребят храбрости! Ты учил смотреть в глаза львам! А я, смешной, доверчивый, неловкий, беспомощный, у них на глазах побеждал всех самых сильных, жадных и хитрых! И я обливал их водой!.. И когда у меня победоносно зажигался красным светом нос и коварные враги взрывались на собственной бомбе, дети захлебывались от восторга, хохотали и кидали моему Персику яблоки на арену! Как они смеялись! И как они радовались, что смешные, слабые и добродушные торжествуют над злыми и сильными! Не-ет, мы с тобой, видно, стали очень опасными людьми в нашем городе! Ужасно опасные! Это наполняет мое сердце гордостью!..

Мимо старой баржи, привязанной к причалу, с музыкой гордо прошло большое, яркое освещенное судно, на палубе которого танцевали пассажиры.

Старую баржу качнуло несколько раз на волне, в капитанской каюте слабо засветились стекла разбитых приборов, и тень штурвального колеса легла на стенку.

— Старушка, кажется, не прочь еще поплавать! — сочувственно заметил Коко. — Когда нас вот так покачивает, кажется, что ты на настоящем корабле и вот-вот уплывешь куда-то...

Они помолчали, глядя на качающиеся столбики разноцветных огоньков, отраженных в воде.

— Мне тоже вспоминаются последние дни детства и моя мама, — мечтательно проговорил Кокко. — Так и вижу ее в коротенькой розовой юбочке с блестками, как она танцевала на толстой белой лошади. В холодные ночи она укрывала меня целой кипой розовых и голубых юбочек и рассказывала мне, как я вырасту и сделаюсь страшно знаменитым музыкантом... Смешно...

— Ни капельки! — строго отрезал Капитан Крокус. — В самом деле: кто лучше тебя умеет играть на одной струне, колокольчиках и сковородках? Или на такой вот малюсенькой скрипочке... На обыкновенном рояле всякий сыграет, это не штука!

— Ну, мама как раз думала о другом. Она мечтала о том времени, когда не сможет уже больше танцевать на спине лошади и станет старушкой. И тогда она будет приходить на мои знаменитые концерты, и все люди будут восхищаться, до чего я быстро и громко играю на самом большом рояле, а она будет сидеть в первом ряду и гордиться, что у нее такой сын!..

И вот однажды какой-то недотепа из публики для смеху взорвал хлопушку под самым носом у лошади, напугал ее так, что она отскочила в сторону, и мама упала и не могла подняться, и тогда клоуны подхватили ее и, хихикая и показывая рожи публике, поскорей унесли на руках.

Прежде чем за ней закрылся занавес, она улыбнулась, сделала ручкой «комплимент» публике. И она больше не открывала глаз до самого конца и не могла говорить и только кончиками пальцев — я как сейчас чувствую, до чего они были тоненькие и холодные, — все время вытирала мою мокрую щеку под глазом... и все...

— Только не расстраивайся, — умоляюще пробормотал Крокус. — Ведь я все это знаю и даже помню твою маму, такую тоненькую... в розовой юбочке с блестками. Она была такая молоденькая.

— Очень молоденькая, и это мне больше всего обидно. А ей так хотелось побыть хоть немножко старушкой, но не пришлось... Она так и осталась моей молоденькой мамой, танцующей в своей юбочке на толстой белой лошади. И это так странно думать, что я сейчас почти на двадцать лет старше своей мамы, правда?

Коко, всхлипнув, засмеялся и, смеясь, всхлипнул и тихо вздохнул.

— Да... — задумчиво сказал Капитан Крокус, тихонько сжав плечо друга. — А толстая белая лошадь скоро умерла. От горя, что некому было больше на ней танцевать.

...Пришло время расставаться. Коко встал и, пожав руку Капитану, на цыпочках вышел на палубу.

В тот момент, когда Коко уже начал спускаться по доскам на причал, Капитан его окликнул и догнал.

— Возьми, — сказал он, протягивая один из своих пистолетов. — Тебе теперь может пригодиться.

Коко кивнул и неловко заткнул большой пистолет себе за пояс, как это делали в старину разбойники, и осторожно стал пробираться в темноте вдоль берега, а затем, цепляясь за кусты, карабкаться вверх по крутому обрыву.

Какая-то странная маленькая фигура мчалась ему навстречу сверху, волоча за собой шлейф. В следующее мгновение они столкнулись, и Коко узнал обезьяньего дедушку. Что-то несвязно лопоча, он тряс Коко, ухватившись за рубашку на груди, выходил из себя, видя, что тот ничего не понимает, чем-то старался его напугать, предостеречь и в конце концов как сумасшедший запрыгал на одном месте, путаясь в длинном пледе, свисавшем ему ниже пяток.

Рукой он показывал в ту сторону, где над обрывом стоял домик, откуда он, видимо, только что убежал.

Коко закутал его в плед и взял на руки, потихоньку уговаривая успокоиться. Наконец тот стал бормотать потише и даже, положив руку на голову Коко, потихоньку почесал ему макушку.

В доме что-то случилось. Вернее всего, просто-напросто нагрянула полиция. Вернуться на баржу, конечно, нельзя, бежать совершенно некуда. Выхода нет. Нужно возвращаться в дом. И, прижимая к себе старую обезьяну, Коко медленно стал подниматься по обрыву.

Около дома все было тихо, У калитки дедушка опять заволновался и, жалуясь, точно ребенок, которого обидели в отсутствие взрослых, показал на какие-то следы, которые Коко так и не смог разглядеть.

Коко отпер калитку — во дворе никого не было. Они поскорее прошли в дом и заперлись. Дедушка сейчас же забрался в кресло и протянул длинные черные руки к теплу догорающих углей.

Когда Коко присел перед ним на корточки с ложкой, полной лекарства от простуды, старик скроил ужасную рожу и, только убедившись, что в другой руке уже приготовлен банан на закуску, сморщился, забурчал, показывая, на какую большую жертву он идет, и начисто облизал ложку.

Потом он уже напоказ закатил глаза и долго тряс головой, косясь на Коко, и после всех этих обычных церемоний аккуратно и вдумчиво очистил от кожуры банан, так что кожура развернулась, как лепестки цветка, откусил первый кусок и с благодушным видом начал жевать, поглядывая по сторонам.

Встретившись глазами с Коко, он вдруг страшно вытянул губы вперед, требуя, чтоб тот подставил щеку. Коко пододвинулся, и старик, ткнувшись ему в щеку, пошлепал губами, что означало дружеский поцелуй. Потом рукой, в которой был зажат банан так, что свободным оставался только мизинец, дедушка почесал приятелю макушку и сунул ему в рот банан, предлагая откусить кусочек.

После всего этого дедушка два раза тихонько подскочил на пружинах кресла, чтоб показать, как хорошо себя чувствует в обществе такого приятного человека, как Коко, и тут они оба замерли.

В дверь постучали. Это было странно, потому что калитка была заперта хорошим новеньким замком.

— Кто там? — спросил Коко.

Хрипловатый, но как будто знакомый голос ответил из-за двери:

— Не пугайтесь, это я, Пафнутик! Я принес пирожки!

— Пафнутик? — тревожно переспросил Коко. — Почему ты так поздно? И что у тебя с голосом?

— Меня не пускали мама, бабушка и папа еще мои тетя и дядя. Они заставляли меня рисовать картинки домиков, потому что я очень хорошо умею.

— Ночью? — хмурясь, спросил Коко. — И чего ты так сипишь?

— Я не слушался маму и много кушал мороженого. Разрешите, я вам только отдам корзиночку и побегу домой.

Голос был, без сомнения, Пафнутика, и Коко нерешительно отпер и приоткрыл дверь. Обезьяний дедушка вскочил и стоял ногами на кресле, глядя на дверь, весь взъерошенный, испуганный, и кожа банана в его руке тихонько дрожала.

Пафнутик вошел странной, развязной походкой и хрипато бросил через плечо:

— Взять! Наручники!

Коко в ужасе всплеснул руками. При этом он воскликнул: «Пафнутик!» Но на свободе он успел выговорить только «Паф...», потому что на его запястьях звонко щелкнули наручники, прежде чем он успел договорить «...нутик».

Двое здоровенных полицейских схватили за локти скованного Коко. Двое других кинулись на обезьяньего дедушку, и все, что он успел сделать, — это шлепнуть одному из них в морду огрызок своего банана. Его схватили с двух сторон за руки и за ноги так крепко, что бедный старик был лишен даже своего последнего удовольствия укусить кого-нибудь из них. Барахтаясь в руках полицейских, старик только на одно мгновение сумел, вывернувшись из-за плеча врага, кинуть взгляд на своего приятеля и прощально гукнуть.

В то же время Коко почувствовал у себя под руками ручку пистолета, торчавшего за поясом, и, хотя его сдавливали с двух сторон полицейские, он, рванувшись, отчаянным усилием достал до ручки и, успев чуть приподнять ствол так, чтобы не прострелить себе носок ботинка, надавил спуск. Пистолет Капитана Крокуса бухнул с обычным своим громом небольшой, но и не очень маленькой пушки, и в окошке со звоном вылетело стекло.

Один из полицейских ударил Коко в живот, другой — в спину и они все втроем рухнули на пол. Его быстро обыскали, ощупали и все на нем вывернули наизнанку.

Когда, сидя на полу, он чуть-чуть оправился и открыл глаза, он увидел, как безжизненное тело с волочащейся по полу рукой старого дедушки тащили к выходу полицейские. Пять минут назад эта самая рука держала банан, почесывала приятелю макушку... Коко разрыдался бы, если бы не боялся насмешить своих врагов. Маленький Пафнутик с удивительно странным выражением лица стоял прямо против него и презрительно шурился.

— Ох и мерзкий же ты мальчишка! — грустно проговорил Коко. — Что будет, когда ты вырастешь?

Пафнутик неподвижно, пристально смотрел, не моргая:

— Старый шут! Прекратите свою расслабленную, безмозглую болтовню! Сейчас вас отправят прямо на Чучельный комбинат. Он работает теперь и ночью. После известного вам побега животных теперь их обезвреживают сразу же... Вот как ту вонючую обезьяну. То же будет с вами. Фокусы кончены. У вас есть последнее желание?

— Есть.

— Говорите скорей.

— Желаю тебе, чтоб ты пополам лопнул, маленький паршивец!

— Шутки кончены, клоун! Балаганщик! Гороховый шут! Вы знаете, кто я? Слыхали про знаменитого сыщика Тити Ктифф? Смотрите. Это я!

— Ай-ай-ай! Подумать только! Такой маленький — и уже такой негодяй!

— Я не маленький. Это мое временное состояние, которое стало необходимым, чтобы проникнуть в самую сердцевину вашего заговора. Теперь вы все в наших руках... Живо отвечайте, где сбежавшие звери — кошки, собаки, львы, которых ваши сообщники увезли в черном фургоне? Они где-то близко, мы их все равно обнаружим в двадцать четыре часа. Ну?

— Вот тебе! — мужественно показал ему кукиш Коко. — Не найдешь ни в двадцать четыре, ни в двести двадцать четыре! Близко? Пальцем в небо!

— Убежище, где скрываются беглые, начинается с буквы «б»!.. Что, неправда? А вторая буква... Ну? Как вторая буква? Говорите, и вы облегчите свою участь. Ну? Ладно, сам скажу: «а»... Ну, а следующая?.. Дальше!

Сердце у Коко так и обдавало холодом и жаром после каждой буквы, точно на горячую сковороду шлепнули большую порцию мороженого! Он так и думал, что окаянный Пафнутик договорит «ржа», и все пропало! Но вслух Коко только засмеялся:

— А дальше опять «б», потом опять «а»! Так и будет «ба-ба-ба»! Сиди и квакай, как маленький несмышлениш, который никак не научится говорить «па-па-па».

— Неважно, — процедил сквозь зубы Тити-Пафнутик. — Узнаю сегодня же. Теперь слушай меня, преступный шут! Идет последний час твоей дурацкой кривлячей, бессмысленной жизни —

можешь это понять? Через час твое чучело будет стоять на складе рядом с чучелом мартышки и другими чучелами самых тяжелых преступников. И компания будет довольно большая!.. Быстро, последнее желание, или я тебя отправлю так.

— Хорошо, — сказал Коко. — Последнее так последнее. Подведите меня к зеркалу!

Толчком в спину его сразу поставили перед зеркалом. Коко критически осмотрел свое печальное изображение и покачал головой:

— И вот в таком виде из меня сделают чучело?.. Откровенно говоря, мне это не по душе. Скажите, мерзавцы, а вам приходилось отправлять на комбинат для очучеливания, скажем... генералов?.. Ну, офицеров?

— Сколько угодно! — самодовольно оскалился один из верзил, державших его за локти.

— Мерси за любезность, жаба! — вежливо поблагодарил Коко. — А в каком виде их отправляли? В форме? Объясните.

— В полной форме, в треуголках с петушиными перьями. А как же иначе его отличишь потом от других в Чучельном музее?

— Так вот, мое последнее желание — я тоже хочу надеть перед смертью мою полную форму! А?

— Верно. Но поживей! Одевайтесь! — нетерпеливо поморщился Тити-Пафнутик.

— Да ведь костюм-то в цирковой костюмерной, безмозглый ты предателишка! — укоризненно заметил Коко. — Привезите его сюда.

— Нет, шут, здесь, в домике, мы тебя не оставим!.. — Тити-Пафнутик повелительным жестом указал полицейским на разбитое стекло: — Сейчас же вставить новое! Все должно выглядеть нетронутым. Будем пропускать на пустырь всех. Обратно — никого! Мышеловка! Ясно? Все оцепить тройной цепью. А это будущее чучело — прямо в тюрьму! Завтра, перед отправкой на комбинат, я отвезу его в цирк переодеться. — Он презрительно через плечо бросил взгляд на Коко: — Слыхал, несчастный Петрушка?

— Слыхал, гаденыш. Ты мне льстишь, называя меня этим уважаемым и милым именем: Петрушка! Это имя ласкает мой слух! — бодро и насмешливо сказал Коко.

В последний раз он оглядел комнату, где еще валялся на полу плед у потухающего камина, и подавил тяжелый вздох.

Глава 31

ОПОЗОРЕННЫЙ ДИПЛОМ ОБ ОКОНЧАНИИ ДЕТСТВА

Капитан Крокус услышал отдаленный выстрел своей карманной пушки и понял, что это сигнал бедствия. Миролюбивый Коко ни за что не решился бы палить без крайней необходимости.

От звука выстрела встрепнулся и проснулся поросенок Персик, спавший, втиснувшись среди львов.

Большую часть жизни он прожил среди львов и очень к ним привязался. Он просто обожал львов: они были такие теплые и большие, и на них можно было влезать, как на лохматый пригорок, и теревить их за уши, и они, вздрагивая от щекотки, очень осторожно скатывали его на землю и смешливо жмурились, ожидая, когда он снова на них набросится.

И вот, услышав ночной выстрел, весельчак Персик точно взбесился — расхрюкался, растолкал львов и бросился к железной двери и попытался ее выбить своим розовым пяточком.

Капитану Крокусу пришлось спуститься в львино-пороссячье отделение ковчега, чтоб попытаться его успокоить.

— Ты же понимаешь, что здесь нельзя шуметь на всю округу! — укоризненно уговаривал Крокус. — Тише, тише! Иди ко мне в каюту, посидим вдвоем, посмотрим на огоньки.

Но куда там! Обычно такой сговорчивый и покладистый, Персик не находил себе минуты покоя, нюхал следы, сопел от волнения, как пять больших свиней, и, постанывая от нетерпения, рвался на берег.

На всякий случай Капитан решил вытащить на палубу доску, соединявшую баржу с причалом, чтоб поросенок не мог убежать. Но пока он тянул тяжелую доску, поросенок, который все метался по палубе, вдруг с разбегу сиганул через борт, шумно шлепнулся в воду и поплыл. Напрасно

Капитан Крокус его звал, напрасно всматривался в темноту — ничего невозможно было разглядеть. Через минуту он услышал новый всплеск — это поросенок, добравшись до мелкого места, выбирался на берег. Он тихонько хрюкнул, давая знать, что доплыл благополучно, и, сразу перестав шуметь и хрюкать, крадучись, стал подниматься по крутому берегу.

Что-что, а в прятки этот поросенок играть умел! Он сразу сообразил, что в доме чужие люди, и, никем не замеченный, прижимаясь к забору, заглянул во двор. Калитка была раскрыта настежь. В доме громко переговаривались полицейские, вставляя новое стекло.

Поросенок, весь сжавшись и пригнувшись, осторожно переступая короткими ножками (ему казалось, что он в точности похож в эту минуту на подкрадывающуюся пантеру), обнюхал следы Коко, обрывавшиеся около полицейского автомобиля. То находя, то теряя на ходу след автомобильных шин — он был не очень-то блестящим следопытом, — Персик, обходя болотца, лужи и высокие холмы шлака, через лопуховые заросли добрался до заброшенной трубы. Очень смутно припомнил, что как будто уже бывал в этой трубе, и осторожно ступил в еще более черную темноту, чем на пустыре...

...В это же самое время в маленькой столовой над обеденным столом уютно светила лампа, освещая тарелки с голубым ободком, сухарницу,

масленку, откупоренную баночку с джемом и пузатую чашку, на боку которой был нарисован мышонок-боксер.

Это была старая детская чашка Малыша, из которой он пил еще до того, как получил Диплом об Окончании Детства. Малыш, прихлебывая из этой чашки, доедал десятый ломтик хлеба с вареньем и маслом и отчаянно врал. А мама, намазывая ему одиннадцатый кусок, задумчиво смотрела на своего сына и с грустью слушала, как он врет.

Когда он на минуту запнулся, не сразу придумав, что врать дальше, мама тихонько спросила:

— Хорошо, ты присутствовал на площади, когда там жгли сказки, но ведь все это давно уже кончилось. А ты вернулся так поздно.

— Ну, знаешь, я подзадержался там... Потому что... Ага, вспомнил! Ведь, знаешь, отдельные листики этих сказок взлетали, их разносило ветром, и нам, Маленьким Взрослым, велели их собирать. И мы их аккуратненько собирали и сдавали пожарным, и нас хвалили. Очень хвалили. А как же? Сказки-то вредные? Значит, и листки вредные. Верно?

— Не знаю. — Мама отвела глаза в сторону. — Вы, Маленькие Взрослые, теперь такие умные, что знаете куда больше, чем мы, взрослые взрослые... Но может быть, ты скажешь, зачем ты взял отбивные котлеты? Ведь они были сырые. И если они тебе понадобились, почему ты меня не спро-

сил? Я бы тебе сама отдала. Только поджарила бы сначала.

— Их вовсе не надо было жарить! — выпалил Малыш, и так как это были первые слова правды за весь вечер, то он смутился и поскорей опять соврал: — То есть зачем их жарить, когда я их ни капельки не брал? Даже странно!

Он изо всех сил постарался улыбнуться самоуверенно и насмешливо, отчего глупейшим образом скосил рот на одну сторону к правому уху и сморщил нос. Он искоса мельком глянул на маму. Она сидела не двигаясь, уставясь в одну точку. Тогда он посмотрел на нее внимательно. И наконец уставился, широко раскрыв глаза. Маленький ледяно-холодный червячок, бойко извиваясь, пополз под рубашкой от шеи вниз, вдоль позвоночника, и Малыш понял, что это страх, что он сию минуту завопит от этого страха, и крикнул:

— Мама! Мама! Что с тобой?..

Мама вздрогнула, моргнула и подняла глаза на сына.

Он с облегчением почувствовал, что стряхнул червячка.

— Ф-фу... — пробормотал он. — А я уж подумал...

Он не договорил, что он подумал. Слишком уж страшно было это выговорить: он подумал, что у мамы испортился завод или кончилась батарейка. Тогда уже не осталось бы последних со-

мнений, что маму подменили автоматом, как это со многими уже случилось в городе.

Теперь часто люди, встречаясь, так вглядывались друг в друга исподтишка, стараясь сообразить, кто перед тобой — твой старый друг или отличнейшее, прекрасно работающее на полупроводниках чучело-автомат, заряженное кассетками с пленкой...

Они встали из-за стола, пожелали друг другу спокойной ночи, и, обнимая на прощание маму, Малыш, замирая от страха, прижался ухом к ее плечу и, затаив дыхание, прислушался: не тикает ли что-нибудь у мамы внутри. Он не мог позабыть того, что рассказывал Ломтик про своего отца.

Малыш поднялся наверх в свою комнату, пинком выбросил в коридор автоматического кота, расшнуровал и снял ботинки, сел на кровать и, подперев голову кулаком, глубоко задумался.

Мурлыканье, бессмысленное, равномерное, с повторяющимися переливами, продолжалось. Кот терся об дверь. Ему все равно было, обо что тереться.

Малыш встал, открыл дверь, поймал кота за хвост, отнес в уборную и запер.

Потихоньку шлепая обратно по коридору, он равнодушно прошел мимо двери маминой спальни и вдруг остановился, точно налетел на стенку. Мысль, до которой он додумался, его ужасала и привлекала. Ему было стыдно от этой мысли. И он с отчаянием чувствовал, что терять ему

уже все равно нечего: или у него есть мама; или нет. Он должен узнать.

Он подкрался к двери и прислушался. Странные звуки! Малыш тихо-тихо нажал ручку двери, слегка приподняв — тогда она не издавала ни малейшего скрипа, — приоткрыл узенькую щелку и, замирая, глянул.

Мама лежала ничком на постели, закрыв лицо руками. Плечи у нее вздрагивали — она плакала, безутешно, горько, сдерживаясь, чтоб ее не услышали. Малыш шагнул в комнату, она обернулась, и он увидел ее мокрое от слез лицо и глаза, залитые такой тоской и страданием, какие не могут быть ни у одного автомата на свете.

И бессовестный обманщик, хладнокровный лжец, постыдный подглядывальщик и подслушивальщик промчался босыми ногами через всю комнату, обхватил обеими руками шею мамы, повис на ней и заревел, полностью опозорив, зачеркнув, предав, смыв и вывернув наизнанку свой великолепный Диплом об Окончании Детства.

— Я все, все тебе врал! До капелечки все!..

— Да что ты, неужели? — улыбаясь, сказала мама, обнимая и целуя своего бывшего Маленького Взрослого. — А почему ты это делал?

Но ее неудавшийся взрослый еще не мог говорить, он был слишком занят тем, что впервые за долгое время чмокал, терся носом о ее щеку, размазывал свои слезы и громко дышал ей в ухо. Поэтому она продолжала сама:

— Все началось после курсов, когда тебя так поразило... и ты решил проверить, не позвоночная ли твоя мама, правда? Да, милый, да, позвоночная, хотя это звучит довольно бессмысленно. И можно еще, например, назвать формулу химического состава наших с тобой слез, когда мы оба режем вместе, как сейчас! Но в ней не будет ни состава нашего горя, от которого мы плачем, ни нашей радости, что мы, кажется, опять нашли друг друга, правда?

— А... га!.. — задушевно пробубнил, прижимаясь к ее плечу всем лицом, Малыш.

— И звездное небо, милый, ничуть не делается менее прекрасным для людей от того, что они знают, что звезды не фонарики и не приклеены к небу, правда?.. А теперь ты можешь говорить. Тебе хочется мне что-нибудь рассказать?

— Ага, — немного сконфуженно растирая рукавом глаза, встряхнулся Малыш. — Хочется. Все! Ничего, что это тайна?

— Я думаю, ничего. Но подумай сам.

— Я тоже думаю, ничего... — Он хмуро улыбнулся и чуть подмигнул, чтоб показать, что он не очень-то раскис от нежностей. — Так вот, мы подбирали, ловили и прятали листки. Мы их не сдавали пожарным...

И он рассказал маме все, что знал сам. Даже сказку о молодом короле и старом драконе, со всеми подробностями. И когда он дошел до конца, они оба засмеялись от радости, что все так

хорошо кончилось, когда королева Рваный Халатик взялась за свою третью ношу. И тут они, сидя обнявшись на краю маминой постели, посмотрели в окно и увидели, что ночь прошла и над большим городом, над его серыми крышами и пустыми площадями встает розовый рассвет.

Глава 32

ДОМИК НА ПУСТЫРЕ ПРИБЛИЖАЕТСЯ К ГИБЕЛИ

Мама спустилась вниз, на кухню, чтобы приготовить завтрак. А Малыш валялся поперек маминой кровати, потягиваясь на разные лады и позевывая в ожидании, когда его позовут к столу.

Ложиться спать не стоило и пробовать — за окнами стало совсем светло.

Слышно было, как внизу, на кухне, вода с шипением бежит из крана. Потом раздалось более приятное шипение — масла на сковородке, и донесся запах жарящейся яичницы. Хлопнула дверь, и послышались быстрые шаги по лестнице.

Малыш закрыл глаза, решив притвориться, что спит, но ничего не получилось: мама окликнула его, еще не успев подняться до верхней площадки.

— Вот так история! — испуганно проговорила мама, входя. — Знаешь, кто валяется у нас на крыльце? Поросяенок!

Малыш охнул, кубарем скатился с лестницы и выскочил за дверь. На крыльце в позе полного изнеможения лежал поросенок.

— Персик! — страшным голосом прошипел Малыш и присел около него на корточки. — Что с тобой? Что случилось?

— Ты знаешь этого поросенка? — озабоченно спросила мама, выглядывая из двери. — Это твой знакомый?

— Да это же Персик!.. Почему ты лежишь? Ты заболел? Тебя убили?

Персик, скосив на мальчика маленький глаз, тяжело вздохнул, вскинулся, уперся сперва передними ножками и с усилием встал на все четыре ноги... В знак того, что узнал Малыша, он слегка толкнул его носом и усталой походкой вошел в дом. На кухне около водопроводной раковины он остановился и меланхолично хрюкнул.

Мама налила и поставила перед ним чашку с водой. Он попил и пошел осматривать кухню.

— Он хочет есть, — сказала мама, и поросенок сейчас же повернулся и подошел к ней. — Он все понимает!

— Ну еще бы! — с гордостью сказал Малыш. — Это же Персик. Его даже львы любят! Не понимаю, как он оказался здесь. Случилось что-то очень плохое! Он бы никогда не бросил Коко!..

— Я его покормлю, а ты сбегай посмотри, нет ли поблизости его хозяина. Может быть, с ним

случилась какая-нибудь беда? И мы можем ему помочь?

Малыш как пробка вылетел впопыхах из дому и только тогда сообразил, что не знает, куда бежать. Тогда он вспомнил, что один ум хорошо, а два лучше, и подал сигнал Ломтику. А когда явился Ломтик, они обсудили положение и решили, что четыре ума будет еще лучше.

И вот таким образом через полчаса на кухне у мамы, кроме Малыша с Ломтиком, сидели на корточках вокруг Персика, обсуждая случившееся, еще четверо представителей лучших умов — Мухолапкин, оба близнеца и Щелкунчик.

Все согласились на том, что случилось какое-то несчастье — иначе Персик не покинул бы баржи. Потом стали обсуждать, что теперь делать с поросенком, но он, плотно закусив и отдохнув, сам решил, что ему надо делать: подошел к двери и стал пробовать ее открыть, явно собираясь уходить по каким-то своим делам.

— Может быть, он знает, где сейчас Коко, и приведет нас к нему? — предположил Мухолапкин. — Давайте пойдем с ним вместе.

— Всей толпой? Нечего сказать, умно! — обрезал Щелкунчик.

— Поросятку нельзя выходить!..

— Конечно, на улицу ему нельзя!

— Его арестует полиция! — сказали близнецы, как всегда договаривая друг за друга.

В это время Персик капризно взвизгнул и сильно толкнул дверь.

— Ему нельзя выходить, но он не согласится и остаться! — мудро рассудил Ломтик.

И тут мама сказала:

— Ему можно на шею привязать номерок с комбината. У нас есть от нашего автокота. Тогда на улице все будут думать, что это уже очучеленный, автоматический поросенок!

— Вот это толково! Дельное предложение! — снисходительно поддержал Щелкунчик.

Малыш притащил своего ненавистного автоматического кота, уложил его на стол и с наслаждением развинтил на две одинаковые половинки. Лапы перестали двигаться, выключились хвост и глаза, но моторчик продолжал жужжать.

— Чего ты возишься с этим паршивым котом? — нетерпеливо спрашивали все у Малыша.

Он, не отвечая, вытащил из кота крошечный моторчик и, держа его в двух пальцах, сказал:

— Слышите?.. Жужжит. Вот мы его привяжем ленточкой на шею Персику, и если меня остановит полиция, я буду говорить, что веду его в починку в ремонтную мастерскую!

— Правильно! — закричал Ломтик. — Зачем ты сказал? Я сам вот это же самое придумал, только не успел сказать!

Персик нетерпеливо похрюкивал и топтался на месте, пока общими силами ему обвязывали

шею розовым бантом, к которому мама пришила маленькую жужжалку.

Малыш сказал:

— Мама, ведь поросенок пришел ко мне на крыльцо, значит, он мне доверяет. Я и должен пойти с ним искать Коко. Правда?

— Верно! А мы пойдем на пустырь. Все равно пойдем, пусть там и случилось что-то. Я не боюсь! — объявил Щелкунчик. — А вы не будете бояться?

Близнецы побледнели, переглянулись и поспешно схватились за руки:

— Мы... пожалуй, будем бояться, но...

— Мы, конечно, пойдем, но будем немножко побаиваться...

И закончили дружно вместе:

— Бояться будем, но все равно пойдем!

— Ну, мама, как же? — тихо спросил Малыш.

— Я тоже буду ужасно бояться, — сказала мама. — Наверное, больше вас всех! Но я не могу уговаривать своего сына бросить в беде друга. Все равно, две ноги у того или четыре! Иди попробуй что-нибудь сделать!

— Вот это да! — воскликнул Ломтик. — Мне бы такую маму!.. — У него, бедняги, ведь не было никакой! Один папа, и тот, кажется, заводной...

Через несколько минут все ребята, стоя на крыльце, смотрели вслед Малышу, который шел, держа на поводке поросенка как собаку-ищейку. Мама, подняв руку, помахала ему тихонько,

одними только пальцами, и ободряюще улыбнулась.

Малыш в последний раз обернулся, на мгновение встретился с ней глазами, и его обдала радостью мысль: как хорошо, что мама у него самая смелая и красивая на свете! Удивительно радостно это знать!

Он бодро завернул за угол и через минуту увидел первого полицейского. Что-то внутри дрогнуло и испугалось! Кажется, это были ноги! Они приготовились повернуться и удирать... Да, безусловно это были ноги. Они просто зудели и чесались, так им хотелось броситься бежать. Но Малыш на них цыкнул:

— Цыц вы у меня! Еще дрожать вздумаете? Марш спокойным ровным шагом прямо мимо полицейского!.. Подумаешь! С драконом схватываться было небось похуже!

Полицейский с удивлением всмотрелся, разглядел на поросенке ярлык комбината и услышал жужжание.

— В ремонт? — кивнув на поросенка, небрежно спросил полицейский.

И Малыш совершенно спокойно пожал одним плечом, проходя мимо:

— Ага... Где-то замыкание, наверное. Слышите? Разжужжался! Кошмар какой-то!

Мухолапкин; подглядывавший за ним из-за ближайшего угла, вернулся во двор и сообщил успокоительную новость:

— Все в порядке, Малыш поговорил с полицейским как ни в чем не бывало. Тот на него и внимания не обратил!

Ребята попрощались с мамой и без всякой определенной цели поплелись по улице, путаясь во всяких предположениях о том, что бы такое могло случиться на пустыре.

Несколько раз они повторяли друг другу, и все с этим дружно соглашались, что разумнее всего было бы пойти на пустырь только вечером, терпеливо выждав, когда стемнеет.

В таких благоразумных разговорах они как-то совсем не заметили, что прошли уже полдороги к домику Капитана Крокуса.

Это было, конечно, очень неосторожно, и они поскорее спрятались в лопухи и устроили там совещание. Один за другим они придумывали самые хитроумные способы подобраться никем не замеченными к домику Капитана Крокуса и, возможно, придумали бы что-то очень умное или очень глупое, но тут услышали легкое жужжание у себя над головами.

Маленький вертолетик показался над знаменитой заброшенной трубой, через которую так интересно бывало пробираться в гости к Капитану.

Не успела машина сесть, как из нее вывалился с маленьким парашютиком и шлепнулся на землю полицейский, чтобы поспеть подбежать и с поклоном отворить дверцу вертолета в ту самую минуту, когда тот коснется земли.

Он распахнул с поклоном дверцу, и из нее вышел какой-то другой полицейский, до того важный, что даже не был похож на полицейского! Это был сам Шеф всей полиции города: тайной, явной, подземной, воздушной и подводной!

Из отверстия трубы тотчас же выскочили десять полицейских и, вытянувшись, отрапортовали, что находятся на посту.

Шеф кивнул, и полицейские нырнули обратно в трубу.

Ребята переглянулись и слегка присвистнули: один из самых хитрых их планов был — пролезть по трубе!

В это время Шеф прошел, осматривая все кругом, по пустырю прямо к домику Крокуса, и все время, пока он шел, из каждого кустика, из-за каждой кучки шлака и, казалось, просто из-под земли выскакивали, как на пружинках, вооруженные полицейские, да не туповатые механические, а настоящие, живые. Они отдавали честь Шефу и тут же точно сквозь землю проваливались.

Весь пустырь был усеян притаившимися полицейскими. Некоторые вскакивали парами, и можно было заметить, что они держат натянутыми специальные сетки, такие частые, что через них и мышонок бы не пролез...

Пустырь был оцеплен, блокирован, закупорен! Онемевшие и замершие от страха ребята еле дождались момента, когда Шеф снова сел в

свою вертлявую машинку и умчался по воздуху в город, и поспешили выбраться ползком из лопухов...

Глава 33

В СЪЕДОБНОЙ ПЕЩЕРЕ АЛАДДИНА

Полицейская машина, с воем промчавшись по улицам, остановилась.

Стальная толстая дверь медленно открылась, и четверо полицейских, подталкивая в спину, вывели Коко.

Он поднял голову и улыбнулся, увидев на вывеске знакомое и милое с детства слово «Цирк».

Здесь он любил все: стертые поколениями маленьких и больших зрителей края каменных ступеней, окошечки касс, запах конюшни, который не успели истребить автоматизированные жирафы, малиновый бархат портьер!

Его вели по коридорам, и наручники позванивали у него на руках, а он шел и улыбался, узнавая все вокруг: знакомые стойла, прежде полные маленьких пони, осликов, и гордых серых коней в яблоках, желтый, на пробор причесанный граблями песок с опилками круглой арены, окаймленной малиновым барьером!

Он точно возвращался домой, к себе на родину, в родную деревню, узнавая каждую тропинку, и ручеек, и избушку, где родился, и малень-

кое кладбище с березкой, у которой похоронена мама, и тот самый песок, по которому он нетвердыми ножками сделал первые в жизни шажки и впервые перекувырнулся через голову.

— Сколько вам требуется времени, чтобы одеться? — сипато спросил Тити Ктифф. Он уже стоял, засунув руки в кармашки матросских штанишек, с непроницаемым и презрительным видом на пороге цирковой костюмерной.

— Один час, — сказал Коко.

— Много!

— Ведь грим тоже нужен?

— Обязательно. Что же это за чучело из вас получится? В клоунском костюме и с некрасивой мордой? Чушь!

— Тогда прикажите снять с меня наручники. Дело пойдет побыстрее.

— Нет. Лучше мы подождем лишние десять минут. Вы слишком старый фокусник, чтоб вам давать послабления. Смотреть за ним в оба! Он может еще попробовать что-нибудь выкинуть. В крайнем случае пристрелить его. Только аккуратно, чтоб не испортить чучело!

— Ну и голосок! — с отвращением сказал Коко. — Такой малютка с виду, а мало того, что негодяй в душе, так еще и голос как у здорового дядьки, который накурился крепких сигар.

— Глупости! — раздраженно процедил сыщик. — Я прекрасно могу, если сделаю усилие... Пожалуйста, вот слышите?.. — Он очень тоненько пис-

кнул «пожа...», но зато уж конец фразы: «...луйста, вот, слышите?» — рывкнул таким басом, что впору брандмейстеру на пожаре! — Ч-черт! — выругался Тити Ктифф. — Голос действительно подводит! Придется принять меры... — Минуту он постоял в раздумье, потом густым, жирным голосом отдал приказание: — Дать ему одеваться, гримироваться. Я вернусь за ним.

Он стремительно вышел. Коко посмотрел ему вслед, плюнул и сел к столу.

— Подайте чистое полотенце, людоеды!.. Завяжите его вокруг шеи, паразиты, я не хочу перепачкаться в гриме... Так... Теперь пусть кто-нибудь из негодяев откроет тот ящик и подаст коробку с гримом... Поставьте зеркало передо мной!.. Немножко правее, змеюка!.. Ладно, сойдет... Ну, начну гримироваться!. Если это в последний раз, надо сделать все как следует.

Пока Коко неторопливо начал пририсовывать себе знаменитый улыбающийся рот до ушей, маленький проворный Пафнутик — Тити Ктифф, промчавшись через полгорода, выскочил из полицейской машины и, вмешавшись в кучку ребят, игравших в песочек в городском парке, стал неумело и бессмысленно тыкать совочком в мокрый песок.

Очень скоро Ломтик его окликнул: это было условленное место встречи. Пафнутик только помахал приветливо совочком, говорить он не решался из-за своего баса.

— Ну, принес? — жадно спросил Ломтик, глядя, не оттопыриваются ли у Пафнутика карманы от пирожков.

Тот только поманил его за собой.

Они пошли по улице. Ломтик послушно шел за своим проводником, но все время вздыхал.

— Ты что? — не выдержав, рявкнул Пафнутик так, что Ломтик от него шарахнулся.

Пафнутик с досадой стиснул зубы и прикусил язык. Нет, он решительно не мог разговаривать детским голосом!..

— Ти шьто, — шепнул он, сложив губки сердечком, — вждихаешь?

— А чего это ты стал реветь, как бегемот? — подозрительно спросил Ломтик.

— Жаболел... — прошипел Пафнутик.

— Заболеешь тут, — мрачно сказал Ломтик. — Ты не знаешь, что на пустыре полным-полно полиции, даже пройти нельзя!

— Ай-ай-ай!... — прошипел Пафнутик, — Плохо!.. Ну, иди сюда!

Он открыл ключом маленькую дверку в стене громадного здания без окон. Они вошли, притворили за собой дверь, и тогда перед ними оказалась вторая, точно такая, какие бывают в холодильниках.

Как только они пролезли во вторую белую дверь, кругом все мягко осветилось. Они пошли вдоль длинных белых полок, заваленных до самого потолка такими вещами, какие только могут при-

сниться в новогоднем сне понимающему человеку. Бесконечными рядами стояли облитые шоколадом торты и торты с взбитыми сливками, украшенные орехами, марципанами, засахаренными фруктами, бананами и апельсинами, под стеклом переливались все сорта и цвета мороженого в бумажках, бокалах и вафлях, открытые бочки с прозрачным изюмом, глыбы разноцветной халвы разных сортов, и каждый сорт пахнул по-своему, целые лужайки конфет и клумбы из пирожных! Дорожки из пастилы, со столбиками из пахучих желтых кексов и ящики с пирожками разных сортов: ананасных, ореховых, джемовых, кремовых, и каждый пирожок издавал свой аромат, и каждый ящик пахнул в сто раз сильнее, а все вместо кружило голову и почти сшибало с ног. Это была самая настоящая пещера Аладдина, но для понимающего человека тут было кое-что соблазнительнее, чем какие-то камешки, лампы и кувшины. Тут было собрано все, что могло свести с ума такого понимающего человека, который и имя-то свое, может, получил, выклянчивая постоянно лишний ломтик кекса или пудинга. А тут были не ломтики, а горы, россыпи, обвалы всякой сладкой роскоши...

— Вот, видал? Быстро выкладывай остальные буквы и ешь сколько захочешь, пока не лопнешь! — своим грубым голосом объявил Тити-Пафнутик. — Чего рот разинул? Ну, «ба» я знаю! Живо давай следующие буквы и сразу хватайся за пирожки, за пирожные, за что хочешь!

Чувствуя, что у него голова идет кру́гом от восторга, Ломтик обалдело молчал. Из последних сил он схитрил:

— Э-э! Я скажу, а ты меня сразу выгонишь! Или придет твой папа и надерет мне уши. Я этого не люблю! Давай я сперва наемся, потом скажу!

Тити Ктифф проницательно посмотрел на раскисшее, блаженное лицо Ломтика и презрительно усмехнулся.

— Ладно! Лопай, только постарайся не лопнуть раньше времени!

— А потом мне можно будет взять с собой пирожков? Хотя один раз в жизни мне так хотелось бы донести туда несколько пирожков!

— Дурак! — сказал сыщик. — Туда с сегодняшнего дня не пропустят ни одного пирожка, ни одной котлетки!

— А... как же все эти... ну, эти...

— Ты хочешь сказать — животные, звери? Ну, они поголодают.

— Противный же ты, Пафнутище! — крикнул Ломтик. — Ты все врешь небось!

— Ну, вот же твои обожаемые пирожки! Бери сколько хочешь! — хрипло пробасил Пафнутик и, с беспокойством увидев, что Ломтик испуганно шарахнулся, ласковым шепотом поправился:

— Ну, кушай, Ломтик, кусай!

— Нет, — встревоженно моргая и вглядываясь в лицо Пафнутика, сказал Ломтик. — Это, пожалуй, не бегемот. Скорей всего, у тебя голос

стал, как у носорога. Я, правда, не слышал, но, по-моему, если уж он рявкнет, так как раз вроде тебя получится!

— Какое тебе дело до моего голоса! — Тити изо всех сил старался говорить пописклявее. — Я сейчас сбегаю к доктору, и он меня вылечит. Сиди тут, я скоро вернусь. И ты скажешь мне остальные буквы. Ешь. Но если ты не скажешь, тебя посадят в тюрьму!

Дверь захлопнулась, шелкнув замком. Ломтик минуту недоуменно смотрел на дверь, за которой исчез Пафнутик, ничего не понимая. Потом обернулся, и блаженная улыбка тихого восторга расплылась по его лицу.

Сонно улыбаясь, да ему и казалось, что это сон, он, еле передвигая ногами, побрел вдоль рассыпей всей вкуснотищи, изредка дотрагиваясь пальцем до какого-нибудь засахаренного ореха на вершине взбитой из сладкой пахучей пены башни.

Ноги у него подгибались, ноздри раздулись, глаза разбегались, и ему казалось, он сам весь наполняется пряными одуряющими ароматами, и руки его тянулись и сами отдергивались, не зная, за что схватиться первым делом...

А в это время Тити Ктифф, он же Пафнутик, своим ужасным голосом приказал шоферу мчать его к зданию Химического центра. Он твердо знал, что Ломтику понадобится не много времени, чтобы схватиться за первый пирожок, а там

дело пойдет уже как по маслу. Поэтому он не считал нужным терять около него время.

В Химическом центре было пустынно, работа кончилась, и все сотрудники разошлись по домам.

— О, черт! — с досадой стукнул кулачком по коленке маленький Тити Ктифф. — И нужно, чтоб меня подвел голос, как раз когда мне нужно продержаться в детском виде еще всего каких-нибудь несколько часов!

Он бросился по лестнице и застучал в дверь квартиры владельца лаборатории профессора Тромбони.

Выслушав, в чем дело, тот тотчас же согласился:

— Не беда, уважаемый, мы все это дело уладим! Сейчас я захвачу свою аппаратуру, и — буль-буль! — искупаем вас отличнейшим образом!.. Что?.. Не беспокойтесь! Уж кому быть в курсе дела этого изобретения, как не мне! Не хочу сказать, что все, решительно все сделал один я! Нет! Это было бы нескромно, тут многие показали себя молодцами... Даже нисколько мне не мешали! Очень ценные у меня сотрудники. Очень! Всегда это говорю! — болтал Тромбони, пока вел Тити Ктиффа по коридору, помахивая на ходу своей любимой аппаратурой — будильником и большим старым градусником.

Скоро они добрались до знакомого зала, посреди которого была укреплена громадная чаша, наполненная странной молочной жидкостью.

Тити Ктифф быстро скинул свой матросский костюмчик с якорями и золотыми пуговками, привычно растянулся на сетке, отчего сразу стал похож на маленькую головастую рыбешку.

Профессор, очень довольный, что все делает сам, пошарил по пульту управления, после недолгого раздумья ухватился за нужный рычажок и с торжеством сказал: «Ага!»

Приговаривая сам себе: «Потихоньку надо, потихонечку, потихохоньку...» — он осторожно потянул на себя рычажок, сетка с Тити Ктиффом плавно поднялась в воздух. Профессор от удовольствия высунул кончик языка, мягко опустил сетку в чашу и включил аппаратуру.

В чаше засверкали блески, побежали миллионы пузырьков, странная молочно-белая жидкость закипела и стала еще более странной: синевато-желтоватой, полосато-оранжевой.

Миллионы пузырьков побежали и стали лопаться на поверхности со звуком множества игрушечных балалаек.

Погруженный по самую шею, Тити Ктифф спокойно лежал, переливаясь всеми цветами радуги, и чувствовал, что внутри у него тоже играют разные музыкальные инструменты и все переливается от радости. Он прославится на весь город! Люди станут, разинув рот от восторга, собираться под его окнами, все поймут, какой он необыкновенный, утонченный и даже музыкальный сыщик! Все! Маленькие Взрослые будут меч-

тать стать такими же сыщиками, как он, и так же ловить и отправлять на Чучельномеханический комбинат заговорщиков! Дело уже сделано, осталось не больше суток работы, и он опять возьмется за арфу, в то время как комбинат работает вовсю!

— Тэк, тэк, тэк, тэк-эк!.. — приговаривал в это время профессор Тромбони, похаживая вокруг чаши и макая градусник во все, что ему попадалось по пути и поглядывая на будильник. — И кто все? Все сам, все сам!.. На ком держится вся наука, а?.. Вот то-то и оно-то! Все пошли по домам, только неутомимый труженик не пошел по домам. Бодрствую! Людей мариную! Кунаю!.. А кто все? Вот то-то!

— Не пора ли меня вынимать? — с некоторым беспокойством спросил Тити Ктифф, заметив что прошло много времени.

— А это мы сейчас посмотрим!.. Ага, без пяти двадцать пять, то есть четверть двенадцатого тепла!.. Ай-ай-ай! Пора, скорей-скорей, что же вы зевааете! Уволю! Всех поувольняю! Повываливаю! Поуволиволиваю! Поувиливаю!

Выкрикивая свои обычные угрозы, Тромбони кинулся к пульту, дернул за один рычаг, отчего погас свет, за другой, пустив в ход двадцать вентиляторов, зажег снова свет и наконец дернул нужный рычажок.

Тити Ктифф на своей сетке со свистом взлетел под потолок. Профессор Тромбони схватил-

ся за голову и толкнул рычажок обратно, и Тити бултыхнулся с головой обратно в холодно-кипящую жидкость.

— Кто посмел?.. Все уволены за халатность! Охалатены за увольнятность! — Он собрался было затопать ногами, но вспомнил, что позабыл, как это делается, и стал дергать за все рычажки подряд.

На счастье Тити Ктиффа, он дернул наконец за нужный переключатель. Сетка взлетела в воздух, Тромбони радостно захихикал и, упустив рычажок, опять шлепнул сетку обратно в чашу, так что великий сыщик снова с головой ушел в жидкость и там довольно долго булькал, пуская пузыри, пока великий ученый, почесывая голову, раздумывал, что делать дальше. Наконец он сообразил, что надо поскорей выудить пациента, захлебывающегося в радужной водичке.

Чертыхаясь и отплевываясь, Тити выбрался наконец из качающейся сетки, бросился под душ и, на ходу натягивая штанишки с помочами, с туфлями в руках кинулся к выходу, в то время как профессор Тромбони на ходу пытался обмакнуть в него градусник, бормоча:

— Вот, видали, что они наделали! Хорошо, что я вовремя тут оказался!..

Уже по дороге, в машине, мчавшей его в цирк, сыщик оделся как следует.

Какое-то странное ощущение осталось у него в голове после окунания. Он надел свою матрос-

скую шапочку, и она тотчас провалилась ему на уши. Ощупав голову, он без труда убедился, что она стала гораздо меньше. Еще бы, старый дурак окунул его несколько раз, так что он хлебнул «укоротина»!.. В конце концов, не беда. Только странное ощущение, что в его маленькой голове мозгам как-то стало просторно, точно подсохшему грецкому ореху в скорлупе. Тити потряс головой, боясь, что там что-нибудь болтается. Конечно, все было в порядке. Глупости!.. Он попробовал голос. Пискливый, тоненький, лучшего и желать нельзя!

Глава 34

ПОСЛЕДНИЕ ЧАСЫ ДОМИКА НА ШЛАКОВОМ ПУСТЫРЕ

«У этого поросенка храбрость бенгальского тигра, упрямство дикого осла и верное сердце друга! — подумал Капитан Крокус, оставшись один на палубе баржи после бегства Персика. — Он не вынесет разлуки с Коко... С какой радостью я пожертвовал бы жизнью, чтобы выручить Коко из беды! Но это легко только говорится.

Было бы так хорошо, если бы можно было зайти в какое-нибудь специальное «Бюро по жертвованиям» и заявить: «Добрый день, я явился сюда для того, чтобы пожертвовать своей жизнью за такого-то»... но в жизни как-то все гораз-

до сложнее. В жизни мало хотеть жертвовать — надо еще суметь это сделать с пользой!»

Минуту Капитан стоял, скрестив руки на груди, вглядываясь в темноту и размышляя. Остаться на барже? Но в домик опять явятся ребята с пирожками и котлетами, и их некому теперь будет встретить! Подняться и войти в домик? Но тогда все звери останутся такими беспомощными на барже!

В конце концов Капитан решил остаться на барже. Он зажег фонарик, спустил на веревке за борт и зачерпнул полное ведро воды и начал обход своего плавучего зверинца.

Длинные железные ящики, оставшиеся от того последнего груза баржи, который она перевозила, прежде чем ее поставили на прикол, теперь всегда были полны воды. Большие собаки всегда могли вдоволь напиться, но когда уровень немножко понижался, самые маленькие собачонки только беспомощно скреблись лапками, встав на дыбки и стараясь подальше вытянуть язык, а до воды не доставали.

Поэтому Капитан, обходя все помещения, стал доливать воду до самых краев.

Собаки и собачонки, еноты и белки, кролики и ежи, как только он входил в их каюты, сбегались к нему со всех сторон и теребили и стискивали так, что шагу не давали ступить, в точности как толпа любопытных, когда на столб наклеивают интересную афишу с новостями.

Да так оно и было — они сбегались со всех сторон, чтобы узнать, нет ли каких-нибудь новостей. В особенности хороших. А от Капитана они ждали именно хороших новостей, потому что считали его хорошим человеком.

Капитан присаживался на корточки и разговаривал со всеми по очереди, подбадривая и убеждая еще немножко потерпеть и посидеть смирно, без шума, визга и тявканья, и когда он уходил, все укладывались снова спать немножко разочарованные, но все-таки успокоенные тем, что им все-таки есть на кого надеяться. А это очень большое дело не для одних только енотов и ежей.

Но кролики, зайцы, морские свинки и прочая мелюзга вообще-то были спокойный народ. Другое дело ослики, а их набралось уже четверо. Голоса у них очень громкие, а характер страшно упрямый. И они то и дело собирались поднять крик. С ними Капитану Крокусу пришлось пуститься на хитрость. Он уверил их, что враги, подстерегающие на берегу, во что бы то ни стало решили заставить их раскричаться во весь голос. И как только ослики это узнали, они из упрямства стиснули зубы, решили молчать и молчали с этого момента как убитые!

Так прошла целая ночь, и только утром Капитан Крокус на минутку вздремнул в своей тесной капитанской каюте. Днем он никогда не выходил на палубу, чтобы никто с берега не мог за-

метить, что на борту заброшенной баржи появилась какая-то странная команда...

Домика с баржи не было видно — его заслонял высокий обрыв берега, — но дым из трубы, когда топился камин, Капитану всегда был виден.

Сегодня дыма не было, значит, некому было затопить камин и некому было погреться у огня!

Весь день беспокойство и такие мрачные мысли мучили Капитана Крокуса, что он просто не находил себе места. Но так как другого места, кроме маленькой скамеечки в тесной каютке, у него не было, то ему пришлось, не находя себе места, все-таки не двигаться с места, а от этого человеку становится еще больше не по себе!

По реке весь день мимо застывшей на причале баржи суетливо пробегали маленькие катера, мчались легкомысленные быстроходные моторки, обгоняя тяжелые грузовые электроходы.

Проплывали, придерживая ход, по направлению к близкому выходу в море многоэтажные белые пассажирские суда, и когда ржавую баржу начинало покачивать на поднятых ими волнах, Капитану все время казалось, что она просится, чтобы ее тоже отвязали и пустили поплыть за ними вслед к просторному синему морю.

Капитан начинал мечтать. Отчаянная мысль стала приходить ему в голову: оттолкнуться от берега, уйти от Шлакового пустыря, от города, опозоренного Чучельномеханическим комбина-

том, и уйти в открытое море. Лучше погибнуть в первом же шторме, чем увидеть, как всех его львов и морских свинок, осликов и собачек потащат черные фургоны комбината!

Но тяжелая баржа только поскрипывала, крепко, навсегда привязанная к причалу, и вскоре сам Капитан Крокус понял всю нелепость своей мечты и постарался отвлечь свои мысли на что-нибудь другое, чтобы поскорей перестать мечтать.

Наконец сумерки спустились над пустырем, дрожащие разноцветные столбики огоньков побежали по воде, но ни одна лягушка не заквакала на всем обширном пространстве Шлакового пустыря!

И Капитан Крокус принял решение: он спустился в львиную каюту, поговорил со львами, успокоил их, но предупредил, что на баржу нельзя пускать никого чужих, и выпустил всех на палубу.

Львы вышли, с наслаждением вдыхая свежий вечерний воздух, и, немного поразмявшись прогулкой по палубе, улеглись у сходни как раз в такой позе, как обычно скульпторы изображают сторожевых львов у входа во дворец. Только эти львы были не мраморные и не дремали, а очень зорко присматривали за причалом.

Капитан достал из кармана веревочку, обвязал на всякий случай шею Нерона, сошел с ним вместе на берег и, стараясь не шуметь, стал в темноте подниматься по крутому обрыву к своему дому.

Осторожно осматриваясь и чутко прислушиваясь, они обошли вокруг всего забора.

Капитан решительно ничего не увидел и не почувствовал, но Нерон с тихим свистом тревожно втягивал ноздрями воздух, и чуть слышно, в самой глубине его горла, что-то грозно рокотало — он чувствовал кругом врагов.

— Да-да, — поглаживая лохматую голову льва, шептал Капитан Крокус. — Я понимаю, что ты говоришь... Да, кругом враги, я знаю... знаю!.. — и крепко стискивал рукоятку своего пистолета.

Они прошли через незапертую калитку и вошли в дом. Капитан Крокус подумал, что почти на-верное это в последний раз! Он усмехнулся, представив себе это очень жирное и крупное НАВЕРНОЕ, и такое крошечное, тоненькое «почти»!

Дом был пуст, все было на своих местах, но не осталось никаких следов Коко и обезьяньего дедушки. Плед, которым тот укрывался с головой, греясь у камина, лежал аккуратно сложенный на кресле. И флейта Капитана лежала на своем месте — на столике под шкафчиком, где хранились морские сухари и бутылка с пиратским малиновым напитком.

Капитан взял флейту и, тихонько дунув, извлек несколько слабеньких, чуть слышных грустных ноток. Нерон тотчас же радостно завилял хвостом и попросил: «Еще!»

Так, сидя перед черным погасшим камином, в домике, доживающем последние часы своего

существования, в последний раз Капитан Крокус едва слышно насвистывал на флейте старый мотивчик, напоминавший им обоим прошлое.

Капитан вспомнил блестящие годы славы, восторги публики, огни и фанфары оркестра, приветствовавшего Капитана Крокуса, когда он, провисев на волосок от гибели целый час в клетке со львами, чудом спасшись, выходил раскланиваться в своем капитанско-гусарском мундире, с дымящимися пистолетами за поясом! Неустрашимый, властный укротитель неукротимых, повелитель кровожадных, свирепых зверей!

Вспомнил, как он мало-помалу перестал бояться и начал понимать своих львов. А они перестали его ненавидеть и тоже стали понимать. А потом он еще лучше стал их понимать и любил их как самых близких людей, и они полюбили его как самого мудрого и доброго льва. И как им пришлось это из всех сил скрывать от публики. И как в один прекрасный вечер публика наконец узнала, что Нерон не желает терзать Капитана, а, напротив, привязан к нему всей своей львиной душой, и как в тот же вечер знаменитый «номер» Капитана Крокуса никому стал не нужен и прекратил свое существование...

И в ту самую минуту, как Капитан довспоминался до того вечера, Нерон вскочил с места, побежал в угол, принес и подал ему запыленный старый цирковой обруч, через который он должен был прыгать в тот самый вечер. И Капитан

понял, что лев вспоминал то же самое, что и он. Капитан взял обруч и подставил его Нерону, и тот осторожно прыгнул сквозь него легким прыжком и потом положил лапу на колени Капитану и, заглянув ему в лицо, улыбнулся хмурой и сдержанной львиной улыбкой.

Тихонько скрипнула калитка, слышно было, как кто-то вошел во двор. Капитан отложил флейту, выхватил из-за пояса пистолет и, приложив ухо к двери, стал прислушиваться. Скоро он разобрал знакомые детские шепчущиеся голоса...

А незадолго до этого в том самом месте, где окончательно кончался город и начинался Шлаковый пустырь, происходило вот что.

— Погибнуть должен кто-нибудь один! — горячо говорил Мухолапкин. — Бессмысленно, если мы все разом пойдем через пустырь к Капитану в дом и все разом попадемся им в лапы!.. Первым могу пойти я!

Щелкунчик небрежно, вполголоса бросил:

— Пойду я!.. Да не подсказывай, будто тебя ущипнули!.. Я знаю, что ты не побоишься, сумеешь пойти и отличным образом погибнуть. Но я-то лучше сумею постоять за себя.

Близнецы обеспокоенно переглянулись.

— Ну как же ты... — начал брат.

— Да, да, верно, как это ты постоишь за себя? — закончила сестра.

— Если они меня попробуют тронуть, я им как стукну в нос! — отчаянно заявил Щелкунчик.

— Ты не достанешь! — уныло сказала сестра близнеца.

— Полицейские такие высокие! — безнадежно добавил ее брат.

— Я подпрыгну! — бодрился Щелкунчик. — Или вскочу на какой-нибудь пенек или пригорок.

— Возьми с собой табуретку! — ядовито посоветовал Мухолапкин. — Ты ее будешь подставлять, залезать на нее и щелкать в нос полицейского. А потом побежишь к следующему, и так далее. Вот уж до смерти всех перепугаешь!

— Ладно, придумайте вы лучше, — угрюмо пробурчал Щелкунчик.

— Пойдемте все...

— Да, вместе! — с облегчением сказали близнецы.

— Вот-вот!.. И если полиция нас всех арестует, некому даже будет предупредить остальных ребят, что больше нельзя пройти к дому Капитана Крокуса!

В конце концов рассудительный и храбрый Мухолапкин, осторожно оглядываясь и прислушиваясь, один двинулся в наступивших сумерках к окруженному дому, через Шлаковый пустырь.

Чуть слышное шуршание гравия под его ногами замерло где-то вдалеке.

Его ждали долго. Очень долго. Все было тихо. Мухолапкин не вернулся.

В глубине пустыря стоял пустой, темный и холодный дом, где некому было зажечь огня в ка-

мине. Вокруг домика тоже было безлюдно и мертво, даже лягушки не квакали. А из города, пробираясь по переулкам и проходам, пролезая в щели, перелезая через заборы, прошмыгивая и проныривая через освещенные людные места, по-прежнему шли и шли, перешептываясь и шикая друг на друга, маленькие пугливые, но храбрые фигурки Ужасных Заговорщиков — мальчиков и девочек, с карманами, набитыми бутербродами, с пакетиками пирожков и кулечками котлет, с яблоками и морковками за пазухой...

Вторым ушел на разведку Щелкунчик и тоже не вернулся. Теперь уже целая толпа взволнованных ребят столпилась на подступах к пустырю, не соглашаясь унести домой свои закуски и не решаясь идти через таинственный пустырь.

— Больше никто не должен туда идти! — в один голос решительно объявили близнецы, удерживая собравшихся вокруг них нетерпеливых ребят с бутербродами за пазухой. — Видите? Самые бесстрашные люди идут и пропадают без следа! Что-то случилось с нашим Мухолапkinsким, и со Щелкунчиком тоже!

— А я пойду! — так необыкновенно тонко пискнул чей-то голосок, что все удивленно обернулись.

Маленький большеголовый Пафнутик, запыхавшись, подбежал к ребятам и бесстрашно пищал и размахивал руками. Все смотрели на него с удивлением, потому что сейчас, пожалуй, его уже нельзя было назвать большеголовым — он

стал похож на обыкновенного нормального-го мальчика.

— Гляди-ка, наш дурачок Голова Котлом до чего расхрабрился! — воскликнули близнецы. — Да дело-то вовсе не в храбрости! Оттуда никто не возвращается, понимаешь ты это?

— А я вернусь! — самоуверенно пискнул Пафнутик. — Подождите меня!

Оставив всех удивляться его неожиданно прорезавшейся храбрости, Пафнутик нырнул в темноту и исчез.

Прошла минута, другая, пятая. Все прислушивались, затаив дыхание, тараща глаза в темноту. Наконец зашуршал шлак, и все с облегчением вздохнули: Пафнутик благополучно возвратился.

— Ну что?

— Что случилось?

— Где Мухолапкин и Щелкун?

Пафнутик самодовольно усмехнулся:

— Все в порядке. Я их видел. Они сидят в доме и ждут всех остальных. Только нужно идти по двое, по трое, а не всей толпой. И обязательно через трубу. Там проход свободен.

— Какой же ты молодец!

Ребята со всех сторон похлопывали Пафнутика по плечу, гладили по головке:

— Такой малыш, а глядите-ка, оказался самый ловкий разведчик!

Близнецы переглянулись, схватились за руки и первыми двинулись через пустырь.

Шли они все-таки с опаской — слишком хорошо помнили они, сколько полицейских было утром на пустыре. Однако вход в трубу теперь был свободен.

Они разом, одновременно вздрогнули и, еще крепче схватившись за руки, вступили в трубу, прошли ее насквозь и вышли из другого конца наружу.

Первое, что они увидели, было два здоровенных полицейских детины, такого роста, что обоим близнецам нужно было бы стать друг другу на плечи, чтоб кого-нибудь из них похлопать по плечу!

Но детины сами взяли их за плечи, быстро обшарили их карманы, отобрали все съестное, что было заготовлено для зверей, и приказали идти дальше, не оглядываясь.

Решительно ничего не понимая и только шепотом подбадривая друг друга, перепуганные близнецы, точно во сне, побрели дальше по пустырю к домику, все время слыша вокруг себя застенную возню, сопение и покашливание сотен полицейских, залегших в засаду и оцепивших широкой подковой до самого берега реки беззащитный домик Капитана.

До чего жалким выглядел сейчас деревянный заборчик, какой ненадежной казалась старая щелястая калитка! Не лучше, чем выглядел бы соломенный щит для защиты от танка!

Они осторожно переступили порог и вошли во двор.

— Зачем вы сюда пришли? — прошипел Мухолапкин и с досадой дернул близнеца за рукав.

— Зачем? Кто вас просил? — с еще большей досадой дернул за руку сестру близнеца Щелкунчик. — Вы должны были удержать всех остальных, а вместо этого сами явились! Вот теперь и вы тоже попались в ловушку!

— Мы удерживали!.. Да, удерживали! — в один голос сказали близнецы.

— А потом прибежал Пафнутик и сказал, что вы нас ждете!

— Да, вы нас будто бы ждете. Это Пафнутик сказал. И чтоб все шли за нами следом!

Все замолчали, услышав чье-то обиженное похныкивание и мокрое сморканье.

Маленький мальчик плелся через пустырь и хныкал. Заглянув в калитку, он узнал знакомых и заревел в голос:

— Все они у меня поотнимали! Все! Все! Большой кусок яблочного пирога, пакетик жареной картошки и вот та-а-кую большую конфетину! У-у, обжоры противные!..

Его не успели утешить, как в калитку ввалилась целая толпа обиженно спорящих ребят. Их всех пропустила полиция через трубу и у всех отняла съестное.

— Вам тоже Пафнутик сказал, чтоб вы сюда шли? — мрачно спросил Мухолапкин.

— Нуда. Он там всех ободряет и торопит, чтоб скорее побольше народу собиралось в домике!

— Ух! — кровожадно процедил сквозь зубы Щелкунчик. — Доберусь я до этого презренного предателя!

— Ты до него не доберешься, — вздохнул Мухолапкин. — Много ты до полицейских добрался?

— Чуть-чуть не добрался! Вот такого кусочка не достал ему до носа... Уж очень они высоченные!

Калитка не переставала скрипеть. Быстро вошла высокая девочка в спортивных брючках, кусая губы от досады.

— Крысы! — погрозила кулаком в темноту девочка, обернувшись туда, откуда пришла. — Полицейские крысы кишат на пустыре! Когда они отобрали у меня котлеты, я поняла, что это ловушка, и бросилась бежать, но тут один мне подставил ножку, и я полетела, а потом я увидела, что все огорожено сетями. И они толкали меня в спину и не позволили вернуться в город!

— Это все равно как мышеловка, куда мы попали, — сказал один очень маленький, но сообразительный мальчик. — А мы тут, как маленькие несчастные пойманные мышата, можем только нюхать воздух через прутьки.

— Да, мы все в мышеловке, — проговорил спокойный голос.

Все обернулись, увидели Капитана Крокуса и окружили его. Он стоял на пороге дома с пистолетом в одной руке. В другой руке у него была бечевочка, обвязанная вокруг могучей шеи Нерона.

— Мышеловка, да, — спокойно повторил Крокус, — но мы не мышата. Когда человека доводят до отчаяния, он должен предпринять что-нибудь отчаянное! И мы сделаем что-нибудь очень отчаянное, но не сдадимся!

— Мы-и?.. Да ни за что на свете! — закричали, загалдели, воскликнули, взвизгнули, заорали, буркнули, пискнули каждый по-своему все, кто столпился вокруг Капитана Крокуса.

Глава 35

ТАИНСТВЕННЫЕ ПОЗАБЫТЫЕ СЛЕДЫ

— Ну и видик у вас, уважаемый Тити! — в восторге воскликнул Шеф полиции. — Прямо так и тянет вас отодрать за уши или задрать рубашонку и высечь! Мальчишка, да и только! А уж голосок!..

Тити Ктифф самодовольно крякнул тоненьким голоском.

— Блестящая работка! — продолжал Шеф. — Маленьких Ужасных Заговорщиков прошло через наши заграждения просто видимо-невидимо! Может быть, уже хватит?

— Ни в коем случае! — повелительно пропищал Тити Ктифф. — Ага, прячтесь, еще кто-то идет!

Шеф нырнул за куст, а Тити пошел навстречу мальчику, который, осторожно оглядываясь по сторонам, пробирался к пустырю с большой ливерной колбасой за пазухой.

— Фу-ты, как испугал! — пробормотал мальчик. — Это ты, Пафнутик! Ну, как там?

— Все в порядке, беги скорей, там тебя ждут. Прямо через трубу! Знаешь дорогу?

— Еще бы! — весело сказал мальчик и смело побежал в темноту. Шеф полиции вылез из-за куста, отряхивая колени:

— Гениально! Может быть, уже пора их всех хватать?

— Ни в коем случае! — строго погрозил пальцем Тити. — Я все взвесил, сопоставил и сделал вывод. Спокойно ждите моего сигнала. В городе у меня еще два небольших дела, но я скоро вернусь, и мы все закончим в полчаса. Завтра вы можете отправиться в Тайный совет и делать свой доклад о раскрытии Чудовищного Заговора... Но! Ждите сигнала! Ясно? Ждите! Ждите! Ждите!

— Жду, жду, жду!.. — клялся Шеф с восторгом, нежно оглядывая своего гениального сыщика. — Ну прямо маленький хитренький чертенок, так и выпорол бы его, так и выпорол бы!..

Но Тити Ктиффа уже около него не было: он мчался в бронированной черной полицейской машине прямо в тюрьму, где дожидался ужасной казни несчастный Коко, запертый в одиночную камеру с решеткой, через которую был пропущен электрический ток.

Камера эта находилась в самом конце длинного коридора, где теперь толпились все тюремщики и надзиратели, заглядывая в окошечко.

Коко, в полном гриме и великолепном выходном костюме с громадными клетками на штанах, тоже стоял перед окошечком и строил им рожи, и дразнил, и издевался над всеми по очереди. Вид у него был самый развеселый, рот до ушей, так что, если бы он даже зарыдал, всем казалось бы, что он хохочет. Но он и не думал рыдать при тюремщиках. Он был гордый человек и хныкать себе позволял только с самыми близкими друзьями.

— А-а, я тебя знаю! — насмешливо крикнул он одному надзирателю, которого видел в первый раз в жизни. — Это ты во вторник проглотил со злости целую связку ключей, и они с тех пор у тебя все время звенят в животе! Что, неправда?! А вот подпрыгни!

— Врешь! Не глотал! — орал надзиратель. — Не звенят!

Но так как кругом все над ним подсмеивались, он подпрыгнул, связка ключей у него на поясе громко зазвенела, и Коко закричал:

— Ага, в животе!

Взбешенный надзиратель сорвал связку от пояса и швырнул на пол и снова подпрыгнул, а Коко очень ловко зазвенел цепочкой своих наручников и крикнул: «В животе! В животе!» Все повалились от хохота, а надзиратель прыгал до упаду, чтобы доказать свою правоту.

На шум прибежал разъяренный начальник тюрьмы, чтоб посмотреть, в чем дело, и Коко встретил его приветливыми словами:

— А вот и приятель Кривой Огурец!

И все вдруг увидели, что нос у начальника действительно очень похож на длинный кривой огурец, и они этого только прежде не замечали исключительно из уважения к его чину.

Начальник рассвирепел, кинулся на решетку, и его так потрянуло током, что спотыкающиеся от смеха надзиратели поскорей его уволокли за руки и за ноги обратно в контору.

В общем, такого безобразия, шума и топота в тюрьме не было еще с самого ее основания, и когда Тити Ктифф примчался на своей полицейской машине, чтоб забрать Коко на комбинат для очучеливания, начальник тюрьмы вздохнул с облегчением.

— Ну, — сказал Тити Ктифф, когда ему отворили камеру, — пора отправляться.

— Правильно, — бодро ответил Коко. — У меня тоже правило: никогда не откладывать на завтра то, что можно сделать послезавтра!

— Вы в полном порядке для комбината? — Тити сурово и презрительно оглядел клоуна, его загримированное лицо, ставшее еще более жизнерадостным и простодушным: свежий помидор красного носа, правильный полукруг сияющего улыбкой рта, растянувшегося от одного уха до другого. Лакированные ботинки с длиннейшими, хлюпающими при каждом шаге носками, широченные штаны в «индюшачью» клетку.

Совершенно неожиданно Тити рассеянно хмыкнул, хихикнул и чуть было не улыбнулся, но сейчас же буркнул:

— Вижу, все в порядке. Ничего более идиотского не придумашь! Ведите его!

Охрана усадила Коко в машину, и через пять минут Коко оказался... не на конвейере Чучельномеханического комбината, а снова в цирке.

— У нас есть еще часок, чтоб побеседовать, прежде чем я вас препровожу на комбинат, — с насмешливой вежливостью сказал Тити. — Вы, надеюсь, туда не торопитесь попасть?

— Нисколько! Только после вас! — так же вежливо ответил Коко.

Тити, вытащив сигару, закурил, привычно затянулся и вдруг, побагровев, закашлялся и удивленно заморгал. Попробовал затянуться еще раз, но тотчас со слезами на глазах отшвырнул ее. Странное дело: он почувствовал себя точно так, как мальчонка лет семи, стащивший у папы крепкую сигару и впервые попытавшийся затянуться!

«Все проклятый Тромбони с его проклятыми окунаниями в окаянной радужной чашке!» — мелькнуло у него в голове, и тотчас он позабыл и про Тромбони, и про все остальное и вдруг засмеялся, показывая пальцем:

— Это еще что такое?.. Хи-хи!..

Охранники посмотрели на нос Коко, вдруг вспыхнувший, как рубиновый огонек светофо-

ра, потом сменившийся желтым и тотчас зеленым светом, и тоже засмеялись.

— Сигнал зеленый? — спросил Коко. — Значит, можно идти! — И потушил нос.

Тити Ктифф с изумлением услышал свой смех и, стиснув зубы, процедил:

— Совершенно бездарный трюк! Ведите его за мной! — Он отвернулся от Коко и, свирепо хмурясь, пошел, внимательно осматривая цирковое помещение, бормоча: — Чушь, бред, полоумие, дурачество, балаган, Петрушка!

Длинными рядами висели на вешалках атласные, расшитые розами костюмы «белых» клоунов. За ними шли ряды клетчатых широких штанов с заплатами и тряпочными помочами, гигантские рваные пиджаки до пят — для «рыжих», мундиры цирковых служителей с серебряными лампасами, чалмы индийских факиров, балахоны восточных фокусников, гусарские мундиры укротителей, кожаные комбинезоны «гонщиков смерти» и воздушные пестрые юбочки танцовщиц, короны цирковых падишахов и хвостатые шкуры чертей из пантомим.

На полках рядами лежали пистолеты, стреляющие чернилами, приставные светящиеся носы, ботинки с фонтанчиками, бьющими из носка, маски банкиров, ангелочков, усатых пиратов, губастых сластен, дурашливых ротозеев, свирепых полицейских и, наконец, просто ослов, бегемотов, страусов, козлов и бульдогов...

— Черт знает что! — с недоумением пожал плечами великий сыщик. — Тряпки, рвань, дешевка. Кому это нужно? И люди ходили смотреть на это? Я-то в жизни не был в цирке.

— Еще как ходили! Дрались из-за билетов. В очередях стояли. Эх, славные костюмчики! Сколько я разных ролей сыграл в пантомимах: банкиров, трубочистов, царей и бродяг, великое множество веселых бродяг!

Сыщик опять вытащил было сигару, но отшвырнул ее и вдруг, нащупав в кармане мятную конфету, машинально быстро сунул ее себе в рот и с видимым удовольствием стал сосать, облизываясь.

— Совершенно не могу понять, что за удовольствие играть богатого банкира, а потом, после представления, оказаться опять нищим клоуном!

— О-о!.. — Коко с насмешкой смотрел на сыщика, чмокающего конфеткой во рту. — Кому что нравится! Да, мы, циркачи, доиграв пантомиму, приходим в костюмерную, сбрасываем с себя генеральский или царский мундир и не боимся остаться такими, какие мы есть. Мы-то знаем, что наши блески — из фольги, короны из жести и пистолеты заряжены хлопушками! Мы, переодевшись в костюмерной, садимся играть в шашки: царь — с воришкой, прокурор — с бродягой! А вы, настоящие банкиры, генералы и министры, судьи и полицейские, вы таскаете один костюм, не снимая, всю жизнь и начинаете верить, что ваши мундиры и мешки золота настоящие и вам

никогда не придется с ними расставаться! И какие же вы делаетесь жалкенькие, едва вам придется расстаться с вашим костюмом — просто ощипанные цыплята, да и только: прогоревшие миллионеры, жулики, обжуленные еще большими жуликами, уволенные министры, великие люди, все величие которых осталось в мундире, который с них сняли и унесли на вешалку...

— Слабоумные рассуждения, сборище глупостей, чепуха всмятку! — хмуро отмахнулся рукой сыщик и, двинувшись дальше, открыл шкаф. Минуту он собирался с мыслями, потом хлопнул себя по лбу и весело, по-детски расхохотался. — Да-да, я все время хотел спросить!.. Эй, подойдите-ка сюда, вы, старый мошенник! Вам теперь все равно не понадобятся ваши трюки и фокусы! Не правда ли? А мне хотелось бы выяснить кое-что. Узнать хотя бы секрет того фокуса... ну, когда вы повесили себя в шкаф, а сами выскочили на улицу и подглядывали через окошко за самим собой. Может быть, вы немножко со мной поделитесь своими секретами? Если только не торопитесь на комбинат. А? Как это делается?

— Нет, нет, мне туда не к спеху! — покладисто заметил Коко. — Поговорим, змееныш. А ты неужели никогда не пробовал поглядеть на себя со стороны? Это необыкновенно полезное упражнение! У меня получается.

— Вы мне только объясните технику! За остальное не беспокойтесь, — самоуверенно ска-

зал сыщик и вдруг рассмеялся. — Ну-ну, скорей, мне любопытно знать. Рассказывай скорей!

Коко внимательно всмотрелся ему в лицо. Происходило что-то странное.

То это была уменьшенная копия сыщицкой физиономии, то на мгновение обыкновенное детское лицо. И в эти мгновения он вдруг начал говорить по-детски на «ты»...

— Так вот... — неторопливо заговорил Коко. — Первым делом ты садишься у окна, чтоб тебя хорошо было видно с улицы, и глубоко задумываешься. Настолько глубоко, что забываешь, зачем ты подсел к окну. И вот тут, выбрав удобный момент, прежде чем ты успеешь опомниться, надо быстро выскочить на улицу и сразу заглянуть в окно. С первого раза это не получится. Но когда натренируешься, будет здорово! Ведь тут все дело в проворстве — научиться выскакивать с такой быстротой, что успеваешь полюбоваться на себя в окно, как ты сидишь себе и только-только собираешься вскочить и бежать!

— Гм!.. Странно... Очень странно! Никаких технических приспособлений? — пробормотал сыщик, рассеянно оглядываясь, и вдруг с детским любопытством спросил: — А это что?

На особой полочке в шкафу лежал небольшой, туго свернутый коврик с восточным рисунком, который можно было разглядеть на отвернувшемся уголке. К нему была прикручена проволокой маленькая металлическая дощечка.

— А вот тебе и техническое приспособление, — вскользь заметил Коко.

Сыщик повернул дощечку и прочел:

**«1001 ночь»
Ковер-самолет
г. Багдад**

— А-а! — вдруг радостно узнавая, засмеялся Тити. — Помню, помню! Это ты рассказывал, как они там в Багдаде забрались на крышу, сели и — вжжих! — улетели от халифа!.. А он сейчас... действует, этот фокус? В исправности? — Он опять точно со стороны услышал свои слова, отчаянно встряхнул головой, пришел в себя и закричал: — Бредни! Балаган! Сказки! Летный ковер! Выдумка для младенцев!

— Выдумка... Конечно, выдумка, дуралей ты, переросток. Неужели ты думаешь, что без выдумки хоть один чудак смог бы взлететь даже на два шага, не то что по всему Багдаду летать, помахивая ручкой одураченному халифу!

— Ерунда... Это какая-то путаница... — потирая себе лоб, бормотал Тити и вдруг твердо вскинул голову. — Довольно болтовни. Поехали на комбинат!

Охрана ободрилась, окружила Коко, и они двинулись к выходу. В коридоре Коко вдруг остановился и мечтательно проговорил:

— Отсюда я выбегал на сцену! Как ярко светили лампы! Как играла музыка! Как меня любили!

— А-а, там песок? — пробормотал про себя сыщик, что-то соображая. — Ну-ка, пойдем, мне еще нужно выяснить, в чем состоит эта игра в песочек. Непонятная игра! — Он взялся за цепочку наручников и потащил Коко на арену.

— Не понимаю, чего ты добиваешься от меня. Но мне не трудно тебе показать. Тут нет никакого фокуса. Вот, смотри. Ты просто садишься на песок и что-нибудь делаешь. Что у нас есть? Ниточка? Спичечная коробка? Отлично... Вот мы тут соорудим туннельчик!

Сидя на корточках, Тити-Пафнутик, напряженно хмуря брови и изредка встряхивая головой, точно отгоняя мух, следил за каждым движением Коко, который провел две кривые параллельные полосы по песку, изображавшие рельсы, и начал лепить туннель.

— Ты валяй помогай, — сказал Коко. — Стенки утрамбовывай покрепче, чтоб не засыпало паровоз.

— Чушь какая!.. — с отвращением пробормотал сыщик и, точно в легком забытии, живо проговорил: — Спичечная коробка — это паровоз? Понял! — и стал старательно утрамбовывать стенки туннеля, похлопывая по мокрому песку своими маленькими ладонями.

Через минуту он вдруг замер, уставясь в одну точку испуганным, недоуменным взглядом. Потом вдруг насторожился и, быстрым движением выхватив из кармана увеличительное стек-

ло, припал к нему глазом, жадно разглядывая песок.

— Куда ты уставился? — искренне удивился Коко. Лицо у сыщика было странное: наполовину Пафнутика, наполовину Тити Ктиффа, и они точно боролись между собой, и то одно, то другое одерживало верх.

Тити-Пафнутик, не отрываясь от песка, с беспомощным недоумением, почти со страхом проговорил:

— Я встречал этот след!.. Я знаю этот след! Давно-давно я его видел и запомнил!... — Он говорил как в полузабытьи. — Отпечаток этой маленькой ладони в песке! Да... И этот запах мокрого песка я помню... Такой же точно утрамбованный туннель с этими отпечатками маленькой ладони на крыше... И потом остается песок между пальцев... Я все помню: жестяной паровозик и вагоны из спичечных коробок, и кто-то вскрикнул от испуга... Пафнутик закричал: Паф!.. Неужели меня звали когда-то Пафнутик?.. И я испугался, что маленький человечек, который сидел верхом на паровозе, вместо со спичечным поездом попал в обвал. Я его вытащил, но он был весь в песке. Он был в шерстке... скорее, это был какой-то чертик, а может быть, мартышка, а?..

Вдруг он вскочил на ноги и в бешенстве выхватил пистолет:

— А-а! Это какие-то мерзкие фокусы! Ты меня заставил вспомнить то, что я вовсе забыл... Хва-

тит фокусов! Нет, ты очень опасный шут! Я чуть было...

— Ты чуть было не стал человеком, когда испугался за своего любимого игрушечного чертика в туннеле. Но потом ты все позабыл...

Но больше Коко никто не слушал.

— На комбинат! Прямо! Скорее! Без остановки! — задыхаясь от страха и злости, командовал Тити Ктифф.

Яростно сжимая в руке пистолет, помогавший ему снова почувствовать себя сыщиком, он топал от нетерпения ногой и сам подталкивал в спину охранников, толкавших в спину Коко.

Глава 36

ЛОМТИК КУПАЕТСЯ В ПИРОЖКАХ

Полицейские, вталкивавшие в машину скованного Коко, были бы очень удивлены, если бы через минуту вдруг оглянулись и увидели лицо великого сыщика Тити Ктиффа.

Странное равнодушие, полное безразличие было на этом лице. Со скучающим видом он дождался, пока машина не отъехала, и тотчас, оживившись, почти бегом помчался по цирковому коридору, вернулся на пустынную арену и присел на корточки перед свежеутрамбованным туннелем для спичечных поездов.

Здесь он просидел довольно долго, напряженно всматриваясь в отпечаток детских ладошек и стараясь понять, кто настоящий: Пафнутик, из которого получился знаменитый беспощадный сыщик Тити Ктифф, или наоборот — сыщик, внезапно превратившийся в давным-давно забытого мальчика Пафнутика.

Он подобрал спичечную коробку, к которой была привязана ниточка для проезда через туннель, и рассеянно сунул ее в карман. Потом, внезапно злобно стиснув кулаки, он прыгнул и затоптал ногами песочное сооружение и, потирая лоб, без цели побрел вдоль длинных безлюдных коридоров, пока не оказался снова в костюмерной.

Там он задумчиво примерил маску бородатого козла, посмотрелся в зеркало, сказал: «Бэ-э!» — и, пискливо засмеявшись, швырнул маску на пол.

Открыл шкаф и внимательно осмотрел ковер-самолет из «1001 ночи» с фабричной маркой «г. Багдад», и тут в голове у него слегка прояснилось.

Он быстро повернулся на все стороны — не видел ли кто-нибудь его дурачеств? Кругом не было никого.

Широкими шагами он твердо двинулся к выходу, и, если бы полицейские теперь увидели его лицо, они убедились бы, что перед ними не кто иной, как знаменитый сыщик...

Через несколько минут он уже, отперев дверь, входил в съедобную пещеру Аладдина, где томился Ломтик.

— Ну, ты не лопнул? — насмешливо осведомился Тити Ктифф.

Ломтик, зажав двумя пальцами нос, сидел, как можно дальше отодвинувшись от пирожных, пирожков, пряников, кренделей и тортов, источавших одуряющие ароматы.

Ни одно пирожное, ни один пирожок, ни один орех или засахаренный ломтик ананаса не был тронут. Вид у Ломтика был такой, как будто его окружают злейшие враги, хотя все сладкое, слоеное, рассыпчатое и соленое было до сих пор его самыми нежно любимыми друзьями.

— Не скажу! — с ненавистью выпалил Ломтик, едва появился Тити Ктифф на пороге. — Сам можешь лопнуть, а я не скажу, паршивое ты Пафнутище! И не желаю твоих вонючих пирожков!

— Странно, — без особого интереса, рассеянно заметил Тити-Пафнутик. — Я был уверен, что ты отчаянная жадина. Неужели я ошибся?

— Нет, — со слезами заорал Ломтик, — ты не ошибся! Жадина и есть! Но когда все они... сидят сейчас голодные... Выпусти меня отсюда! Не желаю! Все равно не скажу!

Тити лениво усмехнулся:

— Да, собственно, ты мне теперь уже и не нужен! Все заговорщики собраны в мышеловку, окружены на пустыре. И где-нибудь невдалеке

найдутся и сбежавшие животные и звери... Мы не пропустили к ним ни одного ломтика колбасы, ни одного пирожка. От голода они начнут лаять, мяукать, стонать, хныкать и хрюкать, и мы переловим их голыми руками! Шутя! Стоит только дать сигнал!

— А... кто это... должен дать сигнал? — замирая от ужаса, спросил Ломтик.

— Не твое дело... — загадочно усмехнулся сыщик и вдруг, совершенно позабыв о присутствии Ломтика, озабоченно пробормотал: — Да, да, сигнал... время идет... пора! — и, быстро повернувшись, бросился вон из холодильника.

В полном отчаянии Ломтик кинулся за ним следом, и отброшенная дверь с силой ударила его по ноге, но не защелкнулась.

Тогда Ломтик обеими руками стал хватать пирожки и пихать их себе в карманы. Когда карманы раздулись, он набил себе за пазуху сколько мог, но и этого показалось ему еще очень мало, как только он вспомнил про всех голодных львов и собак. Тогда он достал из своих карманных запасов два обрывка бечевки, крепко завязал себе штаны повыше щиколоток, оттянул резинку на поясе и стал повыше щиколоток бросать пирожки себе в штаны, набивая их, как два мешка...

Когда он выбрался из холодильного склада на улицу, прохожие оглядывали его с сожалением и думали: «До чего же неуклюжее, нелепое чучело сделали из этого мальчика! Глядеть больно. Бед-

няга едва может двигаться. На комбинате совсем взбесились, что стали второпях выпускать такой брак!»

А несчастный Ломтик действительно едва двигался, так был битком набит пирожками. Он был похож на необыкновенно пухлого, лопающегося, еле дышащего от толщины мальчишка. Колени у него вовсе не сгибались, и чтоб шагнуть, ему нужно было каждый раз немножко поворачиваться боком.

К счастью, уже начинало темнеть, и его нелепая фигура мало привлекала внимание. Шаг за шагом он добрался до знакомого спуска к реке, где стояли лодки.

Пирожки сначала охладили его, потом они согрелись и стали греть его самого. Он шел как будто в пирожковой шубе.

Лодочка, на которую он рассчитывал, оказалась на месте. Обломок весла плавал в грязной воде на дне лодки. Он был коротковат, но грести все-таки было можно. Ломтик, весь обложенный своими возлюбленными пирожками, стараясь не дышать носом, чтоб не слышать их искушающего запаха, оттолкнулся от мостков и потихоньку стал выгребать на середину темной реки, подальше от берега, со страхом оглядываясь, не гонится ли за ним паршивый Пафнутик, которого он боялся теперь хуже любого взрослого.

А что делал в это время Пафнутик — Тити Ктифф? Этого никто не знал, даже сам Шеф по-

лиции, дожидавшийся его сигнала на осажденном пустыре.

Пафнутик, тихо улыбаясь от приятного жужжания в голове, позвонил на комбинат и распорядился приготовить фургоны для перевозки зверей и детей.

Ему казалось очень забавным и приятным это предстоящее завершение блестящей операции по раскрытию заговора.

Теперь, собственно, ему нужно было ехать на пустырь, но в голове у него так странно оживленно играли и вспыхивали цветные искорки и пузырьки, точно он еще купался в «укоротине», что ему почему-то не хотелось торопиться. У него засело в голове одно дельце, которое сейчас его интересовало просто неудержимо! И он, вместо того чтобы отправиться на пустырь, опять помчался в цирк.

Не глядя по сторонам, он устремился в костюмерную, к шкафу... Туго скатанный в рулон ковер-самолет он нашел не глядя. Жадно его схватил, сунул под мышку и, торжествуя и злорадствуя, на цыпочках вышел обратно. Ковер в его руках, он не станет докладывать о своей находке даже Шефу полиции! Пусть остается с носом!

Ведь это он сам заставил разоткровенничаться этого хитрого клоуна и выведал его удивительные секреты. Ни с кем делиться он не собирается!

Глава 37

ОТЧАЯННОЕ РЕШЕНИЕ

Шеф полиции сидел на своем оперативном командном пункте на краю Шлакового пустыря и ждал сигнала,

Снаружи командный пункт был отделан искусственным шлаком и был очень похож на большой грязный и черный ананас, увенчанный пучком лопухов, среди которых для маскировки прохаживались две механические кошки.

Внутри ананаса помещался Шеф полиции, в мягком кресле, окруженный всяческой радиоаппаратурой, помогавшей ему поддерживать связь со всеми видами полиции: наземной, подводной, воздушной, подземной и подпольной.

Вокруг всего пустыря протянулись тройные цепи полицейских с сетями, и офицеры с большими булавками ползали все время и не переставая кололи своих подчиненных, следя, чтоб никто ни на минуту не заснул.

Время шло. Тити Ктифф все еще не давал условленного сигнала начинать нападение на оцепленный со всех трех сторон домик Капитана Крокуса, и Шеф полиции нетерпеливо ерзал в своем кресле, прислушиваясь, не запищит ли наконец приемник, соединявший его с великим сыщиком.

И приемник наконец запищал.

— Алло, это вы, Шеф? — пропищал своим Пафнутиковым голосом сыщик. — У вас все в порядке?

— Тити? Наконец-то! — обрадованно воскликнул Шеф. — Ну что? Можно уже начинать?

— Ни в коем случае! Вы все мне испортите! Ждите. Я сам скоро у вас буду... — Неожиданно голосок Тити тихонько хихикнул. — Вы еще лопнете от удивления, Шеф!.. Хе-хе, вот то-то, старый дракон!

Приемник шелкнул, прерывая связь, и Шеф с уважением покачал головой, недоуменно почесывая за ухом:

— Дракон?.. Что он еще выдумал? Ничего не поделаешь, придется подождать. Хитрый, как муха, цепкий, как клещ, и пронырливый, как сыщик, маленький чертенок! С тех пор как он стал квасить себя в этом «укоротине» и сделался малюткой, он еще похитрел процентов на полтора-ста, честное слово! Все нити заговора держит в своих ручонках, приходится слушаться его приказаний, чтоб ему лопнуть!.. — Он нажал кнопку и вызвал по радио трех своих самых главных помощников. — Никто не спит? — строго спросил он. — Офицеры булавками колются?.. Отлично! Вот вам троим по булавке, колите и офицеров, чтоб они тоже не зевали!

И действительно, всю ночь ни один из здоровенных полицейских, оцепивших домик на пустыре, не сомкнул глаз.

А в обреченном домике ребята — Ужасные Заговорщики — тоже не смыкали глаз всю ночь, хотя среди них было немало таких, которые в обычное время привыкли ложиться в постель в девять часов вечера.

Проголодавшиеся звери на барже тоже не спали, чуя вокруг себя толпы притаившихся чужих людей, волновались, вздыхали и лопотали тревожно и приглушенно.

Ставни на окнах в домике были плотно закрыты, так что яркий свет ламп, зажженных в большой комнате, не был виден снаружи. Весь пол комнаты был покрыт простынями, наволочками, занавесками и какими-то странными кусками и кусочками материи всех цветов и узоров, какие можно вообразить. А по полу ползали на коленях десятки девочек, больших и маленьких, и усердно сшивали все куски вместе.

Тот, кто заглянул бы вдруг в эту комнату, наверное, очень удивился бы! Но он удивился бы еще гораздо больше, если бы догадался, что именно так старательно и торопливо шьют девочки. Потому что они шили ПАРУС!

Самый удивительный, невиданный парус в мире!

Одна к другой сшивались тряпочки в горошек, и в клеточку, с бабочками и цветочками, разноцветные косынки, которые девочки только что сорвали с головы, чей-то фартучек с зайчиком, вышитым маминой рукой, коврик с мухомором и даже кусок настоящей парусины!

Это и был отчаянный план Капитана Крокуса, в который он сам почти не верил. Но ребята — Ужасные Заговорщики — поверили в него сразу и вот теперь ползали по полу и шили, спешили и шили свой невозможный, немыслимый парус!

Мальчики плоховато управлялись с иголками и нитками, и пользы от них было мало. Им нашлось другое занятие: во дворе они стояли как часовые, с ложками, кастрюльками и сковородками, готовые ударить тревогу в случае внезапного нападения.

А Капитан Крокус с Нероном, Мухолапкиным и Щелкунчиком отправились проверить, свободен ли путь от домика к барже, стоявшей под самым обрывом. Они поскользнулись и благополучно съехали в темноте вниз под откос, к берегу реки, и убедились, что этот единственный путь по-прежнему свободен — полицейские, точно подковой, окружили домик так, что оба конца подковы упирались в берег реки, отрезая все пути по земле. Но заброшенные баржи, уже лет двадцать стоявшие у причала, полицию, видимо, пока не интересовали.

Мухолапкин со Щелкунчиком встали на вахту по приказанию Капитана и зорко смотрели вперед.

Некоторое время все было тихо и впереди не было видно ничего подозрительного, как вдруг Щелкунчик шепотом закричал:

— Чужое судно подходит к борту!

Капитан Крокус с пистолетом подбежал к борту. На чужом судне кто-то тяжело пыхтел, как перегревшийся двигатель, и царапался о высокий железный борт баржи.

Немного погода пыхтение стало потише, и можно было расслышать, что шептал Ломтик:

— Это я! Поднимите меня на борт!

Ему спустили веревку с узлами, но он ее оттолкнул.

— Что вы мне суете? — обидчиво шипел Ломтик. — Я говорю — поднимите меня. Я сам двинуться не могу! Я весь в пирожках! Они распухли от тепла! Того и гляди, совсем меня задушат!

Ему спустили петлю, он еле влез в нее одной ногой и был вытащен на палубу.

— Ты весь раздулся! — с ужасом всплеснул руками Мухолапкин. — Ломтик, неужели ты так объелся!

— Дурак... — плаксиво выругался Ломтик. — Я даже хвостика не откусил. Капитан, скорее переверните меня вверх ногами и вытряхните пирожки!

Его схватили за ноги, подняли, встряхнули, и целая гора пирожков высыпалась на палубу. Шатаясь, Ломтик встал на ноги и вытряхнул все из карманов и из-за пазухи. Верхушка горы доставала ему почти до пояса!

— И это все дотащил ты один? — с восхищением похлопывая Ломтика по спине и по живо-

ту, воскликнули Мухолапкин и Щелкунчик. — И ни одного не съел?

— Я их теперь ненавижу. Они меня чуть не задушили... А первый я сам дам Нерону. Вспомнить страшно, сколько пирожков я не донес и слопал по дороге, когда мне так хотелось его угостить! Вот он как на меня теперь смотрит, Нероша, хороший наш Головастик! Ты помнишь, как ты был бедным уродиком — Головастиком?

Ласково приговаривая, Ломтик присел на корточки перед Нероном и протянул ему пирожок. Нерон фыркнул и отвернулся.

— Нероша! — плачущим голосом стал уговаривать Ломтик. — Если ты не возьмешь, значит, ты меня не простил за то, что я никак не мог донести до тебя ни одного пирожка! Не простил?.. — И Ломтик заревел от обиды после всех перенесенных им испытаний. Он продолжал поглаживать льва по голове, совать ему под нос пирожок и умолять откусить хоть маленький кусочек.

Нерон долго, внимательно на него смотрел и слушал, потом тяжело вздохнул и взял пирожок в рот.

— Тебе необходимо подкрепиться! — Капитан развел руками. — Ничего другого нет, попробуй проглотить пирожок!

Нерон с несчастным видом посмотрел на Капитана, на Ломтика и, громко чавкнув, насильно проглотил пирожок как лекарство. Но внезапно глаза у него повеселели, он потянулся и

осторожно взял из рук у Ломтика второй пирожок.

В восторге Ломтик нахватал с пола целую груду пирожков и, прижимая их к груди, как охапку дров, побежал кормить остальных львов.

Сначала львы недоверчиво косились и заглядывали в рот Нерону, глотавшему пирожок за пирожком, потом попробовали и под конец, столпившись вокруг Ломтика, нетерпеливо ждали своей очереди, подталкивая его мордами.

— Кушайте, кушайте... — в упоении повторял Ломтик, раздавая пирожки всем поровну. — Все кушайте, мне ни капельки не хочется, ни с капустой, ни с мясом... а вот этот с вареньем: кто желает?

Молоденькая львица пожелала, проглотила и облизнулась.

В других отсеках баржи Мухолапкин со Щелкунчиком кормили пирожками всех подряд. Собаки хватали пирожки с жадностью. Кошки жевали нехотя и очень осторожно, кролики с наслаждением выгрызли капустную начинку и не знали, что делать дальше, а белки, любившие пожевать что-нибудь крепкое и хрустящее, утащили выпотрошенный пирожок к себе в угол и, придерживая его лапками, уселись вокруг него вчетвером, откусывая маленькие кусочки, и после этого каждый раз с удивлением переглядывались.

Капитан подал команду шепотом:

— Свистать всех наверх!

И Мухолапкин со Щелкунчиком должны были лезть на мачту, укреплять там блоки и пропускать через них веревки.

Ночь уже подходила к концу, когда в домике дometали последние стежки. Парус был готов, и его общими усилиями скатали в длинный сверток и вытащили во двор. Там все Ужасные Заговорщики, мальчики и девочки, выстроились в два длинных ряда, стали друг против друга, разом подняли скатанным парус и, спотыкаясь, толкаясь и пыхтя, потащили его к обрыву, потом вниз с обрыва, к причалу, и наконец по сходне втащили на баржу и по команде в изнеможении уронили на палубу.

Тогда Капитан Крокус сказал:

— Дети! Сейчас мы поднимем парус, и, если подует ветер, может быть, нам удастся отойти от берега. Если нам очень повезет, мы выйдем в открытое море. И после этого, если нам повезет сказочно, волшебнo, может быть, мы доплывем до какого-нибудь города, где дети — просто дети, а не Маленькие Взрослые, где любят смеяться над живыми клоунами, где любят и уважают сказки и где наших бедных зверьков, маленьких и больших, пустят на берег и не станут из них делать чучела. Но если нам хоть чуточку не повезет, нас схватят полицейские или мы попросту утонем. Я давно выбрал свой путь. Я уйду в море со всеми львами, и енотами, и собаками! Но вы выбирайте сами.

Сейчас еще не поздно сойти на берег тем, кто хочет остаться. Вас могут простить, вы еще маленькие... Щелкунчик, можешь не говорить, я знаю, у тебя твердое сердце, ты останешься со мной. И ты, милый Мухолапкин, у тебя мягкое сердце, ты тоже не уйдешь!.. Ломтик, ты не оставишь Нерона? Близнецы, я вижу, вы уже схватились за руки! Значит, вы тоже твердо решили остаться? Но как все остальные?.. Тш-ш! Кричать нельзя! Никто не уйдет? Никто-никто? Так, я понял...

Ночь уже кончилась, но утро еще не наступило. Зарево над городом побледнело, и воздух над рекой чуть посерел. Ветерок совсем упал перед рассветом, и вода перестала плескаться о сваи старого причала.

В полной тишине над водой начало расти смутное белое пятно, поднимаясь неровными толчками все выше.

Тихо поскрипывали блоки, шепотом передавалась команда, сотни маленьких рук под дружное приглушенное кряканье тянули веревки, и парус медленно, толчками вставал над старой баржей.

С тихим всплеском упали канаты, удерживавшие баржу у причала. Все стихло и замерло. Поднятый парус бессильно, безжизненно повис.

С палубы на него смотрели сотни пар глаз в отчаянном ожидании, но ничем не могли ему помочь. А небо над парусом уже неумолимо начало светлеть.

— Скоро полицейские на пустыре заметят парус у берега и явятся сюда, — спокойно сказал Крокус. — Мы со львами будем драться! Погибнуть, сражаясь! Все лучше подлой смерти в клетке Чучельного комбината.

А в это время Шеф полиции, сидя в своем маскировочном командном ананасе, не переставая вызывал и вызывал по радио великого сыщика, добиваясь от него сигнала, разрешающего наброситься на домик и захватить всех Ужасных Заговорщиков.

Если бы Тити Ктифф вовсе не откликался, Шеф давно решился бы действовать на свой страх и риск, но все дело в том, что Тити все время откликался, но никак не желал давать последнего сигнала.

Последний обстоятельный и разумный разговор состоялся у них уже несколько часов назад. Аппарат щелкнул, и тонкий голосок Тити-Пафнутика вызвал Шефа.

— Как делишки? Полиция ваша еще не захрапела, валяясь на шлаковых пуховичках? — ехидно спросил малютка-сыщик.

— Нет, нет! — заверил Шеф. — Они все время так колют друг друга булавками, что только подсакивают, им не до сна!

— Отлично! — пропищал Тити-Пафнутик. — Сейчас я к вам вылетаю, и с большой булавкой, чтоб и вы не заснули! Ждите и не шевелитесь!

— Ждать?

— Ждать! Не приставайте ко мне! Я сказал, что всех вас удивлю! Да не мешайте вы мне больше! Экий приставучий дракошка!

«Что он там еще затеял? — с беспокойством думал Шеф. — Не мешать?»

Тити в ту минуту действительно не надо было мешать. Он сидел на самом гребне крыши цирка, расправляя под собой украденный из гардеробной багдадский ковер-самолет с жестяным номерком. Наконец он уселся удобно и хихикнул от удовольствия.

— Ну, поехали! — сказал Тити и, сидя на коврик, оттолкнулся ногами.

Коврик сполз немного по скату и застрял на месте.

— В чем дело? Куда вы поехали? — недоуменно спрашивал Шеф, прислушиваясь к тому, что передавал секретный радиопередатчик, спрятанный в одной ноздре у Тити.

— Как — куда? — весело удивился Тити. — Что я, по-вашему, глупее каких-то багдадских турок? Я им еще дам сто очков вперед! Ура, я полетел! Свалюсь, как ком, прямо на голову! Ах, дракошка-дрикатошка-дрикатошка-дрикакошка!

Так, весело напевая, сыщик несколько раз сильно оттолкнулся ногами, коврик со свистом понесся вниз по скату крыши и действительно взлетел...

И с этой минуты Шеф не мог добиться от великого сыщика ни одного понятного слова. Сы-

щик откликался на вызовы и отвечал веселым голосом, но ясно было, что он говорит на загадочном зашифрованном языке.

— Я не понимаю вас! Не понимаю! — взывал Шеф. — Тити, ради бога, объясните, про какого дракона вы все время говорите? Какие турки? Куда вы летите? Сколько нам еще ждать?

В ответ он получал только зашифрованные тревожные, непонятные сообщения:

— Дракон? Старый вонючий, корявый, трухлявый, сучковатый, закрюченный вроде тебя самого!

— Не понял вас! Повторите! Не понял вас!

В ответ приемник вдруг начинал невнятно напевать:

Плакса-вакса, гуталин,
На носу горячий блин!

— Слушайте, Тити Ктифф! Важное сообщение: полицейские мне только что донесли, что на реке за домом поднимается что-то белое. Заговорщики что-то затевают! Что предпринять?

— Уколите себя толстой булавкой, чтоб проснуться! — весело посоветовал голос Тити. — Сидите тихо, я вот-вот прилечу!

И совершенно сбитый с толку, красный и разъяренный Шеф полиции снова услышал отголоски непонятно зашифрованной песенки про гуталин, про плаксу и ваксу!..

Глава 38

БАГДАДСКИЙ КОВЕР-САМОЛЕТ

Утреннее заседание Тайного совета многоэтажников началось на рассвете, в ту самую секунду, когда закончилось ночное заседание, которое началось сразу же после конца вечернего, начавшегося в тот самый момент, когда... короче говоря, господа тайные советники заседали, не вставая с тех самых пор, как от Шефа полиции стали беспрестанно поступать тревожные сообщения о разрастающемся заговоре Ужасных Маленьких Заговорщиков.

Накануне, когда великий Генерал-Кибернатор, по обыкновению, орал в исступлении: «Очучелить! Всех! Зверей! Свиней! Клоунов! Львов и укротителей! Детей! Вне очереди! Срочно! Без разговоров!», один из тайных советников вдруг ужаснулся и шепотом спросил:

— Де... — Он хотел сказать еще и «...тей», но не решился.

А другой икнул от ужаса, но Генерал-Кибернатору показалось, что он икнул не просто, а со значением, и, весь перекосившись от бешенства, заревел:

— Взять! Вне очереди! Распотрошить! Автоматизировать!

Командир Особой чучельной команды со своими молодцами сцапали и уволокли обоих почтен-

ных советников, и вот теперь на утреннее заседание их доставили с комбината вполне в «готовом» виде.

Аккуратно поднимая ноги, чтобы не упасть на пуховиках, устилавших пол Стеганого зала, они промаршировали, шлепнулись на свои места и, не моргая, выпучили глаза на своего повелителя. Прекрасные, полностью автоматизированные и вполне тайные советники, которые уже никогда ни о чем не станут заикаться!

Секретный Секретарь нажал кнопку, и в зале появился Шеф полиции, срочно доставленный по воздуху для доклада.

— Господа тайные советники желают знать... — тихо спросил Секретный Секретарь, незаметно покосившись на Генерал-Кибернатора, — да, желают знать: где заговорщики?

— Все, как один, окружены и запечатаны в мышеловке!

— А почему не на комбинате?

— Только прикажите — сейчас кинемся и всех похватаем! Задержка только из-за Тити Ктиффа. Он все почему-то не дает сигнала. Все время передает мне зашифрованные сообщения, запутал совсем. Сказать по секрету, он последнее время вообще что-то не в себе... — пустился было кляузничать Шеф полиции.

Но Секретарь опять нажал кнопку, и в зал вприпрыжку вбежал знаменитый укороченный и уменьшенный сыщик Тити-Пафнутик.

После того как он, раскатившись под откос крыши, взлетел на ковре-самолете, он улетел не так уж далеко.

Описав в воздухе кривую, он с треском рухнул и застрял в середине большой липы у самого подъезда цирка.

Благодаря своему маленькому росту и легкому весу он довольно удобно устроился среди веточек и листьев и там и остался лежать, покачиваясь от легкого ветерка и оставаясь в прекрасном расположении духа. Несколько часов спустя его обнаружила полицейская радиолокационная машина в тот момент, когда он возобновил передачи, посылая Шефу полиции оскорбительные радиограммы.

— Честь имею явиться! Фнути-Тифф! — сказал великий сыщик и подмигнул Шефу полиции. — А-а, старый закорюченный, полудохлый дракошка, и ты тут!

— Тити Ктифф, вы находитесь перед лицом великого Генерал-Кибернатора! — строго сказал Секретный Секретарь. — Прекратите ваше непристойное хихиканье!

— Сейчас, — серьезно сказал Тити Ктифф. — Это все маленькие лебедята пакостят. Вот уж озорники!

— Где находится государственный преступник бывший клоун Коко, которого вы арестовали?

— Где?.. Вж-ж-ж! — Тити Ктифф подмигнул, подпрыгнул на одной ножке к Шефу полиции и чирк-

нул ладонью его по животу, как будто делая первые приготовления, чтобы начать его потрошить.

Шеф в испуге отскочил, закрываясь обеими руками, но Секретарь понял:

— Отправлен на комбинат? Он готов?

— Готов, поспел, доехал, спекся... — беспечно кивнул Тити и снова захихикал.

— Прекратите!.. — начал было Секретарь.

Но Тити поспешил объяснить:

— Э-э! Легко говорить «прекратите»! Сам бы на моем месте не удержался! Я же говорю: это все маленькие лебедята. С тех пор как я стал Лебединым Озером, они все плавают по моей поверхности и щекочутся лапками. Просто ужас!.. Вот опять начинают, вот опять!.. А песочка у вас тут нет — я бы вам такой туннельчик соорудил!

Великий Генерал-Кибернатор, выпучив глаза, начал было свое обычное: «очу... очучи...», но от изумления так и не закончил. Тити Ктиффа поспешно потащили из зала, а он показывал язык, лягался и кричал:

— Отстаньте от меня, противные дядьки! Хочу в песочек!

Великий Генерал-Кибернатор в этот момент пришел в себя, то есть, точнее, опять вышел из себя, что было его нормальным состоянием, и завопил:

— Доставить! В готовом виде! С комбината! Немедленно! Сейчас же! Желаю осмотреть чучела! Клоуна сюда! Поросятка!

Глава 39

ПАРУС

Шумно и оживленно началось в городе утро. С самого рассвета полицейские машины уже мчались с завыванием по всем направлениям. Длинная вереница черных фургонов Чучельного комбината потянулась к Шлаковому пустырю, готовясь забрать всех Ужасных Заговорщиков и зверей.

На главной площади пылала целая гора растрепанных разноцветных книжек-сказок. Стаи пестрых страничек и белых листков высоко взлетали в воздух, точно из кратера вулкана в разгар извержения. Вместе с пеплом, поднятые волной горячего воздуха, они кружились и уносились с площади высоко над крышами, точно целые караваны пестрых и белых птиц.

Пожарные непрерывно поливали горящие сказки специальной поджигательной жидкостью, так что стены домов, окружавших громадную площадь, стали теплыми.

Поднялся ветер. Он подхватывал улетающие с костра листки и нес их с собой в сторону моря. Их было так много, что скоро стало казаться — высоко в воздухе над городом течет река улетающих листков.

Колеблясь, покачиваясь и ныряя в прозрачном воздухе, улетали белые странички, на которых взмахивали белыми крыльями лебеди, сверкали морозным инеем ледяные моря и мчалась в

снежном вихре Снежная Королева в блеске северного сияния. А на других зеленели луга, пестрые от весенних цветов и бабочек, и темные леса с избушками на курьих ножках, уходили в радужные миражи пустыни караваны верблюдов, и на рваной, трепетавшей от ветра страничке с обожженными краями, казалось, быстро перебирал ножками жизнерадостный Буратино, спеша убраться подальше от города, рядом с плавно изгибавшимся листком, который нес на ковре-самолете радостного человечка в чалме над крышами Багдада. И стаи любопытных чаек, живших на реке у впадения в море, поднялись в воздух и с криком помчались, кружась и ныряя, следом за рекой улетающих сказок, с изумлением наблюдая, как белые нарисованные облака взлетают в небо все ближе к настоящим белым облакам, плывущим над морем.

А в это время на краю Шлакового пустыря, вздымая тучи пыли, показались первые фургоны Чучельного комбината.

Шеф полиции с разбегу ворвался на свой командный пункт и изо всех сил заорал во все свои передатчики команду:

— Закончить операцию «Мышеловка»!

Густыми толпами полицейские с испачканными мордами поднялись с земли, где пролежали всю ночь в засаде, и торопливо начали чиститься. Земля на Шлаковом пустыре была не очень приспособлена для того, чтобы на ней ночевать!

Капитан Крокус, стоя у штурвала баржи с пистолетом в руке, увидел тучи черной пыли, которую поднимали фургоны и двинувшиеся по пустырю полицейские, и сказал львам:

— Ну, детки, вот и конец! Будем драться! Пока мы живы, не дадим полицейским хватать ребят! Так я говорю?

— Да! — ответили львы. Глаза у них загорелись, они медленно подошли и стали, слегка пригнувшись и готовясь к прыжку, у самого борта.

«Странно, — подумал Капитан Крокус. — Ведь всю жизнь я считался капитаном. Но я был только капитан львов. А погибать мне приходится у штурвала корабля... который, правда, так и не сдвинулся с места».

Капитан в последний раз бросил взгляд на парус. Он висел как тряпка. Да он и был громадной тряпкой, как всякий парус, когда нет ветра, чтоб его развернуть.

Очень уставшие за ночь ребята стояли на палубе, тоже не отрывая глаз от паруса, и самые маленькие и слабенькие из них уже завели тихое жалобное похныкивание, которое грозило перейти в общий безутешный рев и плач...

С высоты обрыва, где стоял домик Капитана Крокуса, неся топот, звон разбиваемых стекол и крики — это полиция под командой самого Шефа обыскивала и переворачивала все вверх дном, разыскивая сбежавших Ужасных Заговорщиков.

Обнаружив, что домик пуст, полицейские ки- нулись обыскивать все вокруг, и вот уже сам Шеф полиции появился на высоком обрыве и увидел баржу. Видно было, как он протянул руку, показывая своим молодцам, и что-то крикнул, но звука его голоса не было слышно.

Неистовый, пронзительный резкий тысячего- лосый крик чаек заглушил все вокруг. Шеф по- лиции изумленно поднял голову и уставился на небо.

На палубе баржи сотни пар глаз, среди кото- рых было уже немало заплаканных, сотни ма- леньких носов, среди которых было немало уже мокрых и жалобно хлюпающих, тоже запроки- нулись и уставились в небо, где, кружась, ныряя и взлетая, окруженная обезумевшими от любо- пытства чайками, играя на солнце, текла высоко в воздухе река листочков.

Поток теплого ветра пригнул траву на обры- ве, зарябил воду, и дети, задрав кверху головы, замерли с открытыми ртами, и тут тот самый ма- ленький мальчик, который накануне самым последним тащил большую ливерную колбасу на пустырь, а теперь стал первым обладателем самых заплаканных глаз и самого мокрого кур- ногого, шмыгающего, хлюпающего носа, самый первый улыбнулся, сперва робко, потом до ушей, потом засиял и замахал шапочкой, глядя в небо.

— Ты кому? — спросил его Мухолапкин.

— Гусек!.. Он лисицу обманул! Во-он летит! — воскликнул Мальчик, Который Хотел Принести Ливерную Колбасу.

— Дурачок ты, — сказал Мухолапкин. — Это Братья Лебеди.

— Белоснежка! — охнула от радости девочка.

Текла воздушная река, кричали чайки, все новые листки, колеблемые, подхваченные ветром, неслись к морю, и каждый видел что-нибудь свое любимое и следил за ним глазами и вскрикивал от радости, узнавая друзей.

В глазах все мелькало, трепетало, переливалось, точно крылья бабочек, так что нельзя уже было понять, ветер ли несет белокрылых лебедей или взмахи их крыльев гонят воздух, поднимая ветер.

Железный борт баржи громко заскрежетал о причал. Капитан Крокус вздрогнул, оглянулся и чуть не вскрикнул: звенящий пестрый ветер наполнил заплатанный парус со всеми его горошками, клеточками, мухоморами и цветочками. Парус развернул свои обвисшие складки и медленно, гордо расправил грудь. Платочки, косынки, холстинки стали парусом!

Баржа еще раз толкнулась о причал, и вода заплескалась и забурила у ее борта. Капитан Крокус кинулся к штурвалу, повернул его, и тут все заметили, что баржа поплыла, отворачивая от берега! Поплыла!

Солнце встало где-то далеко в открытом море, и от него по воде пролегла алая полоса солнеч-

ного света. И по этой вот полосе, медленно рас-секая волны, двинулась старая баржа мимо го-рода, прямо к открытому морю и солнцу.

Остался позади Шлаковый пустырь с поли-цейскими, бегавшими по берегу, с черными фур-гонами, готовыми к погрузке, с распахнутыми железными дверьми.

Громадный, тысячеэтажный, миллионно-конный город медленно уходил назад. Вода жур-чала у бортов, вокруг баржи стоял гомон чаек и детских веселых голосов, а в городе как будто ничего не изменилось, только всем вдруг стало как-то неуютно и пусто. Точно над городом вклю-чили гигантский холодильник и все там, начи-ная с человеческих сердец, стало застывать.

Глава 40

НОЧЬ НА ПОМОЙКЕ

В это утро Малыш проснулся на чужом гряз-ном дворе, у самой помойки, куда его завел Пер-сик. Тут они провели, спрятавшись между желез-ными урнами, всю ночь, а поросенок нашел себе кое-что по вкусу и, несмотря на подавленное со-стояние духа, немного закусил.

Грязные, голодные и невыспавшиеся, они проснулись на рассвете от воя полицейских ма-шин, мчавшихся по городу, и от едкого запаха дыма гигантского костра на площади.

Малыш попробовал было уговорить Персика вернуться домой, но не тут-то было! Персик решительно натянул свой поводок, точно полицейская собака, взявшая след, и Малыш, протирая кулаком слезящиеся, красные от дыма глаза, едва поспевал бегом за Персиком.

На углу Малыш остановился, тяжело переводя дух, глянул на стену дома и обомлел — вся стена была заклеена афишами, с которых прямо на него глядела увеличенная фотография Персика в профиль и анфас. Под фотографией крупными буквами было написано:

ТРИ ЭТАЖА НАГРАДЫ ТОМУ,
КТО ПОЙМАЕТ,
ЗАДЕРЖИТ ИЛИ УКАЖЕТ ПОЛИЦИИ
МЕСТОПРЕБЫВАНИЕ
ПОРОСЕНКА ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ,
ПО ФАМИЛИИ
ПЕРСИК,
В СЫРОМ ИЛИ ГОТОВОМ,
ТО ЕСТЬ ОЧУЧЕЛЕННОМ
И МЕХАНИЗИРОВАННОМ, ВИДЕ!
ЗА УКРЫВАТЕЛЬСТВО —
ОТПРАВКА НА КОМБИНАТ.

Персик тоже внимательно рассмотрел афишу, самодовольно фыркнул и разочарованно прихрюкнул: ему, конечно, льстило, что его портреты вывешивают на улицах, но он считал, что в

жизни он выглядит интереснее, и кроме того, на фотографии уместились только голова и плечи, а он считал себя очень стройным, красиво сложенным поросенком!

По переулкам они стали пробираться дальше, то и дело окунаясь в клубы дыма, которые ползли по всему городу. Неожиданно Персик с силой рванул поводок и помчался вперед. Задыхаясь и спотыкаясь, они влетели в какой-то двор. Персик в страшном волнении, пытая и сопя, стал обнюхивать следы у двери.

Малыш огляделся — они были во дворе цирка.

Персик нанюхал следы Коко, уходящие от цирковой двери, и растроганно расхрюкался самым нежным, умильным хрюком, но затем он обнаружил множество следов полицейских, которые вели Коко, и со злостью обхрюкал их самым оскорбительным образом.

А в это самое время несчастный Коко, которого с такой неистовой энергией разыскивал преданный Персик, лежал крепко привинченный к стальной ленте потрошильного конвейера, в самом центре Чучельномеханического комбината.

Лента медленно ползла, приближаясь к громадным круглым ножам, которые, быстро вращаясь, готовились начать первую операцию по превращению жизнерадостного клоуна в безжизненное механическое чучело. Коко не мог пошевелить ни рукой, ни ногой, только с большим трудом ему удалось чуть-чуть приподнять голо-

ву. Он глянул перед собой, увидел вертящиеся, острые, как бритвы, и громадные, как колеса грузовика, ножи и поскорей закрыл глаза, всем телом чувствуя, как лента конвейера подвигается все ближе к ножам, и наконец почувствовал легкое дуновение воздуха от их вращения. И в эту минуту вдруг шум мотора затих — кто-то остановил конвейер. Коко прислушался.

— В чем дело? — лениво спросил старший мастер, именовавшийся Потрошило, у своего помощника Потрошонка. — Чего это ты остановил конвейер?

— Вот так история! — растерянно ответил Потрошонок. — Я слушаю городские известия. Ну и история!..

— Вечно ты слушаешь всякую брехню... то есть ценные сообщения Управления нашего дорогого Генерал-Кибернатора. Вынь ты, пожалуйста, из уха приемник, не то однажды зазеваешься да сам и угодишь в потрошилку!.. Что ты там опять услышал?

— Странная история! Только что передали, что дети со всего города, всякие звери... и какие-то там сказки — все уходят вот сейчас, сию минуту, на какой-то барже!

— Новое дело! — почесал за ухом Потрошило. — Куда же это они уходят? Да разве в городе остались еще дети? По-моему, все они давно уже получили Дипломы об Окончании Детства и стали Маленькими Взрослыми.

— Я тоже так думал... а они уходят... Ага, передают... Да, баржа плывет к выходу в море... Они подняли такую штуку... как ее называют... Ага, парус... И толпы народа сбегаются на набережную и смотрят, как уходит эта баржа. Вот так история!

Они обернулись, услышав радостный, ликующий возглас, а таких возгласов еще ни разу никто не слышал в потрошильном цехе.

Привинченный к конвейерной ленте, клоун со счастливой улыбкой восклицал слабым голосом:

— Они уходят! Уходят! Можете меня теперь сто раз распотрошить, я умру счастливейшим человеком: они уходят! Счастливого пути, Капитан! Мои сказки тоже уплывают в памятливых головах! Ура, Мухолапкин! Ура вам всем! Малышу, и Ломтику, и всем, всем, всем! Счастливого пути!

— Сошел с ума, — мрачно сказал мастер Потрошило. — Это бывает. Ведь его еще никогда не потрошили! Включай конвейер!

Конвейер снова загредел и двинулся вперед, и Коко, продолжая улыбаться до ушей, зажмурился изо всех сил... Когда он открыл глаза, он понял, что конвейер опять остановился, услышал спорящие грубые голоса и почувствовал, что его отвинчивают от ленты.

Командир Особой команды орал на трясущихся от страха Потрошилу и Потрошонка:

— Лентяи! Лодыри! Мне приказано сию минуту доставить его на заседание Тайного совета! А в каком он виде? В самом безобразном! Он же совершенно не готов! Разве это чучело? Как я его в таком виде повезу?

— Мы его сейчас быстренько!.. Мы его мигом сработаем! — заискивающе уверял Потрошило, хватаясь уже за рукоятку пуска конвейера.

— Мигом? Когда?

— Через два часа он будет уже готов и в полном порядке, ходить, кланяться, разговаривать, песни петь и танцевать...

— Дурак! — орал командир Особой команды. — Два часа? А господин Генерал-Кибернатор будет два часа дожидаться? Да за это время он и тебя и меня велит очучелить, да так, что ты станцевать не успеешь! — Он указал своим молодцам на Коко. — Тащите! Доставим его как есть, а потрошильщики будут отвечать, что не успели его приготовить в достойном виде.

Глава 41,

ТРЕБУЮЩАЯ ОБЯЗАТЕЛЬНО ВСПОМНИТЬ САМУЮ ПЕРВУЮ

Утреннее заседание Тайного совета многоэтажников закончилось. И в ту же секунду было открыто дневное: возмутительные известия, не-

вероятные сообщения и недопустимые сведения поступали одно за другим.

Мятежная баржа на виду у всего города медленно и неуклонно проплывала мимо переполненной народом набережной — к выходу в море.

Непреклонный Капитан с воинственно торчащими усами стоял у штурвала, окруженный львами, и на левом плече у него сидела маленькая обезьянка. На палубе дети махали руками, прощаясь с городом, а над их головами бесчисленные стаи чаек носились с криками, ныряя в воздухе среди пестрых, с обгоревшими краями листов сказочных книжек.

Громадные толпы взволнованных жителей со всех сторон сбегались к реке. Лица у них были бледные, испуганные, они в волнении размахивали руками, но в первые минуты бежали молча, боясь ослушаться приказа Тайного совета, объявленного по радио. В этот день на улицах строго запрещалось говорить вслух даже «здравствуйте» при встрече. Даже заикаться было строго воспрещено; каждый, кто осмелился бы громко чихнуть на улице, объявлялся государственным преступником, а сказавший при этом «будьте здоровы» — его соучастником.

Но вдруг какая-то женщина узнала среди толпы на борту баржи свою дочку, громко вскрикнула и позвала ее по имени.

И тогда крик поднялся вдоль всей набережной — все, у кого были на барже ребята, и все, у

кого их там не было, бросились бежать вдоль набережной следом за уходящей баржей и кричать!

Но баржа была на самой середине реки, и до ребят долетал только невнятный гул людских голосов...

А громадный костер, на котором пылали горы сказок, продолжал гореть на главной площади города.

Непрерывно заседавший Тайный совет беспребойно принимал одно решение за другим. Не успели еще сочинить приказ, запрещающий на улицах размахивать руками и придавать своему лицу какое бы то ни было выражение, как в Стеганом зале появился Суперкомандующий разрушительными силами города в парадном мундире.

Его вызвали на заседание до того поспешно, что, минуя обычный путь при помощи лифтов, вертолетов и подводных лодок, ввели прямо через дверь из передней.

В то время как великий Генерал-Кибернатор, вцепившись в ручки своего кресла, похожего на трон, бешено сверкал глазами, едва сдерживаясь, Секретный Секретарь, по обыкновению, тихо и спокойно объявил то, что ему внушил Генерал-Кибернатор:

— Господин Суперкомандующий! Мятежная баржа направляется к выходу в море. Вы должны ее остановить и вернуть и направить в Чучельномеханический комбинат.

— Остановим, — тупо, но непреклонно отдал честь Суперкомандующий. — А что прикажете делать, если она откажется остановиться?

И тут взорвался молчавший до сих пор Генерал-Кибернатор:

— Утопить! Взорвать и утопить! Всех! Чтоб следа не осталось от бунтовщиков! Уничтожить!

— Уничтожить? Вот это наша работа! — с облегчением гаркнул Суперкомандующий. — Следа? Не останется! — Он три раза подряд отдал честь. И тут же вызвал по радио самый большой из всех, какие были в его флоте, подводный броненосец «Матильда»...

Дневное заседание было закрыто и тут же открыто торжественно-триумфальное заседание по случаю подавления мятежа и заговора. И это тотчас было объявлено жителям города, чтоб они могли поскорее начать радоваться и ликовать.

Сам великий Генерал-Кибернатор милостиво согласился в самый торжественный момент выйти из Стеганого зала, прошествовать по коврам к лестнице, украшенной полицейскими в парадной форме, и появиться на площади, чтоб лично объявить народу счастливую весть о том, что порядок восстановлен и Чучельномеханический комбинат спокойно продолжает свою работу!

После этого в Стеганом зале наступила тишина — все ждали сообщений от Суперкомандующего.

Тайные советники прислушивались, напряженно приоткрыв рты, только сам великий Ге-

нерал-Кибернатор слегка пыхтел, приглядывая за тем, как ему укрепляют на груди новый орден Великого Автоматизатора.

И вот громкий плеск раздался во всех громкоговорителях Стеганого зала — это всплывал на поверхность воды громадный подводный броненосец «Матильда».

И в эту же самую минуту Капитан Крокус у своего штурвала, и все дети, и львы, и даже маленькая обезьянка на плече у Капитана — все увидели всплывающую громаду.

Командир «Матильды» поднялся на мостик и поднял ко рту мощный мегафон:

— Эй, на барже! Спустить парус, повернуть к берегу! Поворачивайте, или я открою огонь и пушу вас ко дну!

В Стеганом зале великий Генерал-Кибернатор, а с этой минуты и Великий Автоматизатор сказал:

— Ага! — и поднялся со своего кресла, еще больше ставшего похожим на трон, готовясь к торжественному выходу, и все тайные советники-многоэтажники поднялись, готовясь шествовать следом за ним.

На барже в это время рычали львы — у них шерсть поднялась дыбом от звука голоса командира «Матильды» и под кожей ходили желваки, но «Матильда» была далеко, они видели, что до ее командира им никак не добраться, и они глухо рычали от обиды.

Маленькая обезьянка испуганно обхватила Крокуса за шею. Какая-то девочка громко заплакала от страха.

И тогда в первый раз в жизни что-то дрогнуло в сердце Капитана Крокуса.

— Может, вам, дети, лучше вернуться? — с горечью проговорил Капитан. — Вы видите, нам не повезло. Сила на их стороне. У нас нет надежды прорваться к открытому морю!..

Но, странным образом, дети почти не смотрели на бронированную «Матильду», похожую на искусственного автоматизированного кита. Они, смеясь от радости, смотрели, запрокинув головы вверх, туда, где над баржей неслись листочки, с которых им как будто ободряюще помахивали своими обушками работяги гномики-рудокопы, так самоотверженно спасавшие свою Белоснежку, мчался, ныряя в воздухе, отчаянный Петрушка, ухватив свою дубинку, которой он дрался с полицейским и чертом, а теперь, похоже, звал на бой с «Матильдой». Доверчивые и добрые Иванушки-дурачки и одинокие рыцари, выходившие на бой с драконом, все слабые и маленькие девочки, которых не смогли запугать ведьмы, все смелые и добрые, побеждавшие злых, сильных и беспощадных, — все они, окруженные крикливыми чайками, летели к морю. И неопытные, доверчивые ребята на борту баржи, которые решили лучше погибнуть в море, чем выдать еще более беспомощных и доверчи-

вых друзей, тех, что сейчас тревожно лаяли, мяукали, хныкали и стонали в трюмах, эти несообразительные, несерьезные дети в один голос нетерпеливо закричали Капитану:

— Плыдем за ними!... Не спустим нашего паруса! К морю!

И хотя сердце Капитана Крокуса разрывалось от горя и страха за детей, он твердым голосом подал команду, и Мухолапкин с Ломтиком и Щелкунчиком, разом ухватившись за веревку, подняли флаг, увидев который командир «Матильды» не поверил глазам:

УБИРАЙТЕСЬ С МОЕЙ ДОРОГИ!

В ту же минуту на корабле был по радио принят приказ Суперкомандующего:

— Открыть огни! Уничтожить мятежную баржу!

И сейчас же на городской площади грянула радостная и торжественная музыка, полицейские набрали полные легкие воздуха, чтобы приветствовать выход Генерал-Кибернатора, а он, стоя посреди зала, в последний раз осмотрел свой мундир в зеркало и вдруг радостно засмеялся.

— Мятежный бывший клоун Коко! По вашему приказу! — отрапортовал командир Особой команды. — Взяли прямо с конвейера!

У бедного Коко был довольно жалкий вид. Во рту его не было ни одной сосиски вот уже двадцать четыре часа, а без них он чувствовал себя

всегда очень слабым. Ноги у него подгибались, в голове еще шумели потрошильные ножи.

От встречи с великим Генерал-Кибернатором, которого от души ненавидел, он не ожидал ничего, кроме лишних мучений.

Спотыкаясь и глядя себе под ноги, он шел или, скорее, тащился в руках молодцов из Особой команды. Потом он почувствовал под ногами пуховики и перины и понял, что его притащили в знаменитый Тайный Стеганный зал и услышал где-то рядом шипящее злобное хихиканье.

Великий Генерал-Кибернатор в полной кибернаторской форме, с орденом Великого Автоматизатора на груди с наслаждением разглядывал клоуна и тихонько хихикал.

— Готов? Будешь теперь знать? Смирненький стал, а? Не будешь больше безобразничать? — в каком-то странном восторге повторял он эти слова, слегка раскачиваясь и даже как-то непонятно шурша и посвистывая от злобного наслаждения.

Коко остолбенел и тоже уставился с изумлением на Генерал-Кибернатора.

Тайные советники покорно топтались на месте, ожидая начала шествия, с улицы неслась торжественная музыка, ковры в пять слоев были уложены от дверей до середины площади, откуда Великий Автоматизатор должен был произнести свою речь.

Полицейские выпустили воздух из легких и снова набрали как можно больше, готовясь вы-

крикивать приветствия, а Коко все стоял, вытаращив глаза и не моргая.

— Почему? Молчит? Не моргает? — строго спросил Великий Автоматизатор. — Разве его плохо автоматизировали?..

Но Коко наконец заморгал, всплеснул руками и вдруг своим пронзительнейшим тонким голоском завопил:

— Лю-у-уди! Опомнитесь! Что вы на него смотрите! Ведь это же мое собственное огородное Чучелище! Я тебя сразу узнал, прохвост! — И Коко, протянув руку, ткнул пальцем в самый нос Великому Генерал-Кибернатору. — Как ты сюда забрался?

Со всех сторон на Коко накинuloсь двадцать молодцов из Особой команды, так что все они рухнули на мягкий пол, образовав барахтающийся холм, из самой глубины которого неслся сдавленный голос Коко:

— Чучело!.. Чучело!.. Ткните его пальцем и увидите, что внутри у него солома!..

Но скоро крики его стихли: рот ему заткнули, а на руки надели и защелкнули десять пар наручников.

На улице затрубили фанфары, и полицейские запели Автоматический гимн.

— Расплющить! — прошипел Генерал-Кибернатор голосом, напоминающим завывание ветра на огороде вокруг пугала на высоком шесте. — Утопить! Сжечь! Казнить! Тут же! Срочно! Вне очереди!

Глава 42

КУЧКА СОЛОМЫ

Все жители города, затаив пальцами уши, с ужасом ждали выстрела пушки, которая должна была покончить с бунтующей баржей.

Командир «Матильды», стиснув зубы, вглядывался в приближающийся парус, в безумный сигнал: «Убирайтесь с моей дороги!»

Он видел худого высокого человека с обезьянкой у штурвала и толпу радостных детей на палубе, и совершенно неизвестно почему ему стало вдруг не по себе.

Может быть, он вспомнил, что сам когда-то был мальчиком? Едва ли! Но над одним вопросом командиру пришлось задуматься всерьез: баржа была совсем близко, и командир знал, что если выпалит в нее большим снарядом, то на воздух неминуемо взлетит не только баржа, но и сама «Матильда» вместе с городом и самыми отдаленными окрестностями.

Командир повернулся к барже спиной, приказал кладовщику отыскать на складе какой-нибудь самый маленький снарядик и вызвал лучшего бомбардира.

Бомбардир примчался бегом и, вытянувшись в струнку, стал у пушки.

— На-во-ди! — скомандовал командир «Матильды».

— Навел!

— Куда?

— А вон на тех ребятишек, что смеются и руками машут на барже!

— Пошел вон! — рявкнул командир. — Ты уже не годишься! Дать сюда второго бомбардира! Привести его с закрытыми глазами.

Командир «Матильды» был опытный командир Сил Уничтожения и знал, что, если придется стрелять в детей, лучше всего сначала крепко зажмуриться. Два матроса бегом притащили, поддерживая под мышки, второго бомбардира с зажмуренными глазами.

— Стой и приготовься стрелять с зажмуренными глазами! — приказал командир.

— Целиться прикажете тоже с закрытыми глазами?

— Гм... — сказал командир. — Нет, это не годится. Можешь чуть-чуть приоткрыть один глаз. Но чтоб тебе не казалось никаких глупостей там, на барже! Понял?

— Понял! Можно приоткрывать?

— Давай! — скомандовал командир, и второй бомбардир приоткрыл один глаз. — Ну, что ты там видишь? — нетерпеливо спросил командир.

— Вижу цель для стрельбы — баржу и никаких глупостей!

— Молодец! Значит, ты... не видишь их, этих...

— Никак нет, не вижу!

— А много их там, этих... Ну, кого ты не видишь?

— Полным-полно, так и кишат на палубе!

— Молчи, дурак, зажмурься! Я скажу, когда стрелять, тогда опять приоткроешь! Почему кладовщик до сих пор не несет снаряда из кладовой?

Прибежал кладовщик. Он долго рылся в своей кладовой, отыскивая самый маленький и слабенький снарядик, и вот наконец отыскал самый завалящий и теперь прибежал, неся его бережно, как маленького ребеночка.

— Вот, пожалуйста, самый плохонький, какой у нас есть!

Командир глянул на снаряд, и у него перед глазами побежали разноцветные кружочки:

— Это самый слабенький?

— Самый-самый, просто в углу завалялся, весь даже в пыли, я уж его тряпочкой обтер!

— Хорошенькое дело, — задумчиво сказал командир. — От этого снарядика тоже взлетает в воздух все в окружности пятидесяти миль. Весь город. И мы сами. Собственно говоря, совершенно все равно, выпалим мы этим снарядиком из пушки или просто сядем на него и взорвем под собой. Все равно: пятьдесят миль в окружности фюить! Спрошу в последний раз Суперкомандующего, прежде чем взрываться... Бомбардир, можешь открыть глаза.

Командир включил радио, вызвал Суперкомандующего и услышал звук, от которого у него перед глазами забежали, кроме кружочков, еще и квадратики и кубики, и все они метались и пища-

ли разными голосами так, что он ухватился за плечи бомбардира, чтобы не упасть... По секретному, особому, специальному служебному радио, которое соединяло «Матильду» с Суперкомандующим, вместо команды неся невероятный, невозможный, неслыханный звук: порсячий визг!..

Вот как это случилось.

Несчастный поросенок Персик метался в клубах дыма и тащил за собой на поводке Малыша так яростно, точно сам изо всех сил стремился навстречу гибели!

Напрасно Малыш пытался его удержать и оттащить в какой-нибудь тихий переулок. Поросяенок так и рвался на главную площадь. Его стали узнавать. Прохожие испуганно показывали на него пальцами, а он мчался все дальше, прямо к зданию Тайного совета многоэтажников.

— Ага! — произнес чей-то грубый голос, и тяжелая рука опустилась на плечо Малыша. — Это тот самый Персик? Ты с комбината? На, получи, и можешь идти. Да поживей!

Два полицейских офицера из Особой команды отобрали у Малыша поводок, сунули ему в руку мелкую монетку и скомандовали поросенку:

— Марш!

И поросенок, к отчаянию Малыша, послушно сам побежал в дверь.

По всему зданию кипела суматоха, беготня, одни постилали все новые ковры, чтоб Великому Автоматизатору было мягче ступать при вы-

ходе на площадь к народу, полицейские в полной парадной форме выстраивались на лестнице, готовясь запеть гимн, а весь народ, заткнув уши, ждал выстрела из пушки.

Поросенка куда-то вели по коридорам, а он на ходу пытался обнюхать ковры, надеясь опять найти следы Коко, но каждый раз полицейские грубо пинали поросенка сзади сапогами, заставляя скорее идти.

Бедный Персик пробовал взвизгивать, но его за это пинали еще больнее, и он, потеряв голову, мчался, уже сам не понимая куда, растерянный оттого, что не привык к такому скверному обращению.

В одном из коридоров толпа полицейских, застегиваясь, подтягивая на ходу брюки и одергивая парадные мундиры, налетела и столкнулась с конвоирами Персика. Воспользовавшись замешательством, поросенок юркнул между ног людей, шмыгнул в какую-то дверь и спрятался в дальнем углу под диваном. В прятки-то он хорошо умел играть!

Пока офицеры с проклятиями бегали и искали его по всем коридорам, Персик отсиживался под диваном и весь трясся от страха. Он совершенно упал духом, испугался, его нежная розовая кожа, за которую его и называли когда-то Персиком, вся горела и ныла от ссадин, и бедняга решил лучше умереть в тишине под диваном, чем выйти снова в этот ужасный коридор.

Ему смутно припомнилось, что где-то по пути ему послышался слабый знакомый запах следов Коко, он только не мог припомнить где. Потом ему показалось, что он слышал знакомый запах соломы, и почему-то припомнил старое время, цирковое представление... своего старинного недруга Чучелище с вилкой в руке. Все это мелькало у него в голове в полном беспорядке и никак не складывалось вместе.

И вдруг откуда-то издали едва слышно донесся голос Коко.

Несчастный поросенок задрожал так, что затрясся весь диван, под которым он прятался. Казалось, ничто на свете не могло заставить его покинуть свое убежище и выйти опять в коридор, где его пинали сапогами и тащили куда-то отвратительные злые люди. Но Персик со слезами на глазах, хныкая от страха, выполз из-под дивана, встряхнулся, ударил копытцем о пол, точно горячий конь перед скачкой. Его маленькие глазенки засверкали, и он зарычал так, как его учил Нерон, — львиным рыком. Правда, на льва это было еще не очень похоже, но уже совсем не похоже на поросенка!

Издали донеслось в последний раз очень слабо:

— Э-э... чучело!.. Э-ээ!.. — И голос Коко оборвался.

Персик налетел на дверь, распахнул ее настежь и, как бомба, помчался по коридору, сбивая с ног встречных полицейских. Он мчался на вырубку

Коко, и теперь его уже невозможно было испугать или остановить. Поросенок, воспитанный среди львов, способен на подвиг, какого никогда не совершит леву, воспитанному среди поросят!

С разбегу Персик влетел в Стеганный зал, где как раз распахнули все двери, готовясь к торжеству, подшиб ударом под колени Суперкомандующего Силами Уничтожения так, что тот шмякнулся в пуховики, уронив на пол свой радиопередатчик, и вот тут-то на «Матильде» вместо команды «открыть огонь» услышали отчаянный порсячий визг!

Громадные толпы народа, собранные на площади в ожидании выхода Великого Автоматизатора, стояли, опустив руки по швам и без всякого выражения на лицах, чтоб как можно больше походить на автоматы. Когда через репродукторы на площади понесся порсячий визг, все вздрогнули, и у некоторых на лице даже появилось кое-какое выражение, не совсем подходящее для добротных автоматов.

Но это продолжалось всего несколько секунд: порсячий визг взвился вверх, точно взлетевшая штопором по спирали звуковая ракета, и в ответ послышалось какое-то нелепое завывание, гудение, точно тысяча мальчишек дули в пустые бутылки!

Парадные двери в здание Совета многоэтажников стояли раскрытые настежь. Полицейские в разноцветных парадных мундирах, похожие на чуче-

ла громадных попугаев, выстроились шпалерами на ступеньках, устланных коврами. Вот-вот должен был появиться Генерал-Кибернатор и Великий Автоматизатор. Полицейские и военные музыканты еще раз набрали как можно больше воздуха в легкие. Все глаза были устремлены на раскрытые двери, откуда неся визг и подвывание, и вдруг все увидели, как из двери, подпрыгивая на бегу и взмахивая длинными рукавами, вырвался бегом сам Генерал-Автоматизатор, подхватывая на бегу долгополый мундир и оглядываясь в ужасе на разъяренного поросенка, который мчался за ним, свирепо отплеываясь от соломы, попавшей в рот.

У всех на глазах поросенок догнал Автоматизатора и вырвал из него большущий клоч соломы, и тот только загудел еще отвратительнее и припустил дальше, оставляя за собой трухлявый соломенный след.

Так они обежали по кругу всю площадь, и люди начали мало-помалу приходить в себя, зашевелились, и одно за другим разные выражения стали появляться у них на лицах: испуг, недоумение, удивление, радость!

И вдруг все услышали восторженный вопль Малыша. Подпрыгивая, чтоб лучше видеть через головы столпившегося на площади народа, он орал:

— Смотри, мама! Ведь это то самое чучело, которое в цирке обливали водой из спринцовки!.. Задай ему как следует, Персик!

Тотчас же очень-очень многие узнали Чучелище, и, когда Малыш громко захохотал, вокруг него все засмеялись, потом хохот пошел перекатываться по всей громадной площади, и через минуту смеялись даже полицейские и музыканты гоготали в свои трубы, отчего кругом стало разноситься гулкое и густое: «Ху-ху-ху!.. Бу-бу-бу!»

Люди бросились разгонять пожарных и тушить поскорей костер, на котором жгли сказки.

Все больше соломы оставалось следом за убегающим Чучелищем, а само Чучелище все больше худело, и к тому моменту, когда Секретный Секретарь вышел объявить народу, что Тайный совет решил изгнать из города Генерал-Кибернатора, на его месте оказалась только куча соломы, из которой невнятно доносилось:

— Всех очучи... очучу!.. Я вас очучу... — Батарейки его разговорной машинки уже кончались.

А самый мудрый из Тайных многоэтажников поднял палец и произнес:

— Ну, я-то давно уже замечал, что у нас пахнет соломой!

И все удивились его наблюдательности.

Глава 43

ПОСЛЕДНЯЯ

Если бы кит умел конфузиться, он выглядел бы в точности так, как «Матильда», когда она при

приближении мятежной баржи вдруг втянула обратно выставленную пушку и тихонько юркнула обратно под воду.

Костер на площади уже погасили, и люди бережно, страничку к страничке, собирали растрепанные книжечки сказок.

Вся набережная реки переполнена была людьми, которые бежали следом за баржей, махали руками и кричали так громко, что на барже было хорошо слышно:

— Чучело рассыпалось! Возвращайтесь обратно!

Женщина кричала со слезами, протягивая руки:

— Мухолапкин, милый, возвращайся!

А Мухолапкин, непреклонно стиснув руки, скрещенные на груди, отвечал:

— Только вместе с ежом!

И мужчина, бежавший рядом с женщиной, тотчас крикнул:

— Да-да, с ежом! Возвращайся! Если там есть еще парочка, прихвати с собой, мы будем рады!

— Не уходите из города-а! — кричала толпа. — Ведь проклятое Чучелище рассыпалось!

— Слышите, какая музыка играет на площади? Это награждают неустрашимого поросенка, который растрепал Чучелище!

— Не уплывайте в море, пожалуйста! Мы не позволим больше никого очучеливать!

И тогда Капитан Крокус скомандовал:

— Спустить все паруса!

Он, конечно, знал, что парус всего один, но скомандовал так из уважения к барже, которая вела себя не хуже самого многопарусного корабля.

Капитан повернул штурвал своего первого и последнего в жизни корабля, и баржа медленно подошла к берегу. Да, это было первое и единственное плавание в жизни Крокуса, но, право же, стоит всю жизнь прожить капитаном ради одного такого плавания!

С берега перебросили сходни. Капитан Крокус, окруженный львами, суровый и грустный, первым ступил на мостки и обратился к жителям города:

— Что сделали с моим другом Коко? Я не успокоюсь, пока не отомщу тому, кто причинил ему зло!

И тут толпа поспешно расступилась, и в образовавшемся проходе появился запыхавшийся, сияющий и улыбающийся двойной улыбкой — нарисованной и своей собственной — Коко в своей полной парадной клоунской форме! Немного позади с широкой голубой лентой на шее бежал Персик и рядом с ним Малыш.

— Коко! Ты жив? — воскликнул Капитан Крокус, и сердце в нем дрогнуло так, что он пошатнулся.

Они бросились навстречу друг другу и хотели молча крепко пожать друг другу руки, но вместо

этого крепко обнялись, и толпы народа сперва прокричали им обоим «ура», а потом стали аплодировать. И только это заставило Коко оторваться от своего друга и вежливо раскланяться на все четыре стороны, как в прежние времена на арене цирка. Потом он сказал Капитану:

— Мстить тебе совершенно некому. Паршивое Чучелище ведь теперь просто груда соломы. Да разве безмозглое Чучелище виновато в том, что нашлись люди, которые болтовню его разговорной машинки принимали за мудрые приказы и изречения!

Поросенок Персик следом за Коко подошел к мосткам. По пути он с удовольствием принимал поздравления и восторги толпы.

Он потряхивал головой в знак благодарности, а самые приятные цветы даже пробовал на вкус. Малыш со своей мамой шел с ним рядом, и поросенок, чтобы показать, что он нисколько не зазнался, время от времени подталкивал Малыша рыльцем, как бы напоминая всем, кто его приветствовал: «Они тоже со мной! Это мои друзья!»

И только увидев на барже Нерона, Персик опрометью кинулся по мосткам к своему другу, прижался и стал тереться рыльцем о морду льва. И странное дело, только теперь, когда все опасности были позади, Персик вдруг вспомнил, как его били сапогами и пугали. С жалобными стонами стал он показывать Нерону ссадины и синяки на своей нежной коже и до того расхны-

кался от жалости к самому себе, что рухнул на пол, откинув все четыре ножки на сторону, и, можно сказать, почти разрыдался, требуя от всех самого горячего сочувствия!

Нерон терпеливо облизывал его языком. Мухолапкин и Ломтик гладили, жалели и хвалили его, и через несколько минут он почувствовал себя настолько окрепшим, что перестал визжать и опять встал на ноги.

— Персика только что наградили очень большой медалью! — с гордостью объявил Коко. — На голубой ленте! Ему хотели дать золотую, но я попросил лучше шоколадную — она больше подходит к его характеру. Вот, посмотрите!.. Персик! Где твоя медаль? Ах, так я и знал! Уже слопал? Да?

Действительно, все заметили, что морда у поросенка испачкана в шоколаде. В ответ на вопросы Коко он только облизнулся раза два, показывая, что не только не раскаивается в своем легкомысленном поступке, но, напротив того, сохранил о нем наилучшие воспоминания.

Теперь один за другим стали спускаться по мосткам с баржи на берег дети. Мухолапкин со своим возлюбленным ежом сошел одним из первых. Близнецы бережно, как хрупкую хрустальную вазу, в четыре руки снесли на берег своего Тузика, хотя этот развеселый, как будто сшитый из разноцветных лоскутов песик совсем не был похож на вазу, в особенности потому, что непрерывно вертелся, взмахивая длинными ушами, и норовил облизать

сестру, брата, всех встречных, вероятно готовый от восторга облизать и весь остальной мир.

Мальчики и девочки с собачонками, кошками, белками, кроликами и морскими свинками в руках непрерывным потоком сбегали по мосткам на набережную. Уже кто-то укутывал в теплую тряпочку очкастого енота; белки забирались за орехами в карманы своих хозяев, встречавших на берегу; облезлый кот карабкался на руки хозяйке; стуча копытцами, с громким криком скакали ослики, встряхивая подстриженными челками; большими прыжками спрыгивали с борта крупные собаки, а львы на барже, хмуро усмехаясь, сторонились, снисходительно давая дорогу товарищам по несчастью, которые теперь становились товарищами по счастью!

И только когда все зверьки и дети до последнего нашли своих родных и хозяев, на берег медленно сошел Капитан Крокус с обезьянкой на плече, окруженный четырьмя львами, и Коко со своим поросенком.

Им со всех сторон предлагали автомобили, автобусы и небольшие вертолеты, но они от всего отказывались. Медленно, осматриваясь по сторонам, они прошли через весь город, и до самого Шлакового пустыря люди им аплодировали, махали руками, и взрослые ласково чмокали львам издали, а дети подбегали и гладили их и шли рядом.

На краю Шлакового пустыря Малыш, Мухолапкин и Ломтик, Щелкунчик и близнецы, и Маль-

чик, Который Хотел Принести Ливерную Колбасу, попрощались с Коко и Капитаном Крокусом.

На прощанье Капитан Крокус крепко пожал всем по очереди руки и сказал:

— Вам пора по домам. Плавание благополучно окончено! Не забывайте, что теперь опять, как прежде, стаканчик славного пиратского напитка с добрым морским сухарем всегда найдется в нашем доме для старых друзей!

— Придем!.. До завтра, Капитан!.. До свиданья, Коко!.. Будь здоров, Персик!.. Нерон! До завтра! — закричали ребята.

Они долго еще смотрели вслед уходившим. Впереди всех шел, показывая другим львам дорогу, Нерон. Персик, слегка сгорбившись от усталости, потихоньку трусил с ним рядом, поднимая пыль.

Медленно удалялась высокая фигура Капитана Крокуса, на плече у которого спала обезьянка, обхватив его за шею.

Сгущались сумерки, и лягушки уже начали в своих болотцах вечерние концерты. Река плескалась о сваи на старых причалах, и на воде задрожали, растягиваясь и сжимаясь, разноцветные столбики сигнальных огоньков.

Скоро уже никого из них нельзя было разглядеть, и только издалека доносилось посвистывание Коко и бодрое пощелкивание его долгоногих башмаков-мухобоек.

СОЛЕНЫЙ ПЕС

Рассказ

Характер у его матери был удивительно покладистый и уживчивый. Никто лучше ее не умел ладить с соседями — людьми и собаками. Разве только с кошками во дворе у нее разыгрывались иной раз шумные скандалы.

Она была очень неглупая пожилая собака и умела дорожить своим скромным положением в жизни.

Как-никак у нее свой собственный дворик. Треснутая глиняная миска, всегда дочиста вылизанная ее языком. Конурка под крыльцом хозяйского дома.

Роскошью это не назовешь, но в собачьей жизни и за это приходится держаться.

Конечно, ей отлично было известно, что есть такие собаки, которые живут прямо в комнатах,

водят за собой по улицам людей на прогулку или с глупым видом высовывают морды из окошек проезжающих автомобилей. С ними у нее не было ничего общего, она им не завидовала да и за собак настоящих не считала.

С нее было довольно и того, что она не бродяжка какая-нибудь, не бездомная уличная попрошайка, а настоящая дворовая собака при своем деле: охраняет двор и свою миску, а заодно и хозяйский дом.

Зимой ей приходилось порядочно померзнуть, особенно по ночам, когда ледяной ветер злобно вдувал в каждую щелку ее конуры колючую струю, так что шевелилась шерсть на спине.

Но здесь, на берегу теплого моря, зима продолжалась недолго, приходила мягкая, душистая весна и начиналось долгое лето, пыльное и знойное.

И каждое лето повторялось одно и то же. На нее надвигалось событие, которое она предвидела, каждый раз задолго с ужасом чувствовала его приближение и каждый раз пыталась бороться, напрягая всю свою сообразительность и хитрость.

Она делала все, что могла. В самом дальнем углу двора она заранее прорывала подкоп под фундамент и там, за камнями, в темноте, спрятавшись от людей, в тревоге и страхе укрывала свой выводок — пять или шесть щенков, беспомощных и слепых.

Хозяин ее звал к себе, манил, ругал, совал в угол палку и кидал камушки, чтоб заставить ее выйти.

Она все терпела молча, не подавая голоса. Мучаясь от жажды и голода, она сутки не выходила из своего убежища. Наконец в сумерках выползала, настороженно вслушиваясь и осматриваясь.

Во дворе никого не было. Миска наполнена размоченным в воде пахучим хлебом. Она подбиралась к ней, тяжело дыша пересохшим ртом, с языком, распухшим и потрескавшимся от жажды. И тут на пороге появлялся хозяин, ласково подзывал ее к себе. Она опрометью кидалась назад, забивалась под фундамент и опять ложилась рядом со щенятами, подталкивая носом, собирала их поближе к себе и, чувствуя, как они копошатся, толкая ее слабыми лапками, опять молчала, не отзываясь.

Все это повторялось много раз, и неизбежно она все-таки снова появлялась около миски с водой и, несмотря на все увертки, умоляющий визг и угрожающее рычание, оказывалась в руках у хозяина, а затем привязанной на веревке.

Она знала все, что будет дальше, и начинала изо всех сил рваться, готовая себя задушить, кидаясь во все стороны, переворачиваясь через голову, когда веревка сбивала ее с ног.

А хозяин в это время приносил знакомое грязное ведро, в котором плескалась вода, становился на четвереньки, кряхтя, тянулся длинной палкой и по одному выгребал щенков из их убежища.

Он складывал их всех в ведро, и, пока он шел через двор, в ведре все время плескалась вода и оттуда шел звук какого-то слабого движения. Потом

хозяин открывал калитку, уходил куда-то и, вернувшись через некоторое время с пустым ведром, надевал его вверх дном на колышек у крыльца.

Так было каждый раз, и так все шло и теперь. Но то ли сила отчаяния собаки увеличилась, то ли веревка была старая — после безумного рывка, когда у нее потемнело в глазах от удушья, она вдруг почувствовала, что освободилась.

Хозяин с ведром в руке открывал калитку в тот момент, когда собака в слепом отчаянии налетела и ударилась грудью в ведро. Ведро покатилося на землю, оттуда вылилась вода. Хозяин хотел схватить собаку за шиворот, но она увернулась, бросилась к щенкам, схватила зубами одного и кинулась бежать по улице.

Отбежав немного, она положила щенка и кинулась, униженно и умоляюще повизгивая, к человеку. На этот раз ему едва не удалось ее схватить и захлопнуть калитку.

Она снова примчалась к щенку, схватила его за шиворот, но снова бросила и опять стала царапаться в калитку, как вдруг, что-то поняв, вся взъерошенная от страха, опять схватила щенка и побежала по улице.

Едва увидев идущих навстречу людей, она свернула в знакомую лазейку и потом долго со щенком в зубах пробиралась через кусты, которыми порос весь откос берега моря. В самой гуще кустарника она торопливо выкопала углубление и, лежа там, всю ночь с иступленной нежностью

его облизывала, дрожала от страха и тихонько стонала. Несколько раз она убегала в темноту — прислушаться около калитки, и стремглав неслась обратно к своему единственному спасенному, боясь, что и он пропал в ее отсутствие.

Она больше не вернулась домой. Ради сына она стала бродячей собакой-нищенкой, из тех, что выпрашивают около рыночных ларьков подаяние, добывают случайные кусочки отбросов около помоек или на свалке.

Она сильно исхудала, а щенок подрастал и толстел, сосал молоко и спал, набираясь сил, в песчаной ямке среди густого колючего кустарника. Вокруг него повсюду торчали колючие ветки кустарника, и ему под ними было безопасно и просто. С моря пахло водорослями, и оно постоянно шумело, иногда сильнее, иногда тише. Кругом был песок. С тех пор как у щенка открылись глаза, и немного позже, когда он научился видеть, его внимание всегда привлекал странный предмет, наполовину скрытый среди листьев. Длинная, изогнутая шея тянулась вверх. Днем иногда на ней зажигался яркий золотой блик солнца. Предмет был очень далеко. Шагах в двухстах, если считать на щенячьи шаги. Шагах в пяти, если считать на человечесьи.

Однажды, оставшись один надолго, когда мать ушла на свой нищенский промысел, он ощутил такой прилив бодрости, что выполз из

ямки и впервые, напрягшись изо всех сил, встал на все свои четыре лапки и двинулся вперед. На ходу его так пошатывало из стороны в сторону, что он был похож на маленького толстенького пьянчужку на кривых лапках. Он изо всех сил старался шагать как следует. Передние лапы бодро маршировали, высоко поднимаясь, точно он собирался ими барабанить, а вот задние, те тянулись как-то сами по себе, все время отставая до тех пор, пока он не растягивался на пузе.

Но он каждый раз упрямо поднимался снова и опять шел и шел, пока не наткнулся на предмет, блеснувший на солнце.

Ничего не понимая, он ткнулся в него носом и попробовал пососать, но из этого ничего не получилось. Перед ним была большая круглая дыра, изогнутая шея. Это был старый медный кофейник без дна, выброшенный на свалку. Щенок влез до половины в круглое отверстие. Впереди светилось другое отверстие, но стенки все сужались.

Он попробовал протиснуться вперед, но только застрял, вдруг испугался. Он совсем позабыл, как надо пятиться, и захныкал, барахтаясь в кофейнике.

Кое-как вывалившись обратно на свет, он топорливо засовался рыльцем во все стороны и тут понял, что позабыл дорогу обратно, погиб, пропал безвозвратно, сию минуту умрет от голода — все разом — и расплакался во весь голос.

Он шел, падал, вставал, поворачивал в разные стороны, не переставая рыдать, безутешно захлебываясь от страха и отчаяния. Под ним образовалась лужица, он разучился смотреть, ходить, соображать, зато голос у него становился все громче и пронзительней, все силы уходили в голос. Вдруг он почувствовал мягкий толчок под бок, услышал тяжелое дыхание матери, примчавшейся откуда-то издалека. Большой язык облизал разом всю его маленькую морду. Ее зубы мягко и крепко сжались, ухватив за мягкую складку на шее, и он повис в воздухе, разом замолчав. Страх как не бывало. Он не очень-то любил, когда мать таскала его за шиворот, но сейчас даже не пикнул. Растопылив лапки, не шевелясь, он поехал, беспомощно покачиваясь в зубах матери, успокоенный и счастливый, обратно в родную ямку...

В другой раз он ушел гораздо дальше и опасно обошел кофейник. Прошел мимо ржавых жестянок от консервов, мимо старого башмака с загнутым кверху носом и вдруг увидел что-то пестрое, большое на костлявых ногах, что стояло перед ним, вытягивая длинную шею, уставилось на него в упор круглым глазом.

Он сразу вспомнил случай с кофейником.

«Ну, на этот раз ты внутрь меня не заманишь, еще опять застрянешь», — подумал щенок и начал потихоньку пятиться. Костлявые ноги двинулись, шея вытянувшись, и чудище его клюнуло.

Тогда его охватила ярость, и он впервые в жизни зарычал и залаял тонким голоском, неуклюже припадая на передние лапы. Петух, возмущенно бормоча, повернулся и с надменным видом отошел порывистыми шагами.

Всю ночь после этого происшествия щенок вздрагивал во сне, и ему снились петухи и кофейники. То кофейник, угрожающе вытягивая длинную шею, готовился его клюнуть, то сам он застревал в петухе и никак не мог выбраться обратно.

Утром он проснулся от холода. Матери рядом с ним не было. Он был один в мокрой от росы ямке. Он сел, опираясь на передние лапки, задирая кверху свою маленькую морду, заскулил, а потом стал подвывать, поворачиваясь во все четыре стороны, чтоб услышала мать.

Все было напрасно, мать не появлялась. Тогда он замолчал и долго уныло сидел, тупо глядя перед собой, не зная, что же ему теперь делать. Родная ямка без матери потеряла для него всю прелесть. Он выкарабкался из нее и, спотыкаясь, побрел куда глаза глядят.

Привычный шум моря становился все ближе. Кустарник кончился, и щенок увидел большое, открытое пространство, усыпанное желтым песком. Впереди что-то большое двигалось, переливалось и сверкало на солнце. Это было море. Он подошел поближе и вдруг почувствовал на себе

холодные брызги. Белая пена набежала, окружила его со всех сторон и зашипела.

Он не очень испугался, угрожающе сморщил нос и изо всех сил ударил лапой по самому большому пузырю, но это мало помогло — новые пузыри вздувались и шипели вокруг него, и его еще раз обдало брызгами. Он невольно попятился, неуклюже стараясь обтереть морду лапками.

Дети, играющие на берегу, его заметили, подняли на руки и наперебой стали тискать, гладить и называть ласковыми именами.

Щенков именно в таком возрасте люди охотно рисуют на конфетных коробках и изображают на открытках. Толстенький, с короткими ножками, больше похожий на какого-нибудь маленького барсучка или хомячка, чем на собаку, он помещался весь на двух детских ладонях. Ребятишкам это очень нравилось. Щенку люди тоже понравились. С ними он не чувствовал себя одиноким, а когда все стали его наперебой звать к себе, угощать кусочками чего-то вкусного — понравились ему еще больше. Стоило ему твякнуть или далеко высунуть язык — все смеялись и восхищались. Когда его подносили к воде, поддерживая на руках, он начинал болтать лапками, и все опять восхищались, как он здорово «плавает».

После первой встречи с ребятишками он стал поджидать их на берегу каждый день. Они вместе влезали в воду, играли, ели. На руках его таскали так много, что ему даже надоедало, и он

начинал капризничать. Ему очень льстило общее внимание, потому что маленькие собачки очень чувствительны к лести (почти так же, как маленькие человечки). Они также любят, чтобы их гладили, ласкали, расхваливали и баловали, чтоб им всеми способами внушали, что они самые интересные, умные, необыкновенные и красивые собачки (или человечки) на всем белом свете.

К вечеру дети разбегались по домам, и щенок оставался один на пустынном берегу. Беспорядочная россыпь городских огней мерцала вдаль, на склоне горы. А около самого берега моря грохотали освещенные яркими лампами краны, разгружая пароходы.

За заборами рыбацких домиков, перекликаясь, лаяли собаки, и щенок с интересом вслушивался, наострив уши, стараясь понять, о чем там у них идет разговор.

Однажды в сумерках он услышал за забором голос, который сразу узнал. Лаяла в своем дворе его мать, привязанная у крыльца в наказание за свой побег.

Щенок обрадовался, призывно тявкнул несколько раз как мог громче, и мать его услышала, примолкла и сейчас же нетерпеливо и ласково заскулила в ответ. Щенок помчался вокруг ограды, ища какую-нибудь лазейку. Но везде перед ним была толстая глиняная стена. В одном месте голос матери слышался совсем рядом. Щенок, которого никто этому не учил, стал изо

всех сил подкапываться под забор. Мать услышала, как он торопливо работает лапами, и тоже принялась рыть лазейку ему навстречу, изредка тихонько повизгивая, чтоб его подбодрить.

Хотя в песке копать было легко, щенок скоро выбился из сил и, тяжело дыша, вылез из норки, которую успел прорыть, и стал жаловаться. Мать ему не отвечала и продолжала копать. Тогда он тоже собрался с силами и молча стал рыть дальше.

Перед рассветом мать перестала копать — ее не пускала дальше веревка, как она ее ни натягивала. Она втиснулась в выкопанный ею проход и лежала, шумно втягивая воздух и слушая.

Щенок уже едва шевелился от усталости. Он тоже просунул носом как можно дальше, и, хотя они так и не увиделись, они почувствовали друг друга. Было так приятно услышать запах материнского дыхания, знакомый ему еще с той поры, когда она облизывала его мордочку или перетаскивала с места на место за шиворот, дышала на него во сне, когда он спал, пригревшись у нее под боком.

Они подышали друг на друга и поскулили, радуясь и тоскуя, что не могут подойти поближе.

Потом во двор вышел хозяин и стал ругать собаку за то, что она подкапывает забор, и завалял лазейку камнем.

Испуганный щенок задом выполз из своего подземного хода и убежал. Это была его последняя встреча с матерью.

Свободные от вахты матросы советского торгового корабля «Кама», зашедшего в иностранный порт, целый день бродили по узким переулкам старого восточного города.

Вернувшись домой на корабль, потому что в иноземном порту корабль был, как нигде, им домом, кусочком родной земли, разомлевшие от жары и ходьбы по рыночным площадям, где торговали вразнос водой и пыль от верблюжьих копыт оседала на лотках с липкими восточными сладостями, они показывали друг другу дешевые сувениры: легкие, как паутина, яркие платочки, металлические брошки, украшенные затейливыми узорами, и игрушечные кривые кинжальчики в ножнах.

В это время подошел матрос Мартьянов. Он вытащил из-за пазухи и, нагнувшись, поставил на палубу рыжего щенка. Тот сделал несколько неуверенных шагов и сел, подняв морду, оглядывая окруживших его людей.

— Что-то порода какая-то невиданная? — неуверенно спросил кто-то из команды.

— Порода настоящая морская. Знаешь, где мы его подобрали? В воде. Не боится ни черта, прямо по воде шлепает. А голодный, как сатана.

Из камбуза принесли мисочку с борщом и начали туда крошить белый хлеб. Собачонка набросилась на еду, ела капусту, булку, а когда мисочку хотели отодвинуть, зарычала, угрожающе наморщив нос. Тогда кругом заговорили: «О-о,

кажись, серьезная собачина!» Псенок наелся борща, огляделся, подошел к коку и потянул за шнурок его ботинка.

— Ты что же это делаешь, черт лопоухий! — с ожесточением закричал кок, не отодвигая ноги, польщенный, что щенок выбрал именно его ботинок.

Шнурок развязался, и собачонка под общий смех стала его тащить к себе, дергать и рычать...

Когда через час вспомнили, что надо решить судьбу щенка, вопрос как-то сам собой решился. Всем показалось дикой мысль, что щенка, который уже поел, развязал три пары шнурков и побывал у многих на руках, можно взять да и выгнать с корабля. Только боцман, проходя мимо, отворачивался, делая вид, что ничего не замечает.

Рано утром на палубе затопали бегущие ноги матросов; загрохотала лебедка и заговорил спокойный голос капитана, точно чудом возникавший по радио то на корме, то на носу, в то время как сам капитан стоял не двигаясь на мостике. С берега отдали концы, и корабль самым малым ходом стал отваливать от каменной стены пирса, и тут из какого-то закоулка, позевывая и помахивая задранным вверх хвостиком, вылез щенок.

Белые кубики домов южного города и бетонный пирс уплывали назад, и все шире делалась полоса грязной портовой воды с апельсиновыми и банановыми корками, плавающими в радужных пятнах нефти.

Капитан спустился по трапу с мостика и дождал боцмана, который поднимался с нижней палубы к нему навстречу.

— Оказывается, песенка ребята достали, товарищ капитан, вон он гуляет, — неопределенно заметил боцман.

— Это я вижу, — сказал капитан.

— Это они заместо Клотика, — пояснил боцман.

Клотик был прежний корабельный пес, плававший на «Каме», отличавшийся глупостью, легкомыслием и любовью к рассеянному образу жизни, за что и поплатился, отбившись от своих на берегу в далеком иноземном порту.

— Главное, не сперли они его случайно где-нибудь?

— Ни в коем случае! — горячо заверил боцман. — На пустом берегу подобрали. Ребята говорят, по мелководью прогуливался, пузыри зубами ловил. Удивительное дело, соленой воды ни в коем случае не боится.

— Морской пес? — улыбнулся капитан.

— Точно. Ребята его уже прозвали Соленый.

Так у него появилось имя: Соленый.

Он быстро стал осваивать премудрость корабельной жизни. Матросов было много, человек сорок, но через несколько месяцев плавания он безошибочно отличал «своего» матроса от чужих людей на берегу, когда матросы брали его с собой на прогулку.

Он привык к качке в открытом море. Узнал все закоулки на корабле, которые могут интересовать собаку.

Так, он знал дверь в машинное отделение, но дальше никогда не шел, потому что туда вел крутой трап, оттуда пахло железом и что-то неприятно шумело.

Он узнал, что в камбуз заходить воспрещается, но любил, добравшись до второй палубы, куда выходил стеклянный, почти всегда открытый люк из камбуза, заглядывать вниз, в глубокий провал, где на дне шипели кастрюли на плите и кок в белом колпаке орудовал большими ложками с длинными ручками. Когда кок поднимал голову, он часто видел свесившуюся сверху морду и принюхивающийся нос и грозил ему поварешкой.

Его редко гладили и брали на руки, с ним обращались по-товарищески: кормили, помогали, разговаривали, дружески трепали за уши, мыли под душем раз в неделю и расчесывали гребешком.

Он расхаживал во время качки, как матрос, вразвалку, то взбираясь на гору наклонившейся палубы, то осторожно спускаясь под гору. А если палубу начинало захлестывать волнами, он благоразумно уходил в коридор и из-за высокого порога поглядывал на то, что творится снаружи.

Через полгода он был уже дисциплинированным, толковым корабельным псом, безошибочно различавшим, когда люди на работе и когда отдыхают. Во время авралов он мгновенно уди-

рал в безопасное место, чтобы ему не отдавили лапу или не задело каким-нибудь бегущим по палубе тросом, цепью или проносящимся по воздуху тюком.

Матросы любили его, одни больше, другие меньше, но все считали его своим. И он любил одних больше, других меньше, но со всеми был приветлив, потому что считал их всех «своими», начиная от сурового кока и официантки, которая его кормила, до боцмана и матроса Мартьянова, который подобрал его на берегу и мыл под душем.

Когда корабль покачивало, а палуба после уборки была залита водой, щенок ждал, пока корабль накренится на борт. Тогда вода сливалась на одну сторону и, задержанная закраиной борта, превращалась в большую лужу, из которой можно было удобно полакать. Пароход отваливался на другой борт, а Соленый стоял, не отрывая глаз от желоба, и ждал, когда вода опять вернется обратно. Матросы восхищались его сообразительностью и говорили, что Клотик никогда бы до этого не додумался...

Главное неудобство жизни собаки на корабле — это крутые, почти вертикальные железные трапы. То, что было ниже палубы, Соленого и не интересовало, но на открытую верхнюю палубу ему часто хотелось попасть, а туда вел крутой трап, по которому матросы взлетали бегом, но собаке было никак не вскарабкаться. Но вскоре все наладилось. Когда Соленому было нужно, он

подбегал к трапу и останавливался, поджидая. И первый же проходивший мимо матрос подхватывал его одной рукой и, взбежав по трапу, пускал на верхнюю палубу. Таким же образом он путешествовал и вниз.

Даже когда он был еще совсем маленький, он никогда не оставался без дела.

Если люди спокойно сидели и разговаривали, он потихоньку к ним подбирался и старался развязать шнурки. Иногда после дружеской беседы сразу двое или трое матросов обнаруживали, что у всех шнурки развязаны, а у кого-нибудь обмусолен и обкушен кончик.

Поднимался крик, хохот. Это всех очень развлекало и приписывалось необыкновенной хитрости и уму Соленого.

К обеду чаще всего бывал компот, и щенку отдавали изюм или чернослив. И тогда он начинал охотиться за изюминкой. Перекатывал ее лапой, хватал в рот, мотая головой, ронял, делал вид, что она вырвалась, и начинал с рычанием за ней гоняться, потом залезал на диван и, свесившись оттуда, долго и хищно ее подстерегал, а уж затем бросался на нее сверху и съедал с видом победителя.

Первое время, когда он еще не умел вовремя уступать дорогу, бывало, что ему кто-нибудь отдавливал лапу. Он поднимал страшный крик и убегал, но, немножко успокоившись, возвращался обратно на трех ногах и протягивал виновнику больную лапу, чтоб тот его пожалел.

Когда он немножко подрос, он упорно стал учиться ходить по лестнице. Это было очень трудно. Надо было становиться на задние лапы, опершись передними на ступеньку, и долго задирать одну заднюю, которая никак не доставала до ступеньки. А когда он научился наконец влезать на несколько ступенек, он подолгу сидел там, не зная, что дальше делать, потому что спускаться было во сто раз труднее. Нужно было осторожно сползать на животе, тянуться передними лапами, а часто они не успевали достать, и тогда приходилось кубарем катиться вниз...

Когда кто-нибудь столярничал на палубе, пес усаживался напротив него и часами мог не отрываясь следить за руками работающего человека. «Общественный инспектор пришел, — смеялись матросы, — проверяет качество работы». Всем это название нравилось, и, когда пес заглядывал в рубку управления, вахтенный его спрашивал: «Ну, что, опять проверять пришел? Все в порядке, курс правильный». И называл курс. Соленый понимал, что с ним шутят, и приветливо помахивал хвостом.

Если в камбуз вход был воспрещен раз и навсегда, то в капитанскую каюту можно было входить только с разрешения — он это прекрасно знал. Научившись лазать по лестницам, он в тихое время, после обеда, осторожно поднимался на среднюю палубу и останавливался на пороге каюты капитана. В том случае, когда капитан его

не замечал, он переминался с ноги на ногу и тихонько-просительно урчал с закрытым ртом.

— Ну, поди посмотри! — говорил обычно капитан, и тогда Соленый подбегал к большому зеркалу и становился на задние лапы.

Так и есть, другая собачонка опять была тут как тут. Иногда ему казалось, что она ничего себе, а иногда по выражению ее морды он решал, что она замышляет что-то недоброе. Он долго с ней переглядывался ненавистным взглядом, потом злобно рычал, чтобы ее спугнуть, тыкаясь носом в холодное зеркало. Окончательно разозлившись, он с лаем бросался вперед, и передние ноги соскальзывали у него на пол. Собака исчезала. Уверенный, что ее прогнали, он успокаивался и шел поздороваться с капитаном.

— Дуралей ты, дуралей! — произносил капитан, и пес безошибочно понимал, что это значит: «Славный ты, хороший пес», и поталкивал плечом колено сидевшего у стола капитана, чтобы тот его погладил...

Вопреки тому, что думают люди, начитавшиеся старых историй про матросскую жизнь, из отпусков на корабль никто из матросов не возвращался пьяным... Эти советские матросы на корабле были все равно что на производстве во все время плавания и не были похожи на тех красочных, но разнузданных морячков, которые возвращались с берега с залихватской песенкой «Йо-хо-хо! И бутылка рома!..». Поэтому, если

кто-нибудь и выпивал на берегу, то понемногу и потихоньку, чтобы не было заметно, и спешил скрыться с глаз товарищей, чтобы не иметь удовольствия любоваться собственным, очень противным портретом в очередном номере корабельной стенной газеты.

К сожалению, старый и отличный матрос Мартьянов имел некоторую слабость к вину. О том, что он выпил, можно было догадаться только по тому, что он держался очень прямо, был подчеркнуто вежлив и неприступен до надменности. И еще по запаху чеснока, которым он «забивал» предательский дух алкоголя. Однажды он вернулся с берега твердой походкой, суровый и высокомерный, в сопровождении Соленого, который ходил с ним на берег гулять. Никто бы ничего и не заметил, если бы не выдал Соленый. Боцман, присев около него на корточки, чтобы погладить по случаю возвращения на борт, вдруг сморщился и отшатнулся. От собаки невыносимо несло чесноком. Пока Мартьянов выпивал и закусывал, щенок подобрал упавшую на пол дольку чеснока и от скуки добросовестно ее сжевал.

Матросы до упаду хохотали, нарочно подходили понюхать, как Соленый наелся чесноку, А на другой день в стенгазете была карикатура, как Мартьянов вместе с собакой выпивают и закусывают чесноком и вместе, выпивши, возвращаются на корабль. Собака выглядела очень надменной. Мартьянов ходил три дня мрачный.

И кажется, перестал злоупотреблять не только чесноком, но и тем, что им закусывают.

Так к разным, в основе правдивым, но весьма преувеличенным юмористическим легендам, которые начали создавать матросы о собаке, прибавилась еще одна: как Соленый в благодарность за то, что Мартыанов подобрал его, отучил своего приятеля от выпивки во время отлучек на берег.

Другая полулегенда была о том, как он лаем разбудил вахтенного в то время, когда ночью в дождь какой-то неизвестный в иностранном порту хотел пробраться на судно. Что-то в этом роде действительно было, только роль и значение в этом эпизоде Соленого были из любви к нему очень преувеличены.

Все эти легенды и анекдоты начали слагаться, когда он уже подрос и стал сильным, рослым псом огненно-рыжей масти. Он проплавал на корабле целый год, побывал и в южных и в северных водах, и во многих портах, и уже простоял «в ремонте» два месяца в Одесском порту, к которому был приписан корабль.

Тут он вдоволь побегал по берегу, познакомился со многими собаками, портовыми и корабельными, и каждый день по нескольку раз купался со своими матросами в море.

Команда «Камы» еще больше стала гордиться своей собакой. Соленый любил воду. Он бесстрашно далеко заплывал в море вместе с матросами и, если не было большой волны, нисколько не боял-

ся. Когда ему казалось, что пора возвращаться, он просто заплывал вперед и начинал плечом толкать человека обратно к берегу. Это уже была не легенда. Все на берегу видели, до чего «морская» собака на «Каме», удивлялись, завидовали, гадали, откуда у нее такие способности, и приходили к выводу, что в роду у нее была собака-водолаз.

Ему было уже полтора года, когда жизнь его перевернулась. Соленый, всегда в плавании ни на десять шагов не отходивший от своих матросов во время прогулок на берег, после привольной одесской жизни, где можно было уходить надолго и всегда можно было вернуться на борт, не опасаясь, что корабль уйдет, попал в тот самый иностранный порт, где он родился, — впрочем, место это он решительно не помнил.

Он погулял с матросами, вернулся на борт, потом увидел очень интересную собаку, с которой ему захотелось побегать и поиграть, и сделал то, чего никогда не делал: никем не замеченный сбежал по трапу на берег.

С собакой они быстро познакомились, выяснили, что друг друга не боятся и не угрожают друг другу — значит, компания для обоих вполне подходящая. Чужая собака предложила пробежаться вдоль берега наперегонки, и они побежали. Потом они помчались вдоль заборов, останавливаясь у каждого ворот, чтобы подразнить дворовых собак, вместе загнали на дерево злющего,

зеленого от старости кота и очутились очень далеко от порта. И тут Соленый вдруг, насторожив уши, замер и опомнился. Издалека донесся прощальный гудок уходящей в море «Камы».

Приятель Соленого удивленно смотрел, как тот вдруг во весь мах кинулся вдоль берега к порту. Соленый был вне себя от тревоги и волнения. Выскочив на пирс, он, чуть не сшибая с ног встречных, мчался к причалу.

Вот на этом месте полчаса назад был трап, он ясно чувствовал запах смолы, мокрого дерева и следы ботинок матросов. Следы были кругом свежие, знакомые, недавние, и все они вели сюда, к каменному обрыву, за которым была пустота, а дальше расстилалась гладь воды. Корабля, который ушел в открытое море, он не видел, до него были уже километры шумящего, взволнованного моря.

Ни на что не надеясь, пес обежал все причалы, добежал до конца каменного мола, где стоял небольшой маяк. Всюду был камень, а вокруг него — вода. Он вернулся к тому месту, где был трап и сильнее всего чувствовались следы людей, сел там и решил ждать.

Утром его попробовали прогнать, но он так ошестинился и зарычал, что сторож предпочел отойти.

Потом голод и жажда заставили его уйти, и он поплелся в город.

Он не умел попрошайничать, не умел воровать, не умел прятаться. Когда голод стал невы-

носимым, он подошел на рынке к продавцу лепешек и честно, открыто, с достоинством попросил его покормить. Его грубо прогнали. Он огрызнулся и ушел.

Вечером рынок опустел, он увидел крадущихся жалких псов с поджатыми хвостами и желтыми голодными глазами. Они шныряли около складов и лавок, подбирая гнилые остатки еды. После долгих поисков ему досталась голова копченой рыбы, сухая и просоленная, и он с отвращением и жадностью стал ее жевать, рычанием отпугивая от себя других голодных псов.

С тех пор он, присматриваясь к другим бродячим собакам, стал следом за ними обходить городские свалки, помойки, грязные задние дворы складов. Раза два ему приходилось вступать в драку. Драться он был непривычен, но был силен и храбр, и, хотя ему самому здорово попадало, к нему скоро перестали приставать.

Первое время каждую ночь, когда можно было незаметно пробраться мимо людей, охранявших вход в порт, он прибежал к знакомому причалу, жадно нюхал камень, с которого все больше выветривался запах, и долго сидел, глядя в пустынное море.

Он становился все более жадным, злым, подозрительным и хитрым псом, перенимая повадки других бродячих собак.

У него завелись приятели: голодные, облезлые и несчастные собаки. Однажды у него произошла небольшая стычка с одноухим сварливым, угрю-

мым псом. После первого же толчка плечом тот кувырком полетел в пыль, и тогда Соленый понял, что этот пес — старик, почти беззубый, с негнушися ногами. С ним и драться-то было противно.

Зато с Красноглазым ему пришлось выдерживать два жестоких боя, чтобы отвадить от привычки вырывать из чужого рта добычу.

Когда собаки, крадучись и прячась в тень от яркого лунного света, выходили на свой нищенский промысел, они были не одиноки на свалках и пустырях.

Там бродили и люди, жалкие и такие же голодные, как собаки. От них пахло только голодом, ночлегом в пыли под открытым небом. Собаки понимали, что это какие-то совсем другие люди, чем те, которые днем стоят у жаровен, пышущих жаром и запахом жирного мяса, или в хлебных лавках, откуда по утрам несется опьяняющий дух целых гор свежеиспеченного хлеба.

Однажды ночью Соленый услышал в переулке глухой шум ударов, кряхтенье и ругательства. Двое полуголых людей дрались из-за большого комка требухи. Требуха шлепнулась во время драки в пыль, и знакомый пес-старикашка подхватил требуху и во всю прыть кинулся наутек.

Мгновенно драка прекратилась, и оба нищих бросились в погоню за собакой.

Они кидали вслед палки, грозились и, когда, наконец, упустив собаку, тяжело дыша, остановились, от обиды принялись снова колотить друг друга.

Соленый, проскользнув мимо них, помчался по следу старика. Он пробежал два переулка, нырнул в лазейку и сразу же услышал с пустыря шум новой драки, на этот раз собачьей: Красноглазый отнимал требуху у старика. Тому, с его больными лапами и слабыми зубами, не под силу было драться с Красноглазым, он это и сам знал, но, рыдая от бессильной злости, все-таки отчаянно пытался защитить свою пахучую, сочную требуху.

Соленый с разбегу налетел на них и дал обоим такую трепку, что Красноглазый с воем умчался, поджимая лапу. После этого Соленый, считая по закону требуху своей, наступил на нее лапой и с наслаждением принялся за еду. Старик, не смея подойти, хныкал и топтался поодаль, сам неуверенный в своем праве.

Соленый, утолив первый голод, стал есть по-медленней, а утолив второй голод, начал совсем медленно жевать требуху. Тогда старый пес совсем потерял голову, подполз поближе и, умоляюще повизгивая, потянул к себе кусочек. Соленый рывкнул на него, и старик, в страхе закрыв глаза, припал к земле, не выпуская изо рта ухваченного кусочка. Потом, видя, что его не трогают, осторожно оттянул кусок в сторону, и, захлебываясь от удовольствия, стал есть.

Отправляясь на ночлег, Соленый заметил, что старик преданно трусит за ним по пятам на своих негнущихся лапах. Рядом с Соленым он не боялся других собак...

По ночам Соленому снились сны о прежней жизни. Ему снился боцман. Он шел к нему навстречу по палубе, и Соленый от радости вставал на задние лапы, клал свою большую голову ему на грудь, а тот трепал и поглаживал ему уши, приговаривая басом. Звуки были знакомые, такие дружественные! Боцман, как всегда, говорил сначала: «Эх ты, рыжий... ры-ыжий, конопатый, убил дедушку лопатой!..» Потом с глубокой укоризной спрашивал: «А?.. Зачем, бесстыжий, ты убил дедушку лопатой? Отвечай, зачем?..» И так как на вопрос надо было отвечать, Соленый, оскалив в улыбке зубы, бурчал и покусывал ему руку.

Проснувшись, он увидел голый пустырь, заросший пыльной травой, заваленный битым кирпичом, свалку, где сияли при луне осколки разбитой фаянсовой тарелки, и дохлую собаку со вздувшимся животом и оскаленными зубами на груди консервных жестянок. Лежа рядом с ним, старый пес осторожно вылизывал Соленому порванное в драке ухо...

Он не мог больше спать и побежал опять на пристань. Белый город спал при луне. Все двери были закрыты. За ними спали люди. Была закрыта вся еда, все тепло. На улицу проникали только запахи закрытого хлеба, теплых ужинов, хранящегося в кладовках мяса.

Глухо и могуче загудел пароход, и Соленый помчался со всех ног: ему показалось, что опять уходит, исчезает «его» корабль.

У знакомого причала стоял только что подошедший пароход. С него спускали трап. Но все было чужое. Он дождался, пока сойдет на берег первый человек. Запах был чужой. И он поплелся обратно из порта. Он уже стал терять к нему интерес.

Море он любил по-прежнему, и если он не опаршивел от своей жизни на пустыре, то, наверное, потому, что плавал каждый день в соленой воде.

Людам он научился не доверять. Узнал, что человека с палкой надо бояться, от человека с камнем надо увертываться. Когда человек протягивает к тебе руку, нельзя давать к себе притронуться, лучше укусить руку, чем позволить себя взять за шиворот. Но, как многие крупные собаки, детей он считал человеческими щенятами и никогда их не обижал.

Детям, купавшимся на берегу, нравилось смотреть, как он плавает, и они играли с ним и отщипывали маленькие кусочки от своих лакомств, чтобы поделиться с ним.

Он познакомился с одним мальчиком, которого приводила к берегу глупая толстая мама. У этого мальчика было всегда много еды, которую он не съедал, сколько мама его ни уговаривала. И хорошие куски доставались иногда Соленому.

Кроме еды, у мальчика были раскрашенные мячи, нарядные костюмчики, резиновая надув-

ная акула и такая же лодочка, на которой он плавал вдоль берега, управляя игрушечным веслом.

Мама в это время бегала по берегу и кудахта-ла, чтобы он не перевернулся.

И хотя кругом обыкновенные, бронзовые от загара ребятишки в одних трусиках кувыркались и ныряли в волнах, именно мальчик в нарядном костюмчике, несмотря на все кудахтанья, однажды перевернулся на волне и потому, что он был в нарядном костюмчике и хорошеньких туфельках, а также потому, что из осторожности ему не позволили учиться плавать, перевернулся метрах в двадцати от берега и удивительно быстро стал тонуть.

Все закричали, ребятишки от испуга кинулись на берег, а мама, вбежав в воду, стала рвать на себе волосы, рыдать, и причитать, и царапать себе лицо, оплакивая ужасную гибель мальчика.

Когда мальчик на минуту показался над водой, Соленый к нему подплыл и дружески подтолкнул плечом, показывая, что надо плыть к берегу, но мальчик поплыл почему-то вниз, под воду. Тогда Соленый нырнул, чего очень не любил делать, и схватил мальчика за курточку. А потом поплыл, вынося мальчика к берегу, как это всегда делал, когда ему бросали в воду палки.

В воде тащить было легко, но, попав на мелководье, Соленый с трудом волок мальчика на сушу.

Мама прервала свою панихиду по утопленнику и схватила своего сына на руки. К этому времени народу набежало со всех сторон уйма. Все

кричали, суетились. Одни расспрашивали, в чем дело, другие со всеми подробностями рассказывали, как собака спасла мальчика, третьи ругали маму, четвертые начали сетовать насчет неправильного воспитания детей, но, к счастью, двое рыбаков отняли мальчика, сделали ему искусственное дыхание, и он пришел в себя.

Мама целовала мальчика и умоляла его поскорее прийти в себя и открыть глазки. А он лежал бледный, вяло и плохо соображая, что с ним произошло.

Соленый протиснулся сквозь толпу, чтоб взглянуть, как там у мальчика дела. Кто-то отпихнул его ногой, он злобно огрызнулся, на него закричали и стукнули палкой. Связываться с людьми, у которых в руках палки, не имело смысла, и он, ворча, убежал подальше от греха в кусты, чтобылизать ушибленное место.

Несколько дней он старался не появляться поблизости от места этого неприятного происшествия. Потом позабыл обо всем и вернулся на пляж поиграть с ребяташками, поплавать в море и поваляться на песке. Знакомый мальчик оказался в это время вместе с мамой на берегу, он увидел Соленого и заорал обрадованным голосом. Снисходительно помахивая хвостом, пес двинулся к нему навстречу — посмотреть, нет ли у мальчика в руках какого-нибудь бутербродика.

Бутербродов оказалось даже несколько. Мальчик начал его кормить и при этом кричать и то-

пать ногами, требуя, чтобы мама взяла собаку с собой.

Постепенно вокруг них собрались все голые ребятишки, обычно валявшиеся на солнце и барахтавшиеся в море на этом куске пляжа.

Соленый ничего не понимал, только торопливо жевал и глотал, не спуская глаз с бутербродов, которые держал наготове мальчик.

Мальчик выходил из себя, визжал и даже подвывал, доказывая матери, что раз эта хорошая рыжая собака вытащила его из воды, теперь они должны взять ее к себе в дом, и не расставаться никогда, и кормить самыми вкусными вещами.

Все мальчишки и девчонки, сбегавшиеся на шум, приплясывая от волнения, галдели, махали руками и клялись, что мальчик прав, это очень-очень хорошая собака. Позор на голову людей, которые не отблагодарят собаку, потому что, если бы не она, мальчик давно был бы уже маленьким утопленником.

Мама вдруг представила себе маленького утопленника и разразилась рыданиями, потом протянула руку, чтобы погладить «славную собачку», а та сказала: «Рр-рpp!» — и отскочила в сторону.

Тогда мама сказала, что это ужасная собака, но ради сына она согласна попробовать ее взять к себе. Кончилось тем, что мальчик обвязал Соленому шею платком, и они мирно пошли рядом.

Началась новая, очень странная жизнь для Соленого. Весь мир огорожен белой стеной.

Внутри стены стоит дом с террасками. Перед домом сад, совсем плохой и скучный. Голые песчаные дорожки, ужасно чистые и неуютные. Ничем интересным тут даже не пахнет. Дорожки окаймлены барьером из высоких цветов на толстых стеблях, земля под ними черная, выполотая, даже обыкновенной травы, чтобы на ней поваляться или пожевать от скуки, и то нет.

Правда, за домом был маленький дворик. Там часто пахло жареным мясом и горячими лепешками. Там был дровяной сарай со следами кошек и, самое интересное, роскошная помойка, откуда можно выкапывать очень интересные, съедобные кусочки. Одноухий старикан обомлел бы от восторга, дорвавшись до такой помойки!..

Но с этого дворика Соленого всегда выгоняли, и он плелся обратно в скучный сад и слонялся там без дела, не зная, куда себя девать...

На корабле у него вечно не хватало времени на самые необходимые дела. Все время надо было соображать: не опоздать бы к завтраку, в жару — успеть попасть под струю шланга во время уборки, а в холод — сбегать погреться у парового отопления, со всеми поздороваться, забежать к капитану, понаблюдать, кто что делает, заглянуть сверху к коку, не пропустить сигнала начала работы, чтобы удрать в безопасное место. Еле успеваешь вздремнуть днем, потому что ночью обязательно надо пойти посидеть со скучающими вахтенными, а в свободное время — забежать к боц-

ману, чтобы выслушать приятный, ежедневно повторяющийся разговор про «рыжего-конопатого».

А тут хоть целый день спи да шелкай зубами на мух.

Однажды ранним утром, когда вся земля была покрыта свежей, прохладной росой, он выбрал удобное местечко и в свое удовольствие повалялся и покувыркался в цветах. Освеженный, как после хорошего душа, он отдыхал в тени, когда слышал крики, хлопанье дверей, ахи и охи.

Далеко не сразу он с ленивым удивлением понял, что весь этот шум поднялся из-за него. Хозяйка дома то бегала смотреть на помятые цветы, то махала руками на Соленого и ругала его, а потом появился ее муж с палкой. Соленый вцепился в палку зубами и рванул к себе. Крик поднялся пуще прежнего, все убежали в дом и закрыли дверь, а Соленый выкопал себе удобную ямку в клумбе и решил там отлежаться, пока не кончатся все неприятности.

До вечера его оставили в покое. Наверное, сами поняли, как глупо ругаться и лезть в драку из-за травы. Потом его позвали, ласково с ним разговаривали и кормили маленькими кусочками мяса. Он их ловил в воздухе, шелкай зубами, и, доверившись этим хитрым людям, даже не сообразил, как все произошло. На шее у него вдруг оказалась петля, его поташили, полузадохшегося, на задний дворик, что-то с ним делали и потом вдруг выпустили. Он рванулся, и его чем-то

сбило с ног, рванулся еще, в бешенстве оглянулся: его держала натянутая железная цепь, приделанная к стене около маленького навеса.

Такой подлости он от этих людей не ожидал! Он бесновался несколько часов, пока не упал, обессилев. Отдышавшись, он снова вскочил. Рывками, напрягая все силы, он пытался оборвать цепь. Грыз ее зубами. Тянул так, что чуть не задушил себя, до тех пор пока снова не валился с налитыми кровью глазами, хрипло дыша и глядя на людей, толпившихся в отдалении, глазами, полными ненависти.

Наконец он понял, что все пропало, и перестал бороться. Он лег и закрыл глаза. Весь мир ему опротивел. Он потерял всякий интерес к жизни. Он не притрагивался к еде, ничего не слышал, не видел, все ему стало безразлично. Он был полон отвращения к людям, к их предательской хитрости, отвращения к жизни, которая ожидала его, прикованного к стене арестанта.

Скоро он так ослабел, что едва мог вставать, но, когда хозяин подходил к нему, чтобы задобрить фальшивыми словами и съедобными подачками, он, пошатываясь, вставал, шерсть на нем поднималась дыбом и глаза наливались ненавистью: он готовился драться до последнего, если к нему попробуют притронуться.

К нему перестали подходить, его оставили в покое. Долгими часами он лежал, уронив голову на лапы, с полужакрытыми глазами.

Сороки, любопытно стрекоча, разглядывали его с дерева, стараясь разобрать, живая ли это собака. Осмелев, они нахально стали прогуливаться перед самым его носом и угощаться из его миски. Они подходили к самой его морде, он шире приоткрывал глаза, и они отскакивали с раздраженным лопотанием.

Однажды, ранним утром, когда все люди по своей глупой привычке еще спали, хотя солнце уже давно взошло, он услышал робкое, просительное похныкивание и увидел совсем маленькую белую собачонку, которая сидела прямо перед ним. Топчась на месте от еле сдерживаемого желания подойти поближе и хныча от страха, она как будто говорила: «Ой, до чего мне хочется к вам подойти, просто сил нет, но я боюсь, боюсь, ужас до чего боюсь, уж очень вы громадная собака!»

В доме стукнула дверь, послышались шаги, и маленькая собачонка кинулась опроретью бежать, вскочила на помойку, оттуда — на толстую глиняную стену и спрыгнула в соседний сад.

На другое утро в тот же час, когда светило солнце и птицы пели на деревьях и прохаживались по земле, не боясь людей, так как кругом стояла тишина и все двери в дом были еще закрыты, собачонка опять прибежала к ограде, соскочила на помойку, а оттуда — на землю, села против Соленого и опять завела свое: хныкала и повизгивала, выражая нестерпимое желание подойти, глядела умильными черными глазками и все никак не решалась.

Наконец, набравшись храбрости, она сделала несколько мелких шажков. От напряжения и страха у нее даже тряслись ее маленькие ножки. Она подходила все ближе, и Соленый, который лежал, как всегда, на самом конце натянутой цепи, чуть шевельнулся и дружелюбно ударил по земле хвостом, и собачонка сейчас же кинулась бежать, спотыкаясь, просто чуть в обморок не упала со страху.

Наконец все это заинтересовало Соленого. Он медленно поднялся и отодвинулся назад так, что его цепь, все время натянутая, как струна, ослабела и тяжелыми извивами легла на пыльную землю. Маленькая собачонка, опять извиняясь и заискивая, мелко трепыхая хвостиком, подошла поближе и вдруг увидела, что он двинулся ей навстречу и может ее схватить. Она пискнула, перевернулась на спину и осталась лежать, бессильно сложив передние лапки на груди с видом полной покорности судьбе.

Соленый осторожно ухватил ее зубами за кончик хвоста и подтянул поближе. Собачонка и не шелохнулась, пока он тащил ее за хвост. Только когда он с дружеским интересом тихонько потрогал ее своей большой лапищей, она открыла глазки, точно спрашивая: «Где я?.. Я жива?» И вдруг, как бывает с трусишками, когда опасность миновала, пришла разом в отличное настроение, вскочила на задние лапы и забарабанила передними по его носу...

Она долго играла с ним, прыгала через него и теребила, забегая с разных сторон, и, едва ему стоило поднять лапы, падала навзничь от страха, что он ее нечаянно раздавит. А затем снова принималась веселиться и играть.

Набегавшись, она подошла к его миске с нетронутой едой и стала есть. Соленый долго смотрел на нее, потом подошел и, опустив голову, в первый раз попробовал и начал есть ненавистную рабскую похлебку.

Люди считали его опасной, бешеной, злой собакой и даже миску с пищей подталкивали к нему издали палкой, а он глухо ворчал, с ненавистью глядя на палку.

Время шло, и он стал тупеть и глупеть от неподвижной, однообразной жизни. Часами он следил за сороками или мухами, гулявшими у него перед носом. Привык много спать, и сны ему снились тоже скучные и ленивые.

По утрам иногда прибегала черноглазая собачонка поиграть. Очень редко украдкой пробирался во двор мальчик, которому было строго-на-строго запрещено подходить к злой собаке. Пес снисходительно принимал кусочки печенья, которые тот подбрасывал ему издали. Он чувствовал к нему симпатию. Мальчик был ничего себе, но все-таки щенок. Пес считал себя гораздо старше, опытнее и сильнее этого человеческого детеныша.

Лунными ночами тоска охватывала его с особенной силой. Он вдруг просыпался, чувствуя себя прежним — веселым, сильным и свободным, и вдруг вспоминал, что он прикованный, вялый и отупевший цепной пес.

Вдалеке однотонно и призывно шумело море, о чем-то тревожно напоминая.

Горло у него начинало сжиматься. Он принимался скулить и потихоньку подвывать, подняв морду к сияющей в вышине круглой пустынной луне.

Как-то мальчик пробрался к нему во двор, только что вернувшись с купания. На плече у него было мокрое мохнатое полотенце.

И тут мальчик, которого каждый день страшили: если он подойдет к собаке, та отгрызет ему руку, разорвет на кусочки и съест, сделал глупость, в которой было больше смысла, чем во всей мудрости взрослых. Он, смеясь, дал понюхать собаке полотенце, сел рядом с ней на корточки и ласково стал гладить по голове.

— Купаться? Да?.. Купаться? — спрашивал мальчик, и в ответ пес с такой силой бил хвостом его по плечам, по лицу, что тому приходилось, смеясь, отворачиваться, закрываться руками.

Мальчик взялся за ошейник и попытался отстегнуть карабин, державший цепь. Но пружина была слишком тугая, а пальцы у мальчика слабые. Тогда он влез верхом на Соленого и, нагнувшись, стал расстегивать ошейник. Он дергал его без конца, тянул обеими руками за ремень, но

собака ему мешала, нетерпеливо дергаясь. И вдруг ошейник упал, звякнув цепью.

Соленый осторожно переступил границу истоптанного лапами круга, дальше которого он не мог двинуться. Он сделал прыжок, и цепь не дернула его назад, не сдавила горло.

Деревья, дом, стена, плиты двора — все, что было доступным ему миром, никогда не сдвигавшимся с места, все вдруг сдвинулось. Он увидел дорожку, закрытую все эти месяцы для него углом дома. Увидел деревья с другой стороны и, чтобы не сойти с ума от радости, как бешеный стал носиться, описывая круги по двору.

Мальчик стоял, хлопал в ладоши и хохотал от удовольствия, глядя на него.

Потом Соленый промчался вдоль всей ограды, сшибая и ломая все на своем пути, и влетел обратно во двор.

Мальчик, решив, что пес уже достаточно побегал, поднял ошейник и стал его звать к себе. Соленый искоса на него бросил быстрый взгляд, с разбегу взлетел на помойку, с нее вскочил на стену, — и исчез.

...После многомесячного отсутствия «Кама» снова держала курс на иностранный порт, где когда-то потерялся Соленый пес.

Новой собаки на борту не было. Чтобы после такого выдающегося пса, как Соленый, брать обыкновенную собачонку? Никто из команды об этом и слышать не хотел.

Если кто-нибудь заводил речь, что Соленый может еще найтись в порту, все его высмеивали, доказывая, что такие номера только в кино бывают. Ясное дело, пропала собака, так нечего и болтать!

Теперь, когда, по общему мнению, пса уже не было в живых, в воспоминаниях матросов он стал еще более необыкновенным, умным и хорошим.

Мартьянов — тот прямо заявлял, что только Соленый отучил его от неположенных выпивок, а стенгазета только после немного поддержала.

На ночных вахтах в тихую погоду, когда время особенно долго тянется, Мартьянов в кругу товарищей любил замысловато рассуждать о жизни человеческой и собачьей.

— В доисторическом разрезе я себе эту картину представляю в таком виде, — говорил он, вздыхая и долго затягиваясь папиросой. — Когда-то человек вел войну не на жизнь, а на смерть против всякого зверья. А зверушки в те времена были мое почтение! Зубастые, когтистые, рогатые да еще и ядовитые, черти! Птички летали, может быть, чуть поменьше молодого бегемота. Тюкнет клювиком — будь здоров!

Матросы слушали, улыбаясь, и Мартьянов продолжал рассуждать:

— И все они так и норовили человека слопать, загрызть или затоптать. А человеку куда податься? Зубу него мелкий. Когтей нет. Бодаться нечем. Вот он думал-думал, может быть, десять тысяч лет и

наконец додумался — смастерил себе топорик с кремешком на конце палки и стал ото всего света отбиваться этим паршивеньким топориком.

И в эти тяжелые для человека времена произошло то, что именно собака одна из всех зверей почему-то примирилась с человеком. Перешла на его сторону и заключила договор: стоять друг за друга, вместе охотиться и защищаться от всех зверей... Нечего ухмыляться: договор!.. А что этот договор неписаный, тому есть объяснение: что собаки, что люди в те времена одинаково неграмотные были... Так вот, в тяжелые времена собака стала другом человека. И сейчас всякий знает, что собака — человеку друг. Факт. А вот насчет того, друг ли человек собаке, — это еще вопрос открыт... Представим себе, к примеру, такую картину, что вдруг самые разумные существа на земле — это собаки, а мы, люди, при них так, в «друзьях», вроде собак существуем... Значит, такая картина: сторожевые люди дворы собакам охраняют, охотничьи людишки на охоту их сопровождают, пастушеские человеки барашков пасут и так далее. А мелкие комнатные человечки для забавы на задних лапках подачку выпрашивают... И в виде особой благодарности за все это каждый барбос имеет право пхнуть сапогом под брюхо или посадить на железную цепь, словно какого-нибудь каторжного преступника средних веков... Нет, братцы, я бы на их месте не спешил бы признавать таких друзей.

Итак, после того, как единодушно вся команда пришла к выводу, что Соленый давно погиб и надежды на его возвращение никакой не может быть, после того, как язвительно и жестоко высмеяны были все дураки, которые воображали, что тот так вот сидит и дожидается «Каму» семь месяцев на пирсе, едва с корабля была спущена первая партия матросов на прогулку в город, все пошли на поиски.

Никто открыто в этом не признавался, говорили просто так: «Вы, ребята, вдоль берега пойдете? Ладно, а мы вон в ту сторону! А кто по городу пойдет?» Так, разбившись на мелкие группы, матросы разошлись по городу, берегу и рынку, присматриваясь ко всем собакам и потихоньку посвистывая особым тонким свистом, который Соленый безошибочно узнавал.

Вечером все вернулись на корабль ни с чем, в мрачном настроении, а Мартянов поднялся по трапу впервые за много месяцев с самым неприступным и надменным видом и тотчас лег на свою койку к стене.

Особенно всех расстроило то, что портовый сторож вспомнил, что большая рыжая, очень злая собака после ухода «Камы» часто приходила в порт и бродила вдоль причалов.

Молоденький матросик, первогодок Миша, с горечью сказал:

— Если б знать, я бы двухмесячное жалованье отдал, чтобы его отсюда в Одессу переправили багажом!

На него посмотрели с презрением, и кто-то хмуро сказал:

— Подумаешь! А кто бы не дал?..

Наутро «Кама» должна была уходить в море. Ночью около трапа залаяла собака. Вахтенные бросились к борту, и из кубрика выскочили полуодетые матросы.

Большая черная собака понуро протрусила мимо и, оглянувшись, испуганно шархнулась, услышав голоса.

А в это время бездомная и безымянная бродячая рыжая собака, у которой когда-то была кличка Солёный, отлеживалась в пыльной канаве под железнодорожным мостом, дожидаясь рассвета, чтобы выйти на поиски пищи.

Накануне на базарах были облавы на бродячих собак и по улицам ездили страшные ящики, откуда глухо доносились собачьи голоса, вопли испуга, жалобы и жалкий, просительный лай.

Он сам еле ушел от сетей и теперь даже во сне иногда принимался глухо рычать от бессильной ярости.

Едва рассвело, он поднялся, спокойно обошел спящих под мостом людей — этих-то можно было не опасаться — и начал свой обход всех закоулков, где когда-то ему попадались съедобные отбросы.

Ему очень не хотелось идти на базар, где бывали облавы, но его непреодолимо тянул туда голод. Он боялся, старался удержаться, но шаг за шагом, переулком за переулком оказывался все ближе к базару.

Вдруг он растерянно остановился и замер, шерсть на нем поднялась дыбом от волнения. Припав мордой к самой земле, он закружился на месте. С лихорадочной быстротой он вбирал в себя воздух, торопливо его выдыхал и снова жадно втягивал носом, обнюхивал неясные следы, запах которых сводил его с ума.

Рыская по следам, он вышел на прямую и побежал по переулку к порту. Люди испуганно стояли: пес неся, точно за ним гналась стая голодных волков. Он стремительно домчался до первых портовых складов, потерял след, снова нашел его на обочине шоссе и, не отставая от грузовиков, следом за одним из них ворвался в портовую ограду через открытые ворота.

Здесь он точно обезумел: следы были совсем свежие, они его звали, кричали ему: «Мы здесь!.. Сюда!.. Скорей!..»

Как рыжая бомба, он проложил себе дорогу в сутолоке причалов и заметался около того места, откуда всего каких-нибудь несколько минут назад были убраны сходни отпływшей «Камы».

Он уже распознавал следы отдельных людей: боцмана, Мартьянова, пропахшие камбузными запахами следы мягких подошв кока, и перед ним был, как много месяцев назад, каменный обрыв и еще пенившаяся вода — след корабля.

Ветер дул с моря, и он слышал близкие запахи с самого корабля и видел, как он медленно за-

ходил за другие стоящие у причалов суда, самым малым ходом выбираясь к выходу из гавани.

Тогда, не спуская с него глаз, жадно нюхая воздух, он со всех ног бросился по бесконечно длинной дуге каменной стены брекватера догонять. Он мчался по дуге, надеясь выйти наперерез, как будто у выхода из порта, там, где на оконечности мола стоял маяк, он действительно мог перепрыгнуть с берега на борт...

Как всегда бывает при прощании с портом, свободные матросы стояли на корме, облокотившись на леера и наблюдая, как медленно отодвигается назад белый, чужой город.

Потом один матрос равнодушно сказал:

— Вот несется!

Другой лениво перевел глаза и сказал:

— Гонится за ним кто-нибудь, что ли?

— Кто там гонится? — без всякого интереса спросил третий.

И тут сразу двое закричали:

— Братцы! Смотри!

— Он, провалиться на этом месте, он!

Люди выскакивали из нижних помещений, бежали к левому борту, кричали: «Он!», «Не может быть!» Потом, задрав головы, все уставились на капитана, который стоял на мостике, подняв к глазам большой бинокль, и смотрел на высокую пустую стенку брекватера, по которой большими прыжками неслась рыжая собака.

Капитан, не опуская бинокля, твердо сказал:

— Он!

На узком выходе из гавани нельзя было и думать останавливать двигатель. Это понимал самый последний матрос.

Соленый первым добежал до маяка и смотрел на корабль, который проходил здесь совсем близко. Он трижды призывно пролаял и остался стоять, тяжело дыша после бега.

«Кама» прошла узкий проход между двумя волноломами и вышла в море. Соленый перебежал на другую сторону каменной стены и не отрывал глаз от корабля, стоя на самом краю. Никто не слышал, как он стонет от отчаяния и волнения. Корабль очень медленно уходил на самом малом ходу подальше от стенки, которая всегда опасна для корабля.

И в этот момент молоденький матросик-первогодок крикнул ему: «Прощай!» — и по глупости свистнул обычным призывным свистом.

Соленый стоял на краю высокой стены. Воды он не боялся, но высоты боялся. Услышав знакомый, условный свист, он вздрогнул, и в нем что-то оборвалось. Его зовут! И он сильным, отчаянным прыжком грудью бросился с высоты в море.

Молодой матрос тут же получил с двух сторон разом две затрещины за свою глупость, а Соленый, вынырнув, встряхнулся, повернулся носом к кораблю и поплыл.

По морю ходили невысокие круглые водяные холмы. Он поднимался на них вверх, потом опус-

кался в низину и терял корабль из виду и снова поднимался, держа курс точно, как по компасу.

Каждый раз, когда его поднимала волна, он видел, что корабль уходит от него все дальше. Минутами он не видел ничего, кроме волн, но плыл прямо вперед. Чайки начали собираться над ним, и он слышал их удивленные, скрипучие крики. Шерсть у него намокла и отяжелела. Никогда он не плавал так долго и, начиная терять силы, поплыл медленнее.

Волна его подняла, и он увидел корабль еще гораздо дальше от себя, чем в ту минуту, когда он кинулся в воду. И все-таки он плыл к уходящему от него кораблю, вперед, куда его звали вся его верность, все мужество и твердость его сердца. Он слышал зов и знал, что будет плыть, пока есть дыхание и могут двигаться лапы...

Лодку спускали с «Камы» с такой быстротой, что почти уронили на воду. Затрещал и начал подвывать, переходя на высшую скорость, мотор.

Боцман, стоя на мостике, указывал лодке направление, потому что голова собаки то еле виднелась, то вовсе пропадала в волнах.

На носу лежал, высунувшись вперед, Мартынов. Ему из уважения уступили это место. Кроме моториста, в лодке был еще только матрос Миша.

Боцман показывал то левее, то правее и вдруг стал рубить рукой прямо вниз, показывая, что надо искать на месте. На поверхности ничего не

было видно. Только чайки кувыркались в воздухе, ныряя к воде.

В провалах между двух волн на минуту возникла темная, точно облизанная голова Соленого. Моторка легла на борт, делая поворот. Мартьянов совсем перевесился через борт, так что Мише приходилось двумя руками держать его за пояс. Большой малахитово-зеленый холм воды поднялся у борта, и тут Мартьянов увидел необычайную картину. Соленый уже не мог всплыть. Над ним было полметра морской воды, глаза его были полузакрыты, но лапы медленно и равномерно двигались, он еще плыл последними движениями под водой. Мартьянов, оттолкнув Мишу, прыгнул головой вперед и ушел под воду.

Лодка прошла мимо, круто развернулась, черпая бортом воду, и вернулась к тому месту, где всплыл Мартьянов, крепко ухвативший за шиворот Соленого.

Миша с рук на руки принял собаку, похожую на мягкий облипший мешок мокрой шерсти, и затем помог влезть в лодку Мартьянову.

Безжизненно остановившиеся глаза Соленого были полуоткрыты, дыхания не было. Мартьянов схватил его за задние ноги, поднял и свирепо потряс, выливая из него воду, потом начал делать искусственное дыхание, дуть в горло и, опять положив к себе на колено, неумоимо нажимал на живот и разводил лапы, стараясь заставить дышать.

Долгое время спустя Соленый слабо кашлянул и хрипло вздохнул. Он лежал на чьей-то куртке посреди палубы. В голове у него еще стоял противный крик чаек и покачивались зеленые водяные холмы, но он уже слышал сквозь полузабытые знакомое подрагивание палубы от работающих двигателей, запах смазки и нагретой солнцем корабельной краски и надо всем этим — дуновение свежего ветра, какой бывает только в открытом море.

Потом он различил ноги стоявших вокруг него матросов, кока в белом халате, который, присаживаясь перед ним на корточки, помешивал в миске с молоком сахар и говорил:

— Ну-ка, молочка!.. Давай-давай, черт лопухий, молочка, ну!..

И в шуме общего оживления и радостного голоса он еще услышал, как над ним кто-то тихонько приговаривает:

— Эх, рыжий, рыжий, конопатый, убил дедушку лопатой!.. Что же это ты натворил, брат, а?.. Зачем же ты так-то дедушку? А?..

И так как именно на этом месте ему обязательно нужно было отвечать, а сил поднять голову и зарычать у него еще не было, Соленый благодарно скосил глаза и два раза слабо ударил хвостом по палубе.

СОДЕРЖАНИЕ

КАПИТАН КРОКУС

Повесть-сказка

Глава 1.	НЕВИННАЯ МЕЧТА ПОРОСЕНКА	5
Глава 2.	ПИРАТСКАЯ БУТЫЛКА КАПИТАНА КРОКУСА	16
Глава 3.	КАК СДЕЛАТЬСЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТЬЮ В КРАТЧАЙШИЙ СРОК	25
Глава 4.	БУРАТИНО ПОЛУПОТРОШЕННЫЙ	31
Глава 5.	КОНЕЦ ЦИРКА	40
Глава 6.	МЛЕКОПИТАЮЩАЯ МАМА	49
Глава 7.	ЗВЕРСТВА ПОРОСЕНКА	63
Глава 8.	НЕЖНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ ЮНОСТИ ГОСПОДИНА ПОЧЕТНОГО РОСТОВЩИКА	70
Глава 9.	ИСТОРИЯ ВОЗВРАЩАЕТСЯ ДАЛЕКО НАЗАД	77
Глава 10.	ПРОДОЛЖЕНИЕ СТАРОЙ ИСТОРИИ КАПИТАНА КРОКУСА	83
Глава 11.	ГДЕ СТАРАЯ ИСТОРИЯ КАПИТАНА КРОКУСА КОНЧАЕТСЯ	89
Глава 12.	ТАЙНА ГОЛОВАСТИКА	98
Глава 13.	МАРЦИПАНЧИКИ С ЖЕЛЕЗНОЙ НАЧИНКОЙ	109
Глава 14.	ОПЕРАЦИЯ «ЛЕВ И КИЛЬКА»	118
Глава 15.	МУХОЛАПКИН ПОДНИМАЕТ БУНТ	123
Глава 16.	УКРОТИТЕЛЬ В КЛЕТКЕ	133
Глава 17.	ТАЙНА ЕРЗАЮЩИХ НОСОВ	141
Глава 18.	СТАРУШКА-ТЯЖЕЛОВЕС	151
Глава 19.	СОСИСОЧНОЕ ДЕРЕВО	160
Глава 20.	ЛЬВИНЫЙ ЧЕЛОВЕК	167

Глава 21. ЛАБИРИНТ БЕЗ ВЫХОДА	173
Глава 22. ВЫХОД ИЗ ЛАБИРИНТА	182
Глава 23. ВЕЛИКИЙ СЫЩИК	194
Глава 24. СТО НЕОЖИДАННЫХ ВСТРЕЧ	198
Глава 25. ВЕЛИКИЙ СЫЩИК НАЧИНАЕТ ДЕЙСТВОВАТЬ	213
Глава 26. ЗАГАДОЧНЫЙ «УКОРОТИН»	223
Глава 27. МАЛЮТКА ДЕТЕКТИВ	229
Глава 28. ПЫЛАЮЩИЕ КОСТРЫ И ТАЙНЫЕ ЗАГОВОРЩИКИ	237
Глава 29. ДРАКОН И РВАНЫЙ ХАЛАТИК	250
Глава 30. ТАКАЯ УЖАСНАЯ, ЧТО ЕЙ И НАЗВАНИЯ НЕТ	259
Глава 31. ОПОЗОРЕННЫЙ ДИПЛОМ ОБ ОКОНЧАНИИ ДЕТСТВА	272
Глава 32. ДОМИК НА ПУСТЫРЕ ПРИБЛИЖАЕТСЯ К ГИБЕЛИ	280
Глава 33. В СЪЕДОБНОЙ ПЕЩЕРЕ АЛАДДИНА	288
Глава 34. ПОСЛЕДНИЕ ЧАСЫ ДОМИКА НА ШЛАКОВОМ ПУСТЫРЕ	299
Глава 35. ТАИНСТВЕННЫЕ ПОЗАБЫТЫЕ СЛЕДЫ	313
Глава 36. ЛОМТИК КУПАЕТСЯ В ПИРОЖКАХ	325
Глава 37. ОТЧАЯННОЕ РЕШЕНИЕ	331
Глава 38. БАГДАДСКИЙ КОВЕР-САМОЛЕТ	343
Глава 39. ПАРУС	347
Глава 40. НОЧЬ НА ПОМОЙКЕ	352
Глава 41. ТРЕБУЮЩАЯ ОБЯЗАТЕЛЬНО ВСПОМНИТЬ САМУЮ ПЕРВУЮ	357
Глава 42. КУЧКА СОЛОМЫ	366
Глава 43. ПОСЛЕДНЯЯ	374

СОЛЕННЫЙ ПЕС. Рассказ	381
------------------------------------	------------

Серия «Внеклассное чтение»

Для младшего школьного возраста

Фёдор Фёдорович Кнорре

СОЛЁНЫЙ ПЁС

Повесть-сказка и рассказ

Редактор Т. Тумурова

Художественный редактор М. Салтыков

Технический редактор Т. Тимошина

Корректор И. Мокина

Компьютерная верстка А. Павловой

ООО «Издательство Астрель»

129085, г. Москва, проезд Ольминского, 3а

ООО «Издательство АСТ»

170000, г. Тверь, пр-т. Чайковского, д. 19А, оф. 214

Наши электронные адреса: www.ast.ru

E-mail: astpub@aha.ru

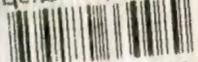
**Отпечатано с готовых диапозитивов в Государственном
Московском предприятии «Первая Образцовая типография»
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям.
115054, Москва, Валовая, 28**

200 =

ISBN 5-17-000000-0
Вн чт Кнорре Соленый пес

Цена 139р.00к.

9785170360089 10 00